

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (22) / 2021

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2021

№ 3 (22) / 2021 / ОКТЯБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Гуманитарного института ВоГУ по научной работе,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель (учитель русского языка и литературы) ГБОУ Школа № 597 «Новое поколение» (Москва),

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: e-mail: vestnik@vogu35.ru; <http://vestnik.vogu35.ru>

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 3 (22) / 2021

Series: History and Philology

VOLOGDA
2021

No. 3 (22) / 2021 / October. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology

10.01.00 Literature Studies

10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Deputy Director for Science, the Humanities Institute, Vologda State University

Ludmila V. Egorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Russian Language and Literature Teacher at School No 597 «New Generation» (Moscow)

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: e-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> СЛЕД В ИСТОРИИ: К 255-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА (1766–1826).....	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аласов И.Ф.</i> ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (2020–2021)	10
<i>Безнин М.А., Димони Т.М.</i> ТОРГОВЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ ТОВАРАМИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1950–1980-Х ГГ.	14
<i>Некрашевич Ф.А.</i> ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ СЕКТАНТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1856 ГГ.).....	20
<i>Столетова А.С., Кушнерева К.В.</i> ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ В 1950-Е ГОДЫ: ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБУСТРОЙСТВА И НЕРАВЕНСТВА.....	24
<i>Тумаков Д.В.</i> ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА 1994–1996 ГГ. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ).....	33

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Баранов С.Ю.</i> «ШТУКОВИНА ЭТА ЗАСЛУЖИВАЕТ РАБОТЫ» (ПИСЬМА Ю.Г. БУРТИНА И П.В. ПАЛИЕВСКОГО О ПЬЕСЕ В.И. БЕЛОВА «НЕ СПИ НА ЗАКАТЕ»)	38
<i>Булавина М.О.</i> ФОЛЬКЛОР И КИНО: ГОГОЛЬ НА ЭКРАНЕ	48
<i>Есипов В.В., Егорова Л.В.</i> ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Часть 2.....	53

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бахвалова Т.В.</i> СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ.....	61
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> ПОДАЧА ФРАЗЕОЛОГИИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ТИПА (РАЗМЫШЛЕНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ).....	65
<i>Галкина Н.П.</i> КОНТАКТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В КОНТЕКСТЕ МНОГОКОМПОНЕНТНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	69
<i>Ганцовская Н.С.</i> ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИ И ЗНАЧИМОСТЬ ИХ ОПЫТА ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОСТРОМСКИХ ЭТНОДИАЛЕКТНЫХ ЗОН.....	73
<i>Грибовская Н.Ю.</i> НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПИЩЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ).....	77
<i>Костючук Л.Я.</i> СОДРУЖЕСТВО СОВРЕМЕННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В «ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ» (ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ Б.А. ЛАРИНА В РАБОТЕ ЛЕКСИКОЛОГОВ И ЛЕКСИКОГРАФОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ).....	80
<i>Красовская Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ ГОВОРОВ ОДНОГО РАЙОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТУЛЬСКИХ ГОВОРОВ).....	85
<i>Новак М.О.</i> О НЕКОТОРЫХ СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ В СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII ВВ. (НОВЫЕ ДАННЫЕ)	88
<i>Трофимова О.В.</i> «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА (1848–1891 ГГ.)» В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	91
<i>Ховрина Т.К.</i> ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА И ИХ СЛАВЯНО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XVIII ВЕКА	100
<i>Шарихина М.Г.</i> НАИМЕНОВАНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ I В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА (ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ).....	104
<i>Щербин В.К.</i> «СТРАНА БОНДАЛЕТИЯ»: В.Д. БОНДАЛЕТОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛЕКТОЛОГИИ	107

ПАМЯТИ УЧЁНЫХ

<i>Андреева Е.П.</i> СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Ю.И. ЧАЙКИНОЙ.....	114
<i>Зорина Л.Ю.</i> «БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ. . .».....	117

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Новых Т.Н., Колесова И.Е.</i> VIII УНИВЕРСИТЕТ МОЛОДОГО БИБЛИОТЕКАРЯ «СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА: КУРС НА ЧИТАТЕЛЯ».....	121
<i>Саблин В.А.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ГОСТЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. О КНИГЕ М.С. ЧЕРКАСОВОЙ «КУПЕЦ Г.М. ФЕТИЕВ: ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХИВ / М.С. ЧЕРКАСОВА; ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ, СЕВЕРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН. ВОЛОГДА: ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА, 2020. 256 С.»	123

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	125
--------------------------	-----

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> A TRACE IN HISTORY: TO THE 255TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH NIKOLAI MIKHAILO-VICH KARAMZIN (1766–1826)	7
---	---

HISTORY

<i>Alasov I.F.</i> THE SECOND NAGORNO-KARABAKH WAR IN RUSSIAN-AZERBAIJANI RELATIONS (2020–2021)	10
<i>Beznin M.A., Dimoni T.M.</i> CONSUMER GOODS TRADE IN SOVIET RUSSIA IN THE 1950–1980S	14
<i>Nekrashevich Ph.A.</i> MILITARY RECRUITMENT AS A MEASURE OF PUNISHMENT FOR SECTARIANS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1801–1856)	20
<i>Stoletova A.S., Kushnereva K.V.</i> HOUSING CONDITIONS IN THE 1950S: PUBLIC PERCEPTION OF THE PROBLEM OF SOCIAL FACILITIES AND INEQUALITIES	24
<i>Tumakov D.V.</i> THE FIRST CHECHEN WAR (1994–1996) IN THE ASSESSMENT OF POST-SOVIET RUSSIAN POLITICAL ELITE (ON THE MATERIAL OF THE LIBERAL DEMOCRATIC PARTY OF RUSSIA)	33

LITERATURE STUDY

<i>Baranov S.Yu.</i> «THIS PIECE DESERVES WORK» (LETTERS FROM YU.G. BURTIN AND P.V. PALIEVSKY ABOUT THE PLAY "DON'T SLEEP AT SUNSET" BY V.I. BELOV)	38
<i>Bulavina M.O.</i> FOLKLORE AND CINEMA: GOGOL ON THE SCREEN	48
<i>Esipov V.V., Egorova L.V.</i> VARLAM SHALAMOV AND LITERARY WORLD OF VOLOGDA. Part 2	53

LINGUISTICS

<i>Bakhvalova T. V.</i> NORTHERN RUSSIAN VOCABULARY IN THE OREL DIALECTS	61
<i>Bogdanova-Beglarian N.V.</i> PRESENTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN A DIALECT DICTIONARY OF A DIFFERENTIAL TYPE (COMPILER'S REFLECTIONS)	65
<i>Galkina N. P.</i> CONTIGUOUS FUNCTIONAL CONJUNCTIONS IN MULTICOMPONENT COMPLEX SENTENCES	69
<i>Gantsovskaya N.S.</i> VOLOGDA DIALECTOLOGISTS' VALUABLE EXPERIENCE OF FIELD RESEARCH IN STUDYING KOSTROMA ETHNODIALECT ZONES	73
<i>Gribovskaya N.Yu.</i> PEOPLE'S NAMES BASED ON EATING BEHAVIOUR (ON THE MATERIAL OF THE TVER DIALECTS)	77
<i>Kostiuchuk L.Ya.</i> ASSOCIATION BETWEEN CONTEMPORARY AND HISTORICAL IN THE PSKOV REGIONAL DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA (ACHIEVEMENT OF BORIS LARIN'S IDEA IN THE ACTIVITIES OF LEXICOLOGISTS AND LEXICOGRAPHERS OVER THE DECADES)	80
<i>Krasovskaya N.A.</i> SPECIFIC ASPECTS OF COMPILING A DICTIONARY OF DIALECTS OF ONE REGION (ON THE MATERIAL OF THE TULA DIALECTS)	85
<i>Novak M. O.</i> ON SEVERAL ENTRIES IN THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 11–17 TH CENTURIES (NEW DATA)	88
<i>Trofimova O.V.</i> «MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK SPEECH IN THE TOBOLSK PROVINCE IN THE 19TH CENTURY (1848–1891)»: LINGUISTIC AND GEOGRAPHICAL ASPECTS	91
<i>Khovrina T.K.</i> FOREIGN WORDS AND THEIR SLAVIC-RUSSIAN EQUIVALENTS IN TRANSLATION DICTIONARIES OF THE EARLY 18TH CENTURY	100
<i>Sharikhina M.G.</i> NAMES OF FALSE DMITRY I IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18 TH CENTURY (SPECIFICITIES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION)	107

IN MEMORY OF SCIENTISTS

<i>Andreeva E.P.</i> DEVOTION TO SCIENCE: THE LIFE PATH OF Yu. I. CHAIKINA	114
<i>Zorina L.Yu.</i> «THE GREAT IS SEEN AT A DISTANCE ...»	117

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Kolesova I.Ye., Novykh T.N.</i> THE VIII TH UNIVERSITY OF THE YOUNG LIBRARIAN «MODERN LIBRARY: FOCUS ON THE READER»	121
<i>Sablin V.A.</i> SOCIAL PORTRAIT OF THE RUSSIAN MERCHANT IN THE SECOND HALF OF THE 17 TH CENTURY. BOOK REVIEW: CHERKASOVA, M.S. «MERCHANT G.M. FETIEV: RESEARCH AND ARCHIVE». VOLOGDA, ANTIQUITIES OF THE NORTH, 2020. – 256 P.	123

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	127
-------------------------------------	-----

В.А. Саблин

главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

СЛЕД В ИСТОРИИ: К 255-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА (1766–1826)

Н.М. Карамзин родился 1 (12) декабря 1766 года в семье Екатерины Петровны Пазухиной и Михаила Егоровича Карамзина, симбирского дворянина из рода Карамзиных, происходящего от татарского Карамурзы.

Образование получил в частном пансионе в Симбирске. В 1778 году был отправлен в Москву в пансион профессора Московского университета И.М. Шадена. В 1781–1784 годах Карамзин служил в лейб-гвардии Преображенском полку, из которого вышел в отставку в чине поручика. После отставки некоторое время жил в Симбирске, а потом – в Москве.

В 1789–1790 годы Н.М. Карамзин путешествовал по Европе, встретился в Кёнигсберге со знаменитым немецким философом Иммануилом Кантом, посетил Берлин и оказался в Париже в разгар Великой французской революции.

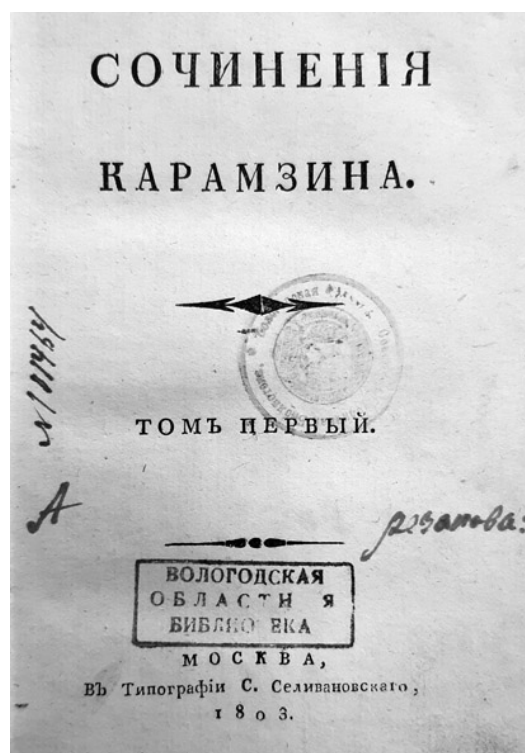
По итогам этой поездки им были написаны и опубликованы «Письма русского путешественника», которые сразу же сделали Н.М. Карамзина известным литератором. По мнению ряда ученых-филологов, именно с этой книги ведет свой отсчет современная русская литература. В этой связи стоит напомнить, что его первые литературные опыты относятся еще ко времени военной службы.

По возвращении из поездки Карамзин поселился в Москве, где начал свою деятельность в качестве профессионального писателя и журналиста, став признанным лидером сентиментализма, в то время основного литературного течения в России. В 1791–1792 годах Н.М. Карамзин издавал «Московский журнал», в котором среди других его произведений появилась знаменитая повесть «Бедная Лиза». Н.М. Карамзин вскоре выпустил ряд сборников и альманахов: «Аглая», «Аониды», «Пантеон иностранной словесности», «Мои безделки».

«Аониды» (1796–1799) представляли собой первую русскую поэтическую антологию, в которую были помещены не только его собственные стихи, но и стихи современников – Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, М.М. Хераскова и многих молодых поэтов.

Карамзин вошел в историю не только как писатель, но и как реформатор русского литературного языка. Он приблизил язык своих произведений к разговорному языку своего времени, что было необычно и вызвало бурную полемику. Одна из важнейших заслуг Карамзина состоит в обогащении литературного языка новыми словами: «благодарительность», «влюбленность», «вольнодумство», «достопримечательность», «ответственность», «подозрительность», «утонченность», «первоклассный», «человечный»,

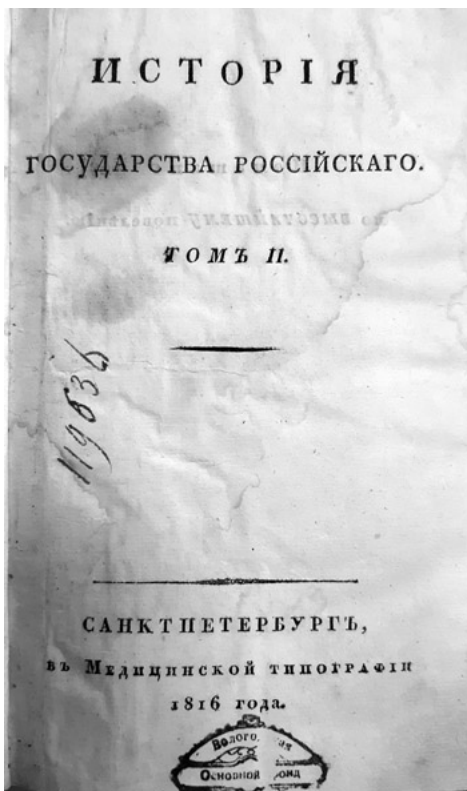
«тротуар», «кучер», «впечатление», «влияние», «трогательный», «занимательный». Именно он ввел в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность» и другие. Одним из первых он стал использовать букву ё.

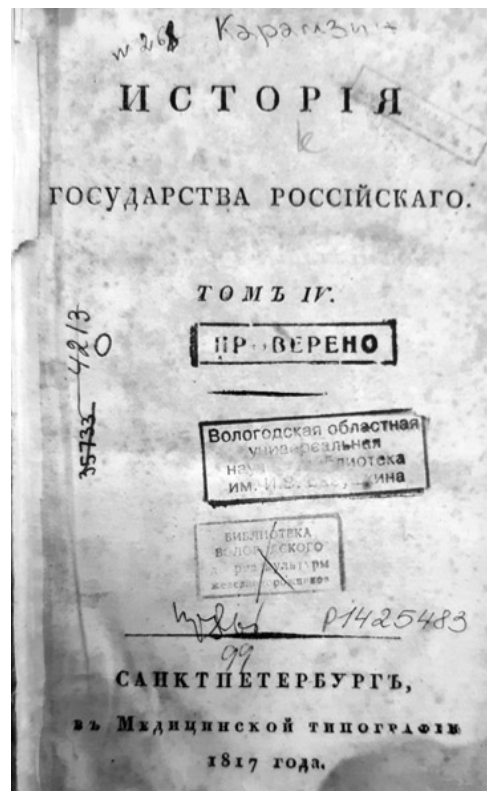
Титульный лист 1 тома собрания сочинений
Н.М. Карамзина. 1803 г. Из собрания Вологодской
областной универсальной научной библиотеки
им. И.В. Бабушкина

В 1802–1803 годах Н.М. Карамзин издавал журнал «Вестник Европы», в котором преобладали литература и политика. В его критических статьях этого периода вырисовывалась новая эстетическая программа, что способствовало становлению национальной литературы. Ключ к самобытности всей русской культуры Карамзин видел в истории.

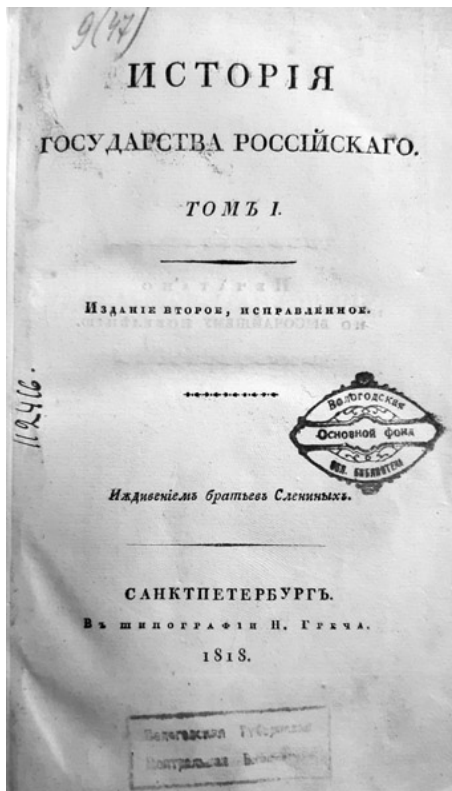
Император Александр I именным указом от 31 октября 1803 года даровал Н.М. Карамзину звание историографа с ежегодным жалованием в 2 тыс. руб. Это обстоятельство изменило характер его творчества. Н.М. Карамзин постепенно отошел от художественной литературы, а с 1804 года он прекратил всякую литературную работу, «постригся в историки».

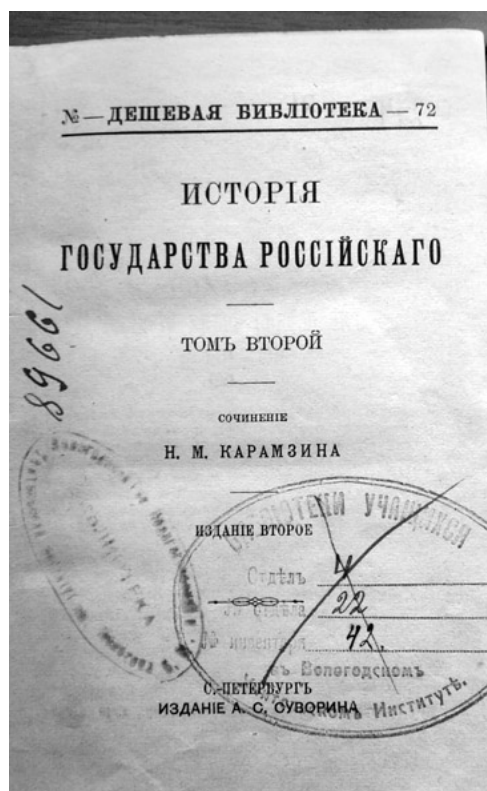
Титульный лист II тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. 1816 г. Из собрания Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина

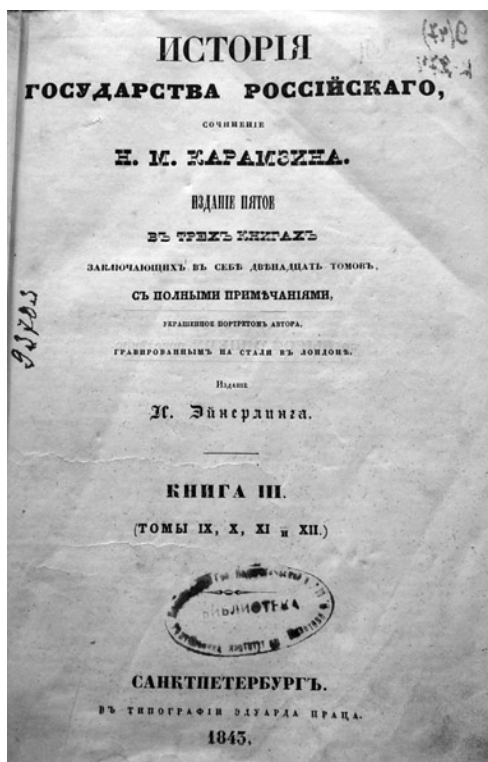
Титульный лист IV тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. 1817 г. Из собрания Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина

Титульный лист I тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Издание второе. 1818 г. Из собрания Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина

Титульный лист II тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Серия «Дешевая библиотека». XIX век. Из собрания научной библиотеки Вологодского государственного университета

Титульный лист III тома
«Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.
Издание пятое. 1845 г.
Из собрания научной библиотеки
Вологодского государственного университета

После смерти Карамзина титул историографа в России не возобновлялся.

В 1811 году Карамзин написал «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», которая отразила взгляды части консервативной дворянской оппозиции, недовольной ходом либеральных реформ Александра I и деятельностью М.М. Сперанского.

«Записки» представляют собой талантливый очерк истории России и ее современного состояния. Н.М. Карамзин впервые формулирует политические идеи, вокруг которых в XIX веке развернутся жаркие общественные споры. В XIX веке текст «Записки» находился под цензурным запретом. Первое его научное издание состоялось только в 1988 году.

В феврале 1818 года Н.М. Карамзин выпустил в продажу первые восемь томов «Истории государства Российского», тираж которых разошелся в течение месяца. В последующие годы вышли еще три тома «Истории», появился ряд переводов ее на главные европейские языки. Незаконченный 12-й том был издан после его смерти.

Труд Н.М. Карамзина «История государства Российского» открыл историю России для широкой

образованной публики. А.С. Пушкин писал: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом».

«Историческое похвальное слово Екатерине Второй, сочиненное Николаем Карамзиным».
Титульный лист. 1802 г.
Из собрания Вологодской областной универсальной
научной библиотеки им. И.В. Бабушкина

Н.М. Карамзин скончался 22 мая (3 июня) 1826 г. в Санкт-Петербурге. По преданию, смерть его стала следствием простуды, полученной 14 декабря 1825 года, когда он воочию наблюдал события, происходившие на Сенатской площади.

Память о выдающемся соотечественнике бережно хранят в нашей стране. На его родине в Симбирске (современном Ульяновске) еще 22 августа 1845 года был установлен памятник. Он представляет собой статую музы истории Клио, установленную на гранитном пьедестале. Правой рукой она возлагает на жертвенник бессмертия скрижали «Истории государства Российского», а в левой держит трубу, с помощью которой намерена вещать о славных страницах жизни России. В пьедестале, в круглой нише, размещается бюст историка.

В 1862 году его изображение было помещено среди 129 фигур самых выдающихся личностей в российской истории на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде.

С 2011 года имя Н.М. Карамзина носит международный аэропорт «Ульяновск – Баратаевка».

Сегодня в России трудно найти человека, который бы не знал о выдающемся соотечественнике Н.М. Карамзине.

И.Ф. Аласов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

ВТОРАЯ КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (2020–2021)

В статье показана миротворческая роль российской политики на Южном Кавказе в лице сопредседателя Минской группы ОБСЕ по Карабаху (Минская группа ОБСЕ по Карабаху – Франция, США и Россия). Совету Безопасности ООН до 10 ноября 2020 года не удавалось добиться выполнения армянской стороной 4-х Резолюций № 884 СБ ООН по Карабаху. Новизна статьи заключается в том, что впервые вносится в науку анализ разрешенного армяно-азербайджанского конфликта в Карабахе, где Россия смогла урегулировать международный конфликт двух стран без участия Франции и США, путем возврата Азербайджану Карабаха и прилегающих к нему 7 районов.

Карабах, Азербайджан, Армения, Российская Федерация.

Карабах (*пер. азерб. Кара – черный, Бах – сад*) в историческом, политическом, культурном и географическом отношении имеет прямое отношение к тюркскому миру, расположен в юго-восточном районе Закавказья.

Карабахское Ханство образовано Ибрагим Ханом в 1747 году при поддержке местных правителей из числа тюрков, которое было населено преимущественно мусульманскими народами. Политический лидер Ирана, основатель династии Каджаров – Шахиншах Ирана Ага Мохаммед Шах Каджар вел политику страны путем расширения своего влияния и на Карабахское Ханство, несмотря на то что Ибрагим Халилхан практически не подчинялся Ирану.

Карабах до 1805 года находился в составе Персии (Ирана), а с 26 мая 1805 года вошел в состав Российской империи по Кюрокчайскому договору, в результате русско-персидской войны 1804–1813 годов. После ликвидации Ханства в 1823 году Карабах уже представлял собой часть нескольких уездов Елизаветпольской губернии (г. Кировабад – далее Гянджа).

Перед распадом СССР в Советском союзе в ряде его субъектов возникли очаги межнациональных этнических конфликтов: первые стычки начались между армянами и азербайджанцами 20 февраля 1988 года в Азербайджанском Карабахе, далее события в Грузии в 1989 году, где народ Грузии проводил митинги с лозунгами: «Долой коммунистический режим!», «СССР тюрьма народов!», «Долой Советскую власть!», затем события в Вильнюсе 1990–1991 года привели к восстановлению независимости 15 Союзных республик [15].

Первая Карабахская война началась в 1992–1994 годах после распада СССР как территориальный конфликт между Азербайджаном и Арменией, который превратился в крупномасштабную войну за контроль над Карабахом и прилегающими территориями.

В период Первой Карабахской войны в ночь с 25 на 26 февраля 1992 года было убито 613 азербайджанцев (63 ребенка, 106 женщин, 70 стариков, восемь полностью уничтоженных семей). Однако мировое сообщество не отреагировало на чудовищное злодеяние армянских сепаратистов.

В ходе военных действий Карабах и прилегающие к нему более 20% территорий Азербайджана были захвачены армянами. 05 мая 1994 года Карабахский конфликт был приостановлен в Бишкеке, по инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ и Российской Федерации, где был заключен Бишкекский Протокол [1, с. 103–109].

Спустя 26 лет Азербайджан после неоднократных переговоров с Арменией, с учетом Минской группы России, Франции и США, всячески старался «вернуть мирным путем обратно Карабах и 7 прилегающих к нему районов Азербайджану». Вся Мировая общественность и Совет Безопасности ООН, подтверждая суверенитет и территориальную целостность Азербайджана, признавая Карабах частью Азербайджана, в течение 26 лет требовала от Армении вывести свои войска с территории Азербайджана [14].

Попытки решить проблему в рамках Минской контактной группы ОБСЕ более 25 лет так ни к чему и не привели, поэтому, как считают в Госдуме ФС РФ, для реального снижения напряженности в регионе основная миротворческая роль должна быть отведена Москве. Столкновения между армянскими и азербайджанскими силами происходят уже второй раз за полгода – последняя вспышка произошла в середине июля 2020 года, и нынешнее обострение оказалось серьезнее, создавая предпосылки начала Второй Карабахской войны [12, с. 1–3].

27 сентября 2020 года началась Вторая Карабахская война. Для Азербайджана она является и имену-

ется Отечественной. Конфликт продолжался 44 дня. После чего 10 ноября 2020 года он был приостановлен по инициативе армянской стороны в результате освобождения города Шуши (азерб. Şuşa) и вмешательства России в лице сопредседателя Минской группы [20]. Тройка сопредседателей Минской группы ОБСЕ – Россия, Франция и США – призвали к немедленному прекращению боевых действий в Нагорном Карабахе [7, с. 1–3].

В период с 5 по 15 октября 2020 года со стороны Армении были применены тактические ракетные удары российскими ОТРК «Искандер» по инфраструктуре разных городов Азербайджана. Так, по Гяндже (второй по величине город после Баку) были выпущены более четырех ракет «Смерч» с кассетными боеприпасами; по городу Хызы, Хызынскому району и Апшеронскому району Азербайджана были выпущены две ракеты средней дальности до 300 км; по третьему по величине городу Мингячевиру были выпущены три ракеты, две из них не разорвались, а третья ракета попала в жилой дом, где пять человек получили ранения, хотя целыми ракет были водохранилище и электростанция [6, с. 1–3]. Кроме того, город Тертер – один из административных центров Азербайджана с 30 сентября 2020 года стал подвергаться обстрелам со стороны Армении. По словам помощника президента Азербайджана Хикмета Гаджиева, только за 2 октября 2020 года по городу было выпущено свыше двух тысяч снарядов. 19 октября 2020 года, как заявляет Баку, Армения нанесла артиллерийские удары по хлопковому заводу города Тертер [4, с. 3–4].

5 октября 2020 года Оборонное ведомство Азербайджана подтвердило факт применения 4 октября 2020 года армянской стороной тактического ракетного вооружения, а именно – российских ОТРК «Искандер». Всего лишь через несколько часов после удара этими комплексами президент Азербайджана Ильхам Алиев 05 октября 2020 года заявил о том, что намерен начать вести диалог с Ереваном о перемирии [2].

По сведениям российского информационного агентства «ТАСС», президент Азербайджана Ильхам Алиев 5 октября 2020 года в обращении к народу по гостелеканалу AzTV заявил, что «Азербайджан восстановит режим прекращения огня, если Армения представит график вывода армянских вооруженных сил с оккупированных территорий». При этом азербайджанский лидер признал, что сделать это в период, когда идут ожесточенные бои в Карабахе, будет трудно. «Но во всяком случае над этим можно будет поработать», – пояснил президент [19].

Уже в середине войны, 12 октября 2020 года, глава комитета Госдумы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Леонид Калашников заявил «Известиям», что в Карабахе необходимо ввести разъединяющие силы Минской группы ОБСЕ, которая могла бы контролировать соблюдение перемирия [12, с. 1–3].

14 октября 2020 года Азербайджан нанес ответные ракетные точечные удары по Армении, в результате которых был уничтожен центр с тактическими ракетными комплексами, среди которых наряду с ОТРК «Точка-У» были и два новейших российских комплекса «Искандер» из четырех, находившихся на

вооружении Армении. Удар был нанесен исключительно на основании предположения, что эта техника Армении опять готова нанести удары по мирным населенным пунктам Азербайджана» [3]. «“Замороженный” карабахский конфликт устраивает всех, кроме Баку», – заявил президент Азербайджана Ильхам Алиев в своем обращении к нации 26 октября 2020 года [23]. В этот же день в силу вступила достигнутая накануне в Вашингтоне договоренность между Азербайджаном и Арменией о прекращении огня в Карабахе. Однако уже к обеду стороны обменялись обвинениями в нарушениях. В Госдуме РФ «Известиям» заявили, что по-настоящему решить конфликт может только «треугольник» Москва – Ереван – Баку, а заключенное в США перемирие – лишь подкрепление московских соглашений [11, с. 2–3]. Спустя месяц с начала конфликта в Карабахе, 27 октября 2020 года президент США Дональд Трамп заявил, что разочарован срывом режима прекращения огня. Между тем Иран заявил, что готов стать посредником в урегулировании карабахского конфликта. И Баку, и Ереван к этому предложению отнеслись скептически, уточнив: недостатка в медиаторах нет, есть проблема с достижением компромисса напрямую между двумя странами [5, с. 1–3].

10 ноября 2020 года Отечественная война была приостановлена по инициативе Армении, в ходе войны Баку вернул в состав Азербайджана Физулинский, Джебраильский, Ходжавенд, Зангеланский, Кубатлинский, Агдамский, Кельбаджарский и Лачинский районы, в том числе город Шуша (Азербайджан), без учета Лачинского коридора, связывающего Карабах с Арменией. Армения, сторона проигравшая, пошла на условие Баку и Москвы, было заключено трехстороннее соглашение о прекращении огня. Президент Азербайджана Ильхам Алиев «подписал это заявление с большой гордостью и радостью» [21, с. 1–3].

Исход трехдневных рукопашных боев за стратегический город Шуши решило появление возле него утром 9 ноября 2020 года еще нескольких групп азербайджанской пехоты. Спецподготовленные мобильные отряды Азербайджана сломали сопротивление армянского гарнизона и зачистили город, не дожидаясь подхода к нему своей бронетехники. Спецназ Азербайджана, обходя неприступный город Шуши по заросшим лесом горным склонам и к северу от него, перерезал дорогу, соединяющую город с Ханкенди, поставив Армянский гарнизон под угрозу окружения, оттесняя их из Шуши, где прорвать блокаду армянским военным не удалось [17, с. 1–3].

Особых комментариев требует проблема применения ракетного комплекса «Искандер». В ноябре 2020 года бывший начальник службы военного контроля министерства обороны Армении, экс-глава генштаба Мовсес Акопян заявил, что «в ходе эскалации конфликта в Карабахе был применен оперативно-тактический ракетный комплекс “Искандер”, не указав, в каком направлении» [16]. В ходе Отечественной войны в Карабахе премьер-министр Армении Никол Пашинян, комментируя в интервью новостному сайту «1in.am», заявил, что Сержу Саргсяну должно быть известно, почему ракеты «Искандера» не взорвались или взорвались лишь на 10% [22]. Опроверг слова премьер-министра Армении Никола Па-

Пашиняна официальный представитель Минобороны РФ Игорь Конашенков, который заявил следующее: «По имеющимся у нас объективным и достоверным сведениям, подтвержденным в том числе системой объективного контроля, ни один из ракетных комплексов данного типа в ходе конфликта в Карабахе не применялся». Также добавил, что Пашиняна «ввели в заблуждение» [18]. В начале апреля 2021 года начальник оперштаба агентства Азербайджанской Республики по разминированию (ANAMA) сообщил, что по номеру «9M723» удалось установить, что две ракеты, обломки которых были найдены 15 марта в Шуше, были запущены из ОТРК «Искандер-М». Начальник Генштаба Армении Артак Давтян отказался комментировать сообщение ANAMA, сославшись на то, что «информация не подлежит разглашению» [10].

Вышеизложенный материал создает основу для некоторых частных выводов. Победа Азербайджана по возврату Карабаха и 7 прилегающих к нему районов была одержана благодаря невмешательству в конфликт мировых держав США, Франции и России (Минская группа ОБСЕ), так как накануне выборов в США и политических, религиозных разногласий во Франции страны занимались своими внутренними проблемами, а не судьбой народов Карабаха. Далее, в победе Азербайджана над Арменией сыграла большую роль мощь ударных беспилотников Израильского и Турецкого производства.

Армения не признавала свою вину после проигрыша войны в Карабахе, а некоторые оппозиционные силы списывали поражение на позицию Москвы в момент, когда российско-армянские отношения последовательно ухудшились. В Госдуме РФ оценили, что в сложившейся ситуации для самой Армении соглашение по Карабаху было безальтернативным, при этом обвинять Москву в чем-либо неразумно [21, с. 1–3]. «В Карабах необходимо ввести разъединяющие силы Минской группы ОБСЕ, которая могла бы контролировать соблюдение перемирия», – заявил глава комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. Калашников [8, с. 1–3].

9 ноября 2020 года Азербайджан заявил об установлении контроля над 223 населенными пунктами, в числе которых пять городов и три поселка. Возвращение Шуши было необходимым условием для продолжения войны в Карабахе [17, с. 1–3]. Помимо территорий, занятых Азербайджаном в ходе военных действий (около 300 населенных пунктов в Карабахе), по условиям нынешнего соглашения Армения обязывалась до 15 ноября 2020 года вернуть Азербайджану Кельбаджарский район, до 20 ноября 2020 г. – Агдамский район и часть подконтрольного Армении Газахского района, к 1 декабря под контроль Баку должен был перейти и Лачинский район, за исключением Лачинского коридора шириной 5 км, который будет обеспечивать логистику Карабаха с Арменией. В азербайджанском парламенте «Известиям» заявили, что переход состоится точно в срок, однако возвращение в Карабах беженцев начнется только в следующем году – вначале нужно провести разминирование. Известно, что после подписания мира в город вернулось свыше 3 тысяч армян, у большинства из них есть жилье. Рос-

сия, продолжая оказывать гуманитарную помощь Карабаху, намерена привлечь к этому процессу и других сопредседателей Минской группы [9, с. 3–4]. Кроме того, стороны договорились о развертывании вдоль линии соприкосновения в Карабахе и вдоль коридора, соединяющего эту территорию с Арменией, миротворческого контингента России. Как сообщили в Минобороны РФ, всего в зону конфликта будут направлены 1960 миротворцев, 90 бронетранспортеров и 380 единиц автомобильной и специальной техники [21, с. 1–3].

По мнению российских парламентариев и экспертов, в сложившейся обстановке соглашение по Карабаху было безальтернативным. Более того, они отмечают, что достигнутые лидерами Армении, Азербайджана и России договоренности стали лишь отражением сложившегося военного положения. Баку считает случившееся историческим моментом, а в Ереване обстановка накалилась, как только стало известно о заключении мира, так что решение премьер-министра Никола Пашиняна по сути поставило крест на его политической карьере [21, с. 1–3].

Армения признала потерю города Шуши – стратегической крепости, расположенной в 11 км от г. Ханкэнди, теперь подход к ней открыт. В МИД РФ подчеркивают: Россия планирует более активно участвовать в урегулировании конфликта в Карабахе, но вмешиваться в него не собирается. Премьер-министр Армении Никол Пашинян в ночь на 10 ноября 2020 года заявил о том, что Армения и Азербайджан при посредничестве России договорились с 01:00 (мск.) о прекращении войны в Карабахе [17, с. 1–3]. В результате победы Азербайджана во Второй Карабахской войне армянские вооруженные силы оставили большие разрушения, были заминированы все территории Карабаха до капитуляции и разрушены религиозные церкви и мечети, которые будут восстановлены Азербайджаном. В настоящее время очень многие страны, в том числе Израиль, Италия, Россия и ряд других, желают участвовать в восстановлении городов на возмездной основе.

Возвращение Карабаха Азербайджану откроет путь выхода из экономической блокады для самой Армении. Об этом заявил в беседе с «Известиями» председатель комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Леонид Калашников, сказав: «Мы не должны были потакать экспансиям и отвечать на ненависть одних к другим, мы помогли разобраться в конфликтной ситуации и спасти жизни людей. Ответственность за эти события лежит на тех политиках, которые втянули свои страны в войну». Он также отметил, что «данное соглашение – шанс на деблокаду Армении, потенциальное открытие экономических границ между Арменией и Азербайджаном позволит всему населению жить лучше» [21, с. 1–3]. Между тем российские миротворцы продолжают контролировать зону закончившихся боевых действий, а армянское население передаваемых Азербайджану районов массово перебирается на «большую землю», оставляя после себя спиленные сады, сожженные дома и недобитых домашних животных. Разрушенный артиллерийскими ударами город Ханкэнди учится жить заново и ждет беженцев [13, с. 1–3].

Литература

1. Аласов, И. Ф. Политика России по Нагорному Карабаху (2015–2016 гг.) / И. Ф. Аласов // Вестник социально-политических наук. – 2016. – № 15. – С. 103–109.
2. AVIA.PRO. Армения ударила двумя ракетами «Искандер» – президент Азербайджана сразу же потребовал переговоров. – URL: <https://avia.pro/news/armeniya-udarila-dvumya-raketami-iskander-aliev-srazu-zhe-zayavil-o-peregovorah> (дата обращения: 17.04.2021). – Текст : электронный.
3. AVIA.PRO. Армения признала уничтожение района ОTRK «Искандер» и «Точка-У». – URL: https://avia.pro/news/armeniya-priznala-unichtozhenie-rayona-otrk-iskander-i-tochka-u?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 17.04.2021). – Текст : электронный.
4. Байназаров, Э. Жест доброй роли: чего ждать от встречи Пашиняна и Алиева / Э. Байназаров // Известия. – 2020. – 20 октября. – № 158 (30637). – С. 3–4.
5. Байназаров, Э. Полумеры и полумир. Баку и Ереван признали нарушение уже третьего режима прекращения огня / Э. Байназаров // Известия. – 2020. – 28 октября. – № 164 (30643). – С. 1–3.
6. Байназаров, Э. Недельное минирование. За семь дней Армения и Азербайджан не пришли к переговорам / Э. Байназаров, А. Лавров, Д. Кулага // Известия. – 2020. – 5 октября. – № 147 (30626). – С. 1–3.
7. Байназаров, Э. Хор для турецкого. РФ, Франция и США призвали к миру в Карабахе, Анкара выступила против / Э. Байназаров, А. Лавров, С. Еремин // Известия. – 2020. – 2 октября. – № 146 (30625). – С. 1–3.
8. Байназаров, Э. Бои под тенью. Контроль над перемирием в Карабахе предлагают поручить ОБСЕ / Э. Байназаров // Известия. – 2020. – 13 октября. – № 153 (30632). – С. 1–3.
9. Байназаров, Э. Ребро Агдама. Азербайджан готовится войти в переданные ему районы / Э. Байназаров // Известия. – 2020. – 20 ноября. – № 180 (30659). – С. 3–4.
10. BBC News Русская служба. Баку рассказал об обломках «Искандеров» в Карабахе. Москва недоумевает. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56612924> (дата обращения: 02.04.2021). – Текст : электронный.
11. Васильева, М. На горе Карабаху. Как Баку и Ереван соблюдают перемирие / М. Васильева // Известия. – 2020. – 26 октября. – № 163 (30642). – С. 2–3.
12. Забродин, А. Эти горы в огне. Армения и Азербайджан вновь оказались в шаге от войны / А. Забродин, А. Лавров // Известия. – 2020. – 28 сентября. – № 142 (30621). – С. 1–3.
13. Забродин, А. С горем по домам. Как армяне прощаются с переходящими Баку землями / А. Забродин, Г. Климов // Известия. – 2020. – 16 ноября. – № 176 (30655). – С. 1–3.
14. Казимиров, В. Азербайджан и Совбез ООН: повторение пройденного в карабахском конфликте / В. Казимиров // ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1651225.html> (дата обращения: 04.05.2021). – Текст : электронный.
15. Кречетников, А. Тбилиси-89: «Ночь сапёрных лопаток» / А. Кречетников // «Русская служба Би-би-си». – URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7977000/7977116.stm (дата обращения: 04.05.2021). – Текст : электронный.
16. Куденко, А. РИА Новости. Найденные в Шуше обломки ракет принадлежат «Искандер-М», заявили в Баку / А. Куденко. – URL: <https://ria.ru/20210402/baku-1603988242.html> (дата обращения: 9.04.2021). – Текст : электронный.
17. Лавров, А. Вне зоны подступов. Как Азербайджан по ошибке сбил российский вертолет и что за этим последует / А. Лавров, М. Васильева // Известия. – 2020. – 10 ноября. – № 172 (30651). – С. 1–3.
18. Lenta.RU – Россия. Минобороны России ответило на заявление Пашиняна об «Искандерах». – URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/25/iskand/> (дата обращения: 17.04.2021). – Текст : электронный.
19. МИР. Армения ударила двумя ракетами «Искандер» – президент Азербайджана сразу же предложил переговоры. – URL: <https://rusonline.org/world/armeniya-udarila-dvumya-raketami-iskander-prezident-azerbaydzhana-srazu-zhe-predlozhit> (дата обращения: 17.04.2021). – Текст : электронный.
20. Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики / Ильхам Алиев обратился к народу. – URL: <https://ru.president.az/articles/48205> (дата обращения: 20.04.2021). – Текст : электронный.
21. Портякова, Н. Меры мира. Как Баку и Ереван отреагировали на окончание войны в НКР / Н. Портякова, М. Васильева // Известия. – 2020. – 11 ноября. – № 173 (30652). – С. 1–3.
22. РБК. Пашинян усомнился в эффективности российских «Искандеров». – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2021/603587649a7947dcb0e1564a> (дата обращения: 9.04.2021). – Текст : электронный.
23. РИА НОВОСТИ. Ситуация в Нагорном Карабахе. Алиев: «замороженный» карабахский конфликт устраивал всех, кроме Баку. – 26.10.2020. – URL: <https://ria.ru/20201026/aliev-1581551481.html> (дата обращения: 26.06.2021). – Текст : электронный.

I.F. Alasov

THE SECOND NAGORNO-KARABAKH WAR IN RUSSIAN-AZERBAIJANI RELATIONS (2020–2021)

The article shows the peacemaking role of Russia in the South Caucasus as a co-chair of the OSCE Minsk Group on Karabakh (the OSCE Minsk Group on Karabakh is co-chaired by France, the United States and Russia). It is known that until November 10, 2020 the UN Security Council failed to implement four UN Security Council Resolutions No. 884 on Karabakh by Armenia. The scientific novelty of the article is proved by the fact that the resolved Armenian-Azerbaijani conflict in Karabakh is introduced into science for the first time. Moreover, it is stated that Russia succeeded in settling the interethnic conflict between the two countries by returning Karabakh and 7 adjacent regions to Azerbaijan not involving France and the United States.

Karabakh, Azerbaijan, Armenia, Russian Federation.

М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

ТОРГОВЛЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ ТОВАРАМИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1950–1980-Х ГГ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-18-00269

*«Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
 классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

В статье рассматривается вопрос о развитии советской торговли потребительскими товарами в России во второй половине XX столетия. Авторы уделяют внимание как оптовой, так и розничной разновидностям этой торговли. В статье представлены результаты сопоставительного анализа динамики торговых операций за 40 лет (объемов розничной торговли, количества торговых точек, численности сотрудников торговых предприятий, развития видов торговли в городах и сельской местности и пр.). Поднимается вопрос об институциях управления советской торговлей. Особое внимание уделяется основным формам развития розничной торговли – государственной, кооперативной и базарной.

Советская Россия, вторая половина XX века, потребительские товары, оптовая торговля, розничная торговля.

Одной из наиболее спорных позиций в советской экономической системе было существование и механизм действия товарно-денежных отношений. Как известно, экономическая наука СССР и политическая практика прошли через ряд дискуссий о товарном производстве при социализме [26], которые завершились выводами о необходимости сохранения института торговли в советской экономике, особенно в сфере потребительского рынка. Особенностью советского потребительского рынка было то, что он функционировал в товарном обращении лишь на последней стадии материального производства, а также то, что он был охвачен системой планирования (планировались объемы торговли, цены товаров, ассортимент и др.). Роль торговли в советском обществе была чрезвычайно велика, как в формировании уровня жизни населения, так и в образовании объема наличных денег. Так, в 1980-е гг. население на покупку товаров использовало более 75% денежных расходов, большая часть наличных денег, аккумулируемых в банковских учреждениях, приходилась на выручку предприятий торговли и общественного питания [37, с. 477, 483].

Изучение советской потребительской торговли первоначально проводилось в основном экономистами, оно было начато в 1960-е гг. [7; 8; 12]. Исследования историков по проблемам советской розничной торговли в основном сосредоточены на изучении 1930–1940-х гг. [9; 20; 21]. Послевоенный период в развитии советского потребительского рынка исследован в разы слабее. Наибольшему изучению в отношении послевоенной советской истории подверглась государственная политика в сфере торговли [30], базарная торговля 1950–1960-х гг. [1; 2; 3; 5], комиссия торговля [31], а также проблемы торгового дефицита и нарушений в сфере торговли [6; 10; 28; 36]. В целом исторические исследования так или иначе концентрируют свое внимание на звене розничной

торговли, упуская из виду первичное звено движения товаров – систему оптовой торговли. На рассмотрение этих двух важнейших звеньев торговли потребительскими товарами и нацелена данная статья. В данном исследовании процессы развития торговли потребительскими товарами изучаются в охвате территории РСФСР. Объемы товарооборота в этой республике составляли основную долю всего товарооборота СССР. В 1965 г., например, розничный товарооборот РСФСР составлял 61% от всего товарооборота СССР, в 1975 г. – 58% [16, с. 538]. На территории РСФСР были сосредоточены основные управленческие структуры, регулирующие советскую торговлю. Кроме того, в России 1950–1980-х гг. сохранялись сложившиеся в предыдущий период особенности организации торговли – превалирование торговых операций с продовольственными товарами, большая доля мелких торговых точек, связанная с особенностями расселения в Нечерноземье, на Урале, Дальнем Востоке и некоторых других территориях. Кроме того, изучение процессов торговли потребительскими товарами в масштабах РСФСР позволяет сравнить ситуацию с современной организацией торговых операций, что представляется важным в процессах становления и развития рыночных отношений.

Оптовая торговля потребительскими товарами: особенности организации управления

Движение товаров от производителей к розничной сети осуществлялось с помощью оптовой торговли. Сеть оптовых предприятий концентрировала продукцию, осуществляла ее хранение, сортировку, формирование ассортимента, перемещала в торговые точки. До начала 1950-х гг. этим процессом руководили министерства легкой и пищевой промышленности, в системе которых существовали специализиро-

ванные оптово-сбытовые организации, обеспечивавшие поставку торговле в соответствии с заключенными договорами продовольственной и промышленной продукции.

В 1953 г., согласно Постановлению Совета Министров СССР «Об организации оптовой торговли промышленными и продовольственными товарами в системе Министерства внутренней и внешней торговли СССР», оптовая торговля в стране была перестроена, она сосредоточилась в основном в Министерстве торговли СССР и, соответственно, в России – в Министерстве торговли РСФСР. На местах торговлей руководили областные (краевые) управления торговли, городские и районные отделы торговли. Функции сети, созданной в 1953 г. Министерством торговли, состояли в планировании оптового сбыта готовой фондируемой и нефондируемой продукции, которая вырабатывалась предприятиями легкой и пищевой промышленности, выдаче нарядов предприятиям на отгрузку товаров, составлении заявок и планов на перевозки промышленных и продовольственных товаров как для рыночных, так и для вне-рыночных потребителей.

После реорганизации 1953 г. промышленные министерства передали Министерству торговли СССР оптово-сбытовые организации: Главтекстильсбыт, Главшвейсбыт, Главобувьсбыт, Союзтабакторг, Главрыбсбыт и др. [8, с. 335–336]. На базе этих сбытовых организаций были созданы главные управления и конторы оптовой торговли на хозрасчете – Главтекстильторг, Главторгодежда, Главобувьторг, Главмясоторг, Главмаслоторг и др. Также Министерству торговли были переданы торгово-сбытовые конторы, торгово-сбытовые базы, ОРСы (отделы рабочего снабжения), розничная торговая сеть и другие организации и предприятия торговли. После ликвидации союзно-республиканского Министерства торговли в 1957 г. (с 1958 по 1965 г. существовал Госкомитет по торговле) оптовые конторы, базы, холодильники были переданы в подчинение тем республикам, на территории которых находились данные предприятия. Тем самым возможности торговли во многом ограничивались интересами «своей» республики, что сказывалось и после восстановления союзного Министерства торговли. В РСФСР организацию государственной оптовой торговли осуществляли специальные подразделения (торги) в составе Министерств торговли и некоторых других министерств – Ростекстильторг, Росторгодежда, Рособувьторг, Росмясорыбторг, Росгалантерея, Росбакалея, Роскультторг, Росхозторг, Главсеверторг; оптово-розничные организации – Росювелирторг, Рослесстройторг; организации розничной торговли и общественного питания – Главкуортторг, Главресторан.

Наибольший объем оптового оборота имели Росмясомолторг – в 1975 г., например, 23 млн руб., что составляло примерно четверть объемов оптового товарооборота, а также Росбакалея – в том же году 15 млн руб., что составляло 16% товарооборота оптовых торговых организаций РСФСР [19, с. 26].

Таким образом, государственная торговля велась различными государственными организациями – торговыми, трестами, ОРСами, оптовыми базами, торговыми конторами и т.д. Всего по состоянию на

1963 г. в советской торговле работали 1728 торгов, из них 550 продовольственных, 346 промтоварных, 704 универсальных торгов, 128 – уставных универмагов [27, с. 286]. Довольно большое место в розничном товарообороте занимали местные торги. В 1970 г. местные торги РСФСР (вместе с трестами столовых и организаций республиканского подчинения Минторга СССР) занимали долю, равную 74% в товарообороте государственной торговли, ОРСы и продснабы – около 19% и 7% – прочие организации [19, с. 18].

Кроме того, Министерству торговли РСФСР подчинялась контора розничной посылочной торговли – Посылторг. В 1972 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС и СМ СССР, направленное на развитие подобных форм «внемагазинной» торговли (в том числе передвижной торговли, продажи товаров на дому и пр.) [18, с. 464]. В системе государственной торговли были и магазины, призванные обслуживать определенные группы потребителей (военторг, спецмагазины для номенклатуры, магазины типа «Березка» и др.).

Оптовые конторы и базы были хозрасчетными объединениями, имели самостоятельный баланс в банке, пользовались банковским кредитом. Конторам были приданы многие коммерческие функции: они должны были изучать и прогнозировать спрос, утверждать базам планы товарооборота, контролировать его выполнение. Конторы и базы обязаны были обеспечить поставки товаров в ассортименте, соответствующем спросу населения по договорам с предприятиями или с базами других регионов. Оптовыми организациями выдавали поставщикам наряды на отгрузку товаров [13, с. 12]. Роль оптовых организаций торговли в 1970–1980-е гг. стала рассматриваться как ведущая в формировании планов производства разных видов продукции, мобильном обеспечении магазинов товарами, пользующимися спросом [17, 1982]. В целом торговые операции давали прибыль. Например, прибыль торговых организаций РСФСР (торгов, ОРСов, продснабов, специализированной сети, потребкооперации) в 1970 г. составляла в общей сумме 1,5 млрд руб. [14, с. 381]

Число оптовых баз в РСФСР увеличивалось: в 1955 г. (включая холодильники, выполняющие функцию баз) оно равнялось 656, в 1960 г. – 711, в 1970 г. – 747, в 1980 г. – 892, в 1985 г. – 896 оптовыми базами [34, с. 422]. Площадь складских помещений оптовых баз и контор в РСФСР возросла с 2,3 млн кв. м в 1965 г. до 3,9 млн кв. м в 1988 г., емкость холодильников, соответственно, – с 995 тыс. т до 1397 тыс. т (Там же). Количество товарных складов в РСФСР тоже возрастало. Например, общетоварных складов РСФСР статистикой было зафиксировано в 1960 г. 48 тыс., в 1970 г. – 53 тыс., в 1980 г. – 54 тыс., в 1988 г. – 55 тыс. (Там же, с. 416–417). Кроме того, существовала большая сеть специализированных складов (картофелехранилища и пр.). Тем не менее, складское хозяйство торговли было недостаточным: в 1985 г., по сведениям, приведенным в научной литературе, 85% непродовольственных товаров хранилось в розничной торговле, из них основная часть – в подсобных помещениях магазинов [13, с. 32].

Движение товаров в оптовых предприятиях осуществлялось в двух формах – складской и транзитной. При складском товарообороте оптовые предприятия завозили товары на свои склады, организовывали их хранение, формировали торговый ассортимент, реализовывали эти товары и вели за них расчеты. При транзитном товарообороте товары от поставщиков поступали покупателям, минуя склады оптовых организаций. При этом виде товарооборота отгруженные товары оплачивались предприятиями-покупателями, а оптовые предприятия лишь организовывали связь между предприятиями-поставщиками и предприятиями-покупателями и контролировали выполнение этих договоров.

Весь период 1950–1980-х гг. преобладающим был транзитный товарооборот. В 1958 г., например, было реализовано транзитом 55% общего объема реализации всех оптовых организаций Министерства торговли СССР [8, с. 336]. Как видно из сравнения данных об объемах складского и транзитного оборота России, складской оборот и в середине 1970-х – первой половине 1980-х гг. составлял меньшую долю в товародвижении РСФСР – чуть более трети его объема в ценовых показателях [24, с. 333; 23, с. 261]. Доля же транзитного товарооборота даже в конце советской эпохи превышала 60% объема товарооборота в ценовых показателях. Эти показатели в том числе отражали инфраструктурные проблемы торговли – недостаток площадей складов, отсутствие на них необходимого оборудования (холодильного, фруктохранилищ, картофелехранилищ с активной вентиляцией и пр.). Отставание развития складского хозяйства четко прослеживается из сравнения темпов роста розничного товарооборота, товарных запасов и складского хозяйства. Если в 1970 г. по сравнению с 1940 г. розничный товарооборот в советской торговле вырос в сопоставимых ценах почти в 6,5 раза, товарные запасы в денежном исчислении – в 15 раз, то количество общетоварных складов увеличилось только в 1,5 раза, а площадь их – в 3,1 раза [35, с. 100–101].

Опосредованно о развитии систем хранения свидетельствует величина товарных запасов в розничной сети в днях товарооборота. Этот показатель серьезно возрос по сравнению с довоенным периодом. В 1940 г. товарные запасы в розничной сети России составляли 36 дней. В 1960–1980 гг. они колебались на уровне 77–93 дней торговли, то есть существенно возросли [24, с. 14]. С одной стороны, это характеризует оптовую и розничную торговлю как более подготовленную к процессу концентрации, хранения, учета спроса покупателей, а с другой стороны – показывает небольшую востребованность населением товаров, поступавших в пункты торговли. Как известно, розничная торговля в советской России характеризовалась наличием дефицита на товары повышенного спроса (модную одежду, мебель, электротовары, автомобили и пр.), а то, что поступало в магазины, часто было неактуально, немодно и не покупалось потребителями. Об этих процессах говорит и множество косвенных показателей, например объемы вкладов населения в сберкассы. Уже в 1958 г. в СССР остаток вкладов населения в сберкассах был равен двум третям стоимости товарных остатков в торговой сети

[22, оп. 30, д. 265, л. 129]. На начало 1968 г. у населения СССР в сберегательных кассах и наличными, по сведениям ЦСУ СССР, имелось 44 млрд руб., что объяснялось «несоответствием между постоянно возрастающими денежными доходами населения и возможностью удовлетворения спроса на товары и услуги» (Там же, оп. 60, д. 224, л. 54).

Розничная торговля потребительскими товарами: особенности реализации торговой деятельности

Розничная советская торговля официально существовала в трех основных формах: государственной, кооперативной и базарной. Основную часть розничной торговли России составляла государственная торговля – ее доля равнялась примерно двум третям всего товарооборота [15, с. 279]. Все основные и оборотные фонды государственной торговли (здания, склады, товары и др.) принадлежали государству. Основная часть предприятий государственной торговли располагалась в городской местности, кооперативной – в сельской местности.

Своеобразным барометром розничной торговли можно считать темпы роста розничного товарооборота в России. Общий объем его серьезно увеличился, в абсолютных ценах он возрос с 1940 г. по 1987 г. более чем в 14 раз (Там же, с. 277). Наиболее интенсивно розничный товарооборот нарастал в 1951–1955 гг., когда его среднегодовые темпы прироста составили 13,2% и в 1956–1960 гг. – 8,5%. В 1960–1980-е гг. среднегодовые темпы прироста товарооборота снижались: в 1966–1970 гг. они составляли 7,7%, в 1970–1975 гг. – 6,1, в 1975–1980 гг. – 4,2, в 1981–1985 гг. – 2,4% [34, с. 51]. Увеличивалось число предприятий розничной торговли, хотя и более медленными темпами, чем объем товарооборота. Наиболее интенсивно число торговых точек в РСФСР возросло в 1950-е гг. – на 65 тыс. объектов и на 46 тыс. – в 1960-е гг. Основная часть торговых точек была представлена магазинами и лавками, на долю «мелких» торговых заведений, палаток и киосков, приходилось примерно 20% торговых точек [33, с. 8]. Среднегодовая численность работников торговли в РСФСР также динамично увеличивалась: – в 1960 г. их было 2,2 млн, в 1970 г. – 3,6 млн, в 1980 г. – 4,5 млн, в 1988 г. – 4,9 млн человек. Доля работников торговли (вместе с общепитом) в 1980-е гг. составляла более 7% всех занятых в народном хозяйстве России [34, с. 10–11].

В 1950–1970-е гг. в розничной торговле наблюдалась ярко выраженная линия на специализацию магазинов [35, с. 96]. Основная часть магазинов государственной розничной торговли России в 1950–1960-е гг. имела тяготение к продовольственной специализации (в 1951 г. 38% магазинов были продовольственными, в 1961 г. – 47%, в 1970 г. – 50%) [14, с. 357–358]. Специализация продовольственных магазинов часто была довольно узкой – булочные, мясорыбные, овощные, бакалейные, молочные, виноводочные и др. Остальная часть магазинов имела непродовольственную или смешанную специализацию. Промтоварные магазины часто тоже имели профильные товары и специализировались на продаже тканей, обуви, галантереи и парфюмерии, книг, мебели и т.д.

Нельзя сказать, что советская государственная торговля существовала вне мировых рыночных тенденций. Руководители торговли СССР были о них информированы и старались учитывать. Например, в 1958 г. министр торговли СССР Д. Павлов обратился к Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с большим письмом о необходимости внедрения новых форм в развитии розничной торговли. В частности, он писал: «Население предъявляет повышенные требования не только к количественной стороне при удовлетворении своих потребностей, но и требует наличия более разнообразного ассортимента изделий с учетом вкусов и запросов отдельных граждан... Население желает иметь широкий выбор высококачественных товаров с красивой внешней отделкой, хорошо и удобно упакованных» [22, оп. 30, д. 265, л. 72]. В 1960-е гг. получали развитие универсальные магазины (универмаги) с большим ассортиментом товаров, универсамы (магазины самообслуживания). Началась продажа предварительно упакованных товаров. В 1963 г. в советской торговле она составила около 6% по маслу, 7% – по макаронным изделиям и по кусковому сахару, 24% – по соли [4, с. 61]. Продавцы стремились дать привлекательную рекламу товару, оформить витрины, шло изучение потребительского спроса. Однако из-за специфики советской экономической системы все эти процессы развивались медленно, с большим отставанием от мировых тенденций.

Кооперативная торговля в 1950–1980-е гг. занимала около пятой части объема розничного товарооборота России [15, с. 279]. Она обслуживала главным образом сельскую местность. В советские потребительские кооперативы в середине 1960-х гг. были объединены 35 млн пайщиков. Треть товаров, которые продавались через торговую кооперативную сеть, поступала за счет закупок у колхозов и колхозников или у колхозных предприятий по переработке сельхозпродукции [4, с. 59]. Остальные товары поступали от предприятий государственной торговли. Кооперативная торговля также была охвачена системой планирования (по объему оборота, размещению магазинов, ценам, зарплате служащих).

Советская потребкооперация имела собственные базы и склады. В 1953 г. это были базы областных, краевых, республиканских потребсоюзов. В конце 1950-х гг. система потребительской кооперации во многом была освобождена от функций оптовой торговли – это касалось райпотребсоюзов, расположенных в одних пунктах с межрайонными базами. В указанный период начала развиваться централизованная доставка товаров кооперативным организациям, возросла роль межрайонных баз [8, с. 337].

Своеобразной формой оптовой торговли потребкооперации была посылочная торговля по заказам потребительских обществ и магазинов. Эта работа была начата Центросоюзом в 1953 г. и касалась сложного ассортимента товаров (галантереи, товаров культурного назначения). Нередко в районах проводились выставки образцов, на места выезжали товароведы и принимали заказы, после чего товары доставлялись в магазины (Там же).

Основная часть товаров, продававшихся в розничном товарообороте государственной и коопера-

тивной торговли, в 1950–1960-е гг. была представлена продовольственными товарами. В 1950 г. в РСФСР их было реализовано (в ценах соответствующих лет) 62% от всего товарооборота, в 1958 г. – 57%, в 1963 г. – 60% [27, с. 333]. Соответственно оборот промтоваров составлял менее половины всего объема продаж. В группе продовольственных товаров в 1950–1960-х гг. более 20% объема продаж приходилось на продукты животноводства, от 15 до 19% – на хлебопродукты. Среди промышленных товаров на первых местах по объемам продаж были ткани, одежда и белье (Там же, с. 334).

Розничный оборот государственной и кооперативной торговли России в расчете на душу населения довольно быстро увеличивался, с 1970 по 1975 г. он вырос на 34% (с 681 руб. на душу населения за год до 912 руб.) [19, с. 15–17]. В городах темпы роста розничного товарооборота в этот период увеличивались медленнее, чем в сельской местности, что было связано с появлением гарантированной оплаты труда колхозников и повышением денежных выплат, особенно заметных в колхозной среде. Но все же по объемам розничного товарооборота город выглядел в большей мере втянутым в товарно-денежные отношения, село отставало от него как по покупке продовольственных, так и непродовольственных товаров.

К легальным видам розничной торговли относились и комиссионная торговля, через которую население по более высоким ценам могло приобрести дефицитные товары (магнитофоны, дубленки, «фирменную» одежду и обувь). На 1 января 1971 г. в СССР действовало 1270 комиссионных магазинов, товарооборот комиссионной торговли за 1975 г. достиг в стране 2026,5 млн руб. Доля комиссионной торговли достигала 1–4% во всем розничном товарообороте [31, с. 87].

Колхозная базарная торговля нередко трактуется в современной исторической литературе как один из наиболее рыночных сегментов российской экономики советского времени. Однако скорее это был остаток старой крестьянской России, который во второй половине XX в. довольно быстро уходил в прошлое. Через колхозную (базарную) торговлю продавали свою продукцию колхозы и колхозники непосредственно населению. Один из авторов статьи, описывая крестьянскую базарную торговлю, отмечал: «Даже в начале 60-х годов в любом городке или райцентре в выходной день население устремлялось на рынок. Не спеша, люди обходили мясные, молочные, овощные ряды, подбирая наиболее подходящий для себя товар. Там, где не было отдельной “вещевой толкучки”, на рынке продавали и подержанные, в основном промышленные, товары» [3, с. 144–145]. Колхозная торговля осуществлялась вне системы оптовой торговли, она не подлежала государственному планированию ни по объему, ни по ценам. В этой системе полномасштабно действовал закон спроса-предложения, цены на колхозном рынке были значительно выше государственных цен. Доля колхозной торговли в общем объеме товарооборота была небольшой и постоянно снижалась. В 1960 г. колхозная торговля составляла 3,4% всего розничного товарооборота России, в 1985 г. – 1,9% [15, с. 279]. Основная часть базарной торговли

была нацелена на удовлетворение спроса по продуктам питания, в первую очередь на базаре покупали овощи, мясные и молочные продукты.

Некоторые экономисты 1950–1960-х гг. расширяли сферу торговли, включая в нее «внутриколхозный рынок» (например, продажу поросят колхозникам из общественного хозяйства, продукции подсобных предприятий колхоза; покупку колхозом у колхозников телят для выращивания на мясо, картофеля на семена и др.). Особенно ярко эта дискуссия проявилась в конце 1950-х – 1960-е гг. после введения авансирования колхозников в 1958 г., что позволило ряду ученых считать натуральную часть оплаты труда колхозников процессом покупки ее по безналичному расчету. Однако эта дискуссия так и осталась незавершенной [11, с. 248–261]. Данная дискуссия интересна тем, что верифицировала стремление общественной мысли расширить сферу рыночных отношений в советской России.

В торговле 1950–1980-х гг., в основном розничной, существовал и нелегальный механизм сбыта и приобретения продукции – черный рынок. Он представлял собой подкласс рыночного механизма, параллельный формальной экономической схеме. Черный рынок был нелегальным и действовал в большинстве сфер товаризации продукта. Действие этой системы усиливалось начиная с 1950-х гг. Широко известна роль черного рынка в снабжении населения дефицитными товарами (ширпотреб, техника, продукты питания и др.). Менее изучен черный рынок в оптовой торговле и в торговле производственными капиталами (средствами производства). Объемы черного рынка СССР в сфере материального производства, по подсчетам экономистов, составляли в 1960–1961 гг. 2,5 млрд руб. в год, в 1989–1990 гг. – 73 млрд руб. в год [32, с. 16].

* * *

Таким образом, институт торговли, в частности торговли потребительскими товарами в 1950–1980-е гг., наращивал свои ресурсы в советском обществе. Это выразилось в расширении объемов торговых операций, особенно в 1960–1970-е гг., увеличении количества торговых точек, численности занятых в этой сфере работников. Продолжалось и складывание звена оптовой торговли, организационно регулировавшего деятельность поставщиков и продавцов товаров, выполнявшего посреднические, менеджерские (планово-распределительные) и мониторинговые функции. В уровне оптовой торговли нарастала складская инфраструктура, позволявшая маневрировать интенсивностью поставок потребительских товаров. В розничной торговле сохранялись сложившиеся еще в довоенный период формы: государственная, кооперативная, базарная. Первая из них в послевоенный период развивалась наиболее активно. Кооперативная форма торговли превалировала, как правило, в сельской местности. Как в государственной, так и в кооперативной торговле нарастало внимание к учету спроса и потребностей населения в различных группах товаров, наблюдались попытки анализировать спрос и планировать поставки в магазины согласно его колебаниям. Основное внимание торговля уделя-

ла вопросам снабжения населения продуктами питания, что в стране, пережившей войну, послевоенный голод и раскрестьянивание, было вполне логично. Базарная торговля представляла собой уходящую форму розничных торговых операций, это было звено «старой» эпохи, пришедшей из аграрного общества. Однако вместе с развитием торговли потребительскими товарами в 1960–1980-е гг. в советской России нарастало увеличение спроса на продукты, и, как следствие, возникал товарный дефицит в отношении, прежде всего, модных непродовольственных товаров. Это порождало развитие своеобразного «торгового андеграунда» (черного рынка) и формировало слой предпринимателей, нацеленных на концентрацию в своих руках торговых и промышленных капиталов.

Литература

1. Безнин, М. А. Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е – первой половине 60-х годов / М. А. Безнин // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 69–85.
2. Безнин, М. А. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950-е – 1965 гг. / М. А. Безнин. – Вологда : ВГПИ, 1990. Ч. 1 – 75 с. ; Ч. 2 – 69 с. ; Ч. 3 – 60 с.
3. Безнин, М. А. Крестьянский двор Российского Нечерноземья 1950–1965 гг. / М. А. Безнин. – Москва – Вологда : [б/и], 1991. – 255 с.
4. Великий вызов. – Москва : Прогресс, 1969. – Т. 1. – 286 с.
5. Гулин, К. А. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века / К. А. Гулин, Т. М. Димони, С. Г. Карпов. – Вологда : ВГПУ, 2003. – 201 с.
6. Демчик, Е. В. Продуктовый дефицит в изобильном крае: к вопросу о феномене советской торговли 1960–1970-х гг. / Е. В. Демчик, Г. А. Гряникова // Исторические вызовы и экономическое развитие России. – Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. – С. 346–350.
7. Дихтяр, Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Г. А. Дихтяр. – Москва : АН СССР, 1961. – 472 с.
8. Дихтяр, Г. А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма / Г. А. Дихтяр. – Москва : Наука, 1965. – 402 с.
9. Зеленен, И. Е. Был ли колхозный неонэп? / И. Е. Зеленен // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 105–121.
10. Кирсанов, Р. Г. Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) / Р. Г. Кирсанов // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2014. – № 7–1. – С. 36–41.
11. Кузнецов, Г. Я. Товарные отношения и экономические стимулы в колхозном производстве / Г. Я. Кузнецов. – Москва : Мысль, 1971. – 295 с.
12. Малофеев, А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963) / А. Н. Малофеев. – Москва : Мысль, 1964. – 439 с.
13. Мартиросян, А. М. Оптовая торговля товарами народного потребления / А. М. Мартиросян. – Ереван : Айтастан, 1985. – 166 с.
14. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Статистический ежегодник. – Москва : Статистика, 1971. – 488 с.
15. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Статистический ежегодник. – Москва : Финансы и статистика, 1986. – 655 с.
16. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. – Москва : Статистика, 1977. – 710 с.
17. «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одина-

дцатой пятилетке». Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 14 января 1982 г. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6971#05870776100834111> (04.05.2021). – Текст : электронный.

18. «О некоторых мерах по улучшению торговли и ее технической оснащенности». Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 7 января 1972 г. // Свод Законов СССР. – Москва : Известия, 1989. – Т. 8. – 574 с.

19. Основные показатели развития торговли РСФСР (1970, 1975, 1976 и последующие годы). – Москва : Министерство торговли РСФСР, 1977. – 67 с.

20. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941 / Е. А. Осокина. – Москва : Росспэн, 1999. – 271 с.

21. Осокина, Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928–1935 гг. / Е. А. Осокина. – Москва : МГОУ, 1993. – 144 с.

22. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 265. Л. 72, 129; Оп. 60. Д. 224. Л. 54.

23. Розничная и оптовая торговля РСФСР в 1986–1987 годах. – Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1988. – 301 с.

24. Розничная и оптовая торговля РСФСР в годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.). Статистический сборник. – Москва : Госкомстат РСФСР, 1982. – 575 с.

25. Рубинштейн, Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. – Ленинград : Издание Ленинградского университета, 1964. – 396 с.

26. Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. – Москва : Мосгорархив, 1995. – 221 с.

27. Советская торговля. Статистический сборник. – Москва : Статистика, 1964. – 502 с.

28. Столетова, А. С. Советская торговля в 1960–1980-е годы: базовые принципы и их искажение / А. С. Столетова // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 416–437.

29. Твердюкова, Е. Д. Борьба с обманом потребителей в СССР (1930–1950-е гг.) / Е. Д. Твердюкова // История государства и права. – 2010. – № 1. – С. 30–34.

30. Твердюкова, Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. – Санкт-Петербург, 2011. – 328 с.

31. Твердюкова, Е. Д. Комиссионная торговля в советской России – СССР (1917 – 1991 гг.) / Е. Д. Твердюкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2013. – № 4. – С. 80–89.

32. Теневая экономика. – Москва : Экономика, 1991. – 158 с.

33. Торговля РСФСР за 1971 год. Статистический сборник. – Москва : [б/и], 1972. – 202 с.

34. Торговля СССР. Статистический сборник. – Москва : Финансы и статистика, 1989. – 456 с.

35. Фельдман, И. М. Розничная торговля производственными товарами (теория и практика) / И. М. Фельдман. – Москва : Экономика, 1974. – 199 с.

36. Хазиев, Р. А. «Культура советской торговли» эпохи Хрущева: виртуозы обвеса, обсчета и продажи «из-под полы» / Р. А. Хазиев // Вестник Башкирского университета. – 2010. – № 3. – С. 884–891.

37. Экономический строй социализма. – Москва : Экономика, 1984. – Т. 3. – 639 с.

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

CONSUMER GOODS TRADE IN SOVIET RUSSIA IN THE 1950–1980S.

The article was prepared at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00269 «Transformation of Russian society in the 1950–1990s: class genesis and evolution of the economic structure»

The article deals with the development of Soviet trade in consumer goods in Russia in the second half of the twentieth century. The authors consider both wholesale and retail trade. The article presents the results of a comparative analysis of the dynamics of trade operations over 40 years (the volume of retail trade, the number of outlets, the number of employees of trading enterprises, the development of types of trade in cities and rural areas, etc.). The question of management institutions in Soviet trade is also the focus of attention. Special attention is paid to the main forms of retail trade development: state, cooperative and market.

Soviet Russia; the second half of the twentieth century; consumer goods; wholesale trade; retail trade.

Ф.А. Некрашевич

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ СЕКТАНТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1801–1856 гг.)

Российское правительство использовало военную службу как меру наказания за пропаганду запрещенных религиозных учений. В данной статье рассмотрена проблема применения данного вида наказания в отношении сектантов Российской империи в первой половине XIX столетия. Кроме того, рассмотрены условия прохождения сектантами военной службы в российской императорской армии.

Армия Российской империи, секты, наказание, скопцы, духоборы, молокане, исправительная система.

В Российской империи в период с 1705 по 1874 гг. основным способом комплектования вооруженных сил являлось проведение рекрутских наборов. При этом рекрутчина являлась не только повинностью податного населения, но и видом уголовного наказания. За совершение целого ряда преступлений виновный мог быть отправлен на длительную военную службу. Соответственно армия играла в некоторой степени роль пенитенциарного учреждения, призванного «перевоспитать» отдельные категории несознательных подданных империи. Одной из категорий населения, в отношении которой военная служба активно применялась в качестве меры наказания, являлись приверженцы сект.

Цель данной статьи – раскрыть механизм привлечения сектантов на службу в российскую императорскую армию. Хронологические рамки исследования обусловлены началом правления императора Александра I, когда началось систематическое распространение на отдельные группы сектантов наказания в виде военной службы, а также окончанием Крымской войны в 1856 г., после которой в Российской империи стали проводиться постепенные реформы по изменению системы комплектования вооруженных сил.

Политика российского правительства в области прав верующих носила комплексный и противоречивый характер. С одной стороны, она всегда основывалась на принципе веротерпимости. С другой стороны, сохранялась практика, характерная для традиционных христианских обществ, когда один привилегированный религиозный институт опирался на силу государства для поддержания своего исключительного правового статуса [1, с. 113]. В связи с этим правительство всегда стремилось поддерживать господствующее положение Православной церкви как одного из столпов государственной системы. Для сохранения этой ведущей роли в Российской империи всегда существовала уголовная защита Православной церкви от религиозных общин (сект), стремившихся переманить адептов титульной религии на свою сторону.

В Российской империи не существовало единого подхода к определению термина «секта». В целом под сектой понималось «организованное общество людей,

разномыслящих с господствующей церковью, но согласных друг с другом в религиозном отношении» [2, с. 324–330]. Традиционно российскими властями было принято классифицировать секты по степени опасности в соответствии с религиозными критериями, характеризующими степень отступления от учения Православной церкви и христианства в целом, а также причинами политического и нравственного характера [1, с. 128]. Наиболее опасные секты подвергались уголовному преследованию. Согласно ст. 192 Свода Законов Российской империи 1832 г. и Ст. 207 Уложения о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г., к ним относились скопцы, духоборы, иконоборцы, молокане, иудействующие и другие секты, признанные особенно вредными [9, с. 70; 6, т. 20, № 19283].

На наш взгляд, можно выделить несколько этапов принудительного направления сектантов на военную службу. На протяжении первого этапа (1801–1825 гг.) уголовное преследование сектантов и использование военной службы в качестве наказания были сведены к минимуму. На втором этапе (1825–1845 гг.) власти перешли к широкому использованию репрессивных мер с целью подавления сектантских движений. В связи с этим практика отправки религиозных отступников в армию значительно возросла. Наконец, на протяжении третьего этапа (1845–1856 гг.) власти, не отказываясь от репрессивной политики в целом, стали ограниченно применять военную службу в качестве наказания в отношении сектантов.

Политика вступившего в 1801 г. на престол императора Александра I в отношении сектантов носила комплексный характер. С одной стороны, самодержец был убежден, что только веротерпимая политика государства может способствовать постепенному увяданию деструктивных религиозных течений. С подачи императора российские власти свели к минимуму преследование общин большинства сектантов [4, с. 26]. Несмотря на отдельные факты преследования (например, отдача в солдаты сибирских духоборов в 1807 г., а также астраханских иконоборцев в 1820-х гг.), в целом правительство Александра I отказалось от идеи массового привлечения представителей большинства сект на воен-

ную службу [3, с. 69, 134]. С другой стороны, именно при Александре I началось систематическое направление на военную службу сектантов, религиозные практики которых были связаны с членовредительством. Речь идет в первую очередь о течении скопцов.

Многочисленные постановления правительства предписывали отправлять выявленных скопцов на военную службу. Например, 8 января 1807 г. отданные в армию по приговору суда скопцы шли в зачет их селениям за рекрут [5, т. 29, № 22.422]. Тем самым власти стимулировали население империи сообщать полиции о скопцах, чтобы частично переложить на плечи сектантов бремя несения рекрутской повинности. В следующем году власти пошли еще дальше и начиная с 8 октября 1808 г. за отданных на военную службу скопцов старше 35 лет (максимального призывного возраста, который не распространялся на скопцов) общины получали половину зачетной рекрутской квитанции. Кроме того, несовершеннолетние скопцы по достижении 17 лет также должны были быть отправлены на службу в армию (Там же, т. 30, № 23.294).

Отличительными чертами правоприменительной практики в отношении скопцов являлись жесткость и последовательность со стороны органов власти Российской империи. Нередко послабления со стороны государства в отношении совершивших преступления подданных не затрагивали членов этой секты. Например, на скопцов не распространялся Всемиловейший Манифест 30 августа 1814 г. (Там же, т. 33, № 26.484). Этот манифест даровал свободу состоящим под следствием лицам, не совершившим смертоубийства, разбоя и грабежа. Даже в период значительных послаблений в отношении подданных власти стремились максимально жестко действовать в отношении скопцов и изолировать их от общества посредством отправки в армию или в ссылку.

В 1823 г. было принято решение о прекращении отдачи в рекруты за совершение уголовного преступления. Вместо этого осужденные приговаривались к отправке на поселение в Сибирь (Там же, т. 38, № 29328). Такое решение было вызвано огромными масштабами дезертирства со стороны военнослужащих, направленных в армию по решению суда. Другими словами, отправка криминальных и асоциальных элементов в российскую армию достигла таких масштабов, что стала сказываться на уровне ее боеспособности. Поэтому российские власти временно перестали использовать вооруженные силы в качестве института перевоспитания подданных. Тем не менее, данное решение не касалось скопцов. Годные к военной службе представители данной религиозной группы продолжали направляться в вооруженные силы, а не на поселение [3, с. 243].

В период правления Николая I (1825–1855 гг.) происходило целенаправленное применение репрессивных мер с целью силой заставить адептов всех сект перейти в лоно Православной церкви. В достижении поставленной цели значительную роль должны были сыграть вооруженные силы империи. С одной стороны, император рассматривал армию как идеальный инструмент перевоспитания подданных, ведущих асоциальный образ жизни (сектанты, бродяги, пре-

ступники). С другой стороны, экономические трудности и постоянный некомплект вооруженных сил вынуждали власти искать дополнительные возможности комплектования войск, чтобы не подрывать крепкие крестьянские хозяйства. Поэтому в армию стало поступать все больше преступных элементов.

Репрессивную политику правительства Николая I в отношении сектантов в полной мере иллюстрирует Свод законов Российской империи 1832 г. Согласно Ст. 151, пропаганда сектантами своего вероучения, а также открытое порицание Православной церкви, являлись уголовными преступлениями. Все лица, уличенные в данном преступлении и годные к военной службе, направлялись в армию. Неспособные к службе в вооруженных силах, а также женщины приговаривались к ссылке на поселение в Кавказский край. Иными словами, формально власти наказывали сектантов лишь за попытки распространить свое вероучение. Лица, принадлежащие к секте, но не совершающие попыток обратить в нее иных лиц, уголовному преследованию не подвергались. Исключение составляли лишь адепты учения скопцов. Любой принадлежащий к данной секте (из числа годных к военной службе) подлежал к отправке в армию [9, с. 70].

Примечательно, что обвиняемый в распространении деструктивного учения мог избежать до решения суда отправки в армию. Для этого было необходимо обратиться в православие и заручиться подтверждением местного духовенства в искренности смены веры (Там же, с. 70–71). Подобная мера свидетельствует о том, что военная служба как мера наказания сектантов вводилась скорее в интересах Православной церкви, чем военного ведомства.

Многолетний опыт массового наказания сектантов посредством направления на военную службу наглядно продемонстрировал, что страх угодить в армию не заставил большинство людей предать свое вероучение. Численность сектантов в Российской империи постоянно росла, соответственно росла их численность и в рядах вооруженных сил. Кроме того, косвенные факты позволяют предположить, что военное командование в целом не было в восторге от наплыва в вооруженные силы лиц, массово отказывающихся от исполнения тех или иных приказов начальства. Всё это заставило власти выработать дифференцированный подход в вопросе привлечения сектантов к военной службе.

Этот подход получил отражение в Уложении о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г. Согласно ст. 206 этого документа, уличенные в пропаганде своих вероучений сектанты приговаривались к высылке на поселение в Кавказский край. При этом по решению властей ссылка могла быть заменена службой в армии [6, т. 20, № 19283]. На решение о направлении сектанта в армию теперь влияло не только его состояние здоровья, но и оценка возможности его перевоспитания, а также реальные потребности вооруженных сил в подобного рода новобранцах.

Уложение о наказаниях Уголовных и исправительных 1845 г. официально закрепило давно существовавшую практику наказания сектантов, привлекавших к вере собственных детей. Согласно ст. 209 распространение деструктивных, по мнению властей,

религиозных учений среди членов семьи также приравнивалось к их открытой пропаганде и каралось отправкой на военную службу или ссылкой на поселение. Несовершеннолетние, участвовавшие в запрещенных обрядах, направлялись в батальоны военных кантонистов, а неспособные к военной службе – на работу на казенные фабрики [6, т. 20, № 19283]. Батальоны и полубатальоны кантонистов являлись военными учебными заведениями, которые должны были готовить из подростков квалифицированные кадры для российской армии. Значительную часть кантонистов составляли малолетние бродяги и сектанты. Очевидно, что перевоспитать несовершеннолетних сектантов было гораздо проще, чем взрослых. В связи с этим несовершеннолетние, в отличие от взрослых, продолжали массово зачисляться в военное ведомство.

Так как в глазах правительства сектанты являлись деструктивным элементом российского общества, то система распределения и прохождения военной службы данной категории военнослужащих имела свои особенности. Направляя сектантов на военную службу, власти преследовали две цели: их перевоспитание и изоляция от общества в целях недопущения распространения деструктивных вероучений. Подтверждением перевоспитания таких военнослужащих, по мнению властей, являлся переход в православную веру. Для достижения этой цели использовались три инструмента: строгое соблюдение устава и требований начальства, воспитательная и идеологическая работа со стороны полковых священников и руководящего состава, а также ограничения в прохождении службы, вводившиеся специально для сектантов. К таким ограничениям относились отсутствие права на отставку, на временный отпуск, а также на продвижение по службе. Тем самым власти не давали возможности сектантам поддерживать связь с последователями их религиозных общин и стремились производить в последователях секты страх оставаться далее в своем отступничестве [5, т. 40, № 30.483]. Снять подобные ограничения мог лишь переход сектанта в православие.

Для предотвращения распространения сектантами их вероучений военное командование направляло подобных рекрут на службу в удаленные регионы Российской империи, где существовал значительный языковой и культурный барьер между военнослужащими и гражданским населением. В связи с этим большинство сектантов проходило службу в Отдельном Кавказском корпусе [6, т. 5, № 4010]. Выбор данного соединения определяли культурно-языковые особенности жителей Кавказа, а также их сложные отношения с российскими военнослужащими. Отдельный Кавказский корпус находился в состоянии перманентных боевых действий, что также существенно усложняло прохождение службы в этом соединении. Кроме того, часть сектантов направляли на службу в Отдельный Сибирский корпус (в том числе проживавших на территории Кавказского края) (Там же, т. 12, № 10.525).

Многолетняя служба в российской армии должна была максимально нивелировать религиозные и культурные различия военнослужащих и перевоспитать сектантов в преданных поданных. Тем не менее,

упорство отправленных в армию сектантов заставляло военное руководство на официальном уровне устанавливать для них некоторые права, исходя из особенностей вероисповедания. Так, адепты секты духоборов, направленные на службу в армию, неоднократно отказывались давать присягу и принимать оружие и амуницию. В ответ на подобные действия правительство направляло духоборов на каторгу [6, т. 30, № 23.856]. Тем не менее, годы упорной борьбы сектантов давали некоторые результаты. Согласно решению Государственного совета 8 января 1820 г., духоборы были освобождены от принесения военной присяги, но это не освобождало адептов данной секты от исполнения служебных обязанностей и ответственности за их нарушение [7, л. 4 об.]. В 1850 г. служившие в Отдельном Кавказском корпусе молокане объявили, что их вероучение запрещает им сражаться в бою. Военное командование было вынуждено перевести молокан на службу в прочие армейские подразделения, не участвовавшие в боевых действиях [3, с. 618].

Практика показала, что надежда российских властей на то, что утомленные тяготами военной службы и специальными ограничениями сектанты будут вынуждены обратиться в православие, потерпела неудачу. Многие поступившие в рекруты сектанты добросовестно выполняли приказы начальства, при этом оставаясь приверженными своему вероучению. В результате военное руководство пришло к выводу, что бескомпромиссная борьба с сектантством в российской армии может надломить психику некоторых военнослужащих и сказаться на дисциплине в войсках. В связи с этим в 1832 г. было принято решение дать возможность сектантам, не уличенным в пропаганде своего вероучения, а также не имеющим нареканий по службе, свободно придерживаться своего вероучения и иметь право на получение отпусков и отставки [6, т. 7, № 5120].

Так как, по мнению правительства, наибольшую опасность для государственной безопасности представляла секта скопцов, то и условия прохождения службы адептов данного вероучения имели свои особенности. До 1826 г. скопцы направлялись на службу в Отдельный Кавказский и Отдельный Сибирский корпуса [5, т. 33, № 26.462]. После выхода в отставку либо же получения тяжелого ранения, несовместимого с несением службы, скопцы, не перешедшие в православие, не получали права свободного проживания в границах Российской империи. Вместо этого они отправлялись на поселение в Сибирь.

26 марта 1826 г. для экономии средств, связанных с переселением отставных военнослужащих в Сибирь, было принято решение впредь отправлять годных к военной службе скопцов в Отдельный Сибирский и Отдельный Оренбургский корпуса [3, с. 241–242]. Тем не менее, уже через год в деле о скопцах братьях Шалимовых Комитет Министров Российской империи принял решение направить их на службу в Отдельный Кавказский корпус [6, т. 2, № 1589]. Свое решение Комитет объяснил тем, что ввиду неспособности к деторождению поселение скопцов в малонаселенных регионах империи не является целесообразным.

18 марта 1840 г. в вопросе распределения скопцов на военную службу было принято решение разделить все губернии Российской империи на две группы: уроженцы Северо-Западных, Юго-Западных, Малороссийских и части центральных российских губерний направлялись на службу в Отдельный Кавказский корпус, уроженцы Остзейских, Сибирских и части центральных российских губерний распределялись в Отдельный Сибирский корпус [6, т. 15, № 13267].

Несмотря на все меры правительства по борьбе со скопцами, их численность со временем только возрастала. Кроме того, многолетний опыт показал, что армия помогает частично изолировать скопцов от гражданского населения, но не способствует их полному перевоспитанию. В связи с этим в 1850 г. военное командование приняло решение учредить на Аландских островах арестантскую роту, укомплектованную исключительно скопцами. Данное решение было продиктовано ростом числа скопцов в рядах вооруженных сил, а также опасностью распространения этого учения среди военнослужащих и гражданского населения (Там же, т. 25, № 24194). Данное решение примечательно тем, что военное командование перевело десятки военнослужащих из одного из самых боеспособных соединений российской армии в состав исправительного подразделения. Это говорит о том, что в российской армии скопцы воспринимались в первую очередь как преступники, а не военнослужащие.

Таким образом, одним из инструментов по борьбе с сектантством в Российской империи являлось принудительное направление на военную службу. За период 1801–1856 гг. данный способ наказания прошел значительную эволюцию, начиная от убежденности в эффективности массового перевоспитания сектантов посредством длительной военной службы, заканчивая пониманием того, что армейское командование получает лишь проблемы от массового наплыва этой категории новобранцев. Массовое привлечение сектантов к армейской службе не было связано исключительно с потребностями военного ведомства. Основная причи-

на заключалась в политическом решении руководства страны силовыми методами бороться с любыми силами, ставящими под сомнение ведущую роль Православной церкви в Российской империи.

Литература

1. Бендин, А. Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. / А. Н. Бендин // Исторические записки. Отделение историко-филологических наук РАН. – 2006. – Вып. 9 (127). – С. 113–136.
2. Брокгауз, Ф. А. Энциклопедический словарь / под редакцией профессора И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 29 : Сахар – Семь мудрецов. – 1900. – 468 с.
3. Варадинов, Н. В. История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1863. – Т. 8. – 656 с.
4. Лукьянов, С. А. Полиция Российской империи в противодействии религиозному изуверству в первой четверти XIX в. / С. А. Лукьянов // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 26–31.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 : с 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 томах. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. – 45 т.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. : в 55 томах. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. – 55 т.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 13. О духоборах, отданных в рекруты и отказавшихся от принятия присяги и от военной службы. 18.11.1818 – 08.01.1820. – 12 л.
8. Свод военных постановлений : Ч. 1–5. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1838–1839. – 27 см. – Ч. 5: Устав военно-уголовный. [Кн. 1. О преступлениях и наказаниях]. – 1839. – 178 с.
9. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный [Текст] : [в 15 томах] : 1842 г. – Санкт-Петербург : Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1842–1855. – [Т. 15]: Свод законов уголовных. – 1842. – [4], 383, 12, 40 [2], IV с.

P.A. Nekrashevich

MILITARY RECRUITMENT AS A MEASURE OF PUNISHMENT FOR SECTARIANS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1801–1856)

The Russian government used military service as a punishment for promoting banned religious doctrines. This paper examines the problem of application of this type of punishment against the sectarians in the Russian Empire in the first half of the 19th century. In addition, the conditions of military service of sectarians in the Russian imperial army are reviewed.

Army of the Russian Empire, sects, punishment, Skoptsy, Doukhobors, Molokan, the penal system.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет,
Вологодская ГМХА

К.В. Кушнерева
Вологодский государственный университет

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ В 1950-Е ГОДЫ: ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБУСТРОЙСТВА И НЕРАВЕНСТВА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00269
«Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:
классовый генезис и эволюция экономического устройства»*

В статье на примере обзора писем в газету «Правда» и сатирического текста басни, собранных в фонде Российского государственного архива новейшей истории, исследуется такой важный социально-экономический аспект как квартирный вопрос, а также обеспеченность населения бытовыми удобствами в середине XX столетия. Формулируется вывод о том, что начиная с 1950-х гг. среди обывателей зрело представление о неравном распределении материальных благ и государственных ресурсов. Повседневная сторона жизни характеризовалась постепенным углублением процесса общественного размежевания трудовых коллективов, производственного социума, пенсионеров и пожилых граждан, с одной стороны, и представителей руководящих структур – с другой. Разочарование в эффективности работы советских государственных структур и ментально-поведенческих свойствах их начальников, руководителей, служащих порождало стойкое сомнение в целесообразности оглашения народных жалоб через органы печати, а также неприятие действовавшей системы выборов и голосования.

Жилищное строительство, материальный статус, быт, менталитет, мировоззрение, сознание, повседневность, политические предпочтения.

Сфера народного хозяйства в СССР – одна из важнейших отраслей государственной экономики. Однако во второй половине XX в. в этой области фиксировалось множество кризисных явлений. К примеру, на протяжении периода и в частности в 1950-е гг. острее проблемы регистрировались в области жилищной сферы. Квартирный вопрос и материальное благополучие, как и сегодня, выступали и выступают важнейшими базисными ориентирами жизни, входящими в потребительские идеалы и стандарты бытия. Причины их формирования кроются в преобразованиях менталитетообразующих факторов и свойств жизни социума. Изучение советской социальной политики, семейно-бытовых аспектов, жилищно-коммунального хозяйства является важнейшей составляющей процесса построения понимания истории повседневности [1; 8].

Публикуемый блок документов напрямую связан с демонстрацией материального статуса граждан, но еще и социально-психологических, мировоззренческих характеристик, образа мышления, общественного сознания. В достаточно большом объеме эпистолярных источников, насыщенных экспрессивными выражениями, показаны глубокое неравенство и разность бытия. Отображается бедность авторов писем и качественно иная жизнь представителей руководящего звена, а также лиц, управляющих производственными процессами, служащих. Множество жалоб в газету поступало от жителей Москвы, рабочих, пенсионеров, инвалидов, участников военных действий, чувствующих ущемленность, обездоленность, равнодушие, разочарование в нравственных принципах

пришедших к власти «хозяев народа», «бюрократов», «гоголевских типов», «чинуш», «хорей». Составители писем именуют себя «жильцами подвала», собаками, свиньями, щенятами, тараканами, клопами, живущими в конурах. Данные сопоставления, представления, утверждения и факты свидетельствуют об основной разнице в уровне жизни, материальном размежевании категорий социума, психологической подавленности со стороны трудящихся [9], сформировавшемся мнении о распределении жилплощади в зависимости от занимаемой рабочей должности, вылившемся в отказ от системы голосования и социальный протест против действующих выборов. В источниках присутствуют жалобы на работу председателей исполкомов, работников суда, райсоветов, горкомов, райисполкомов, областных комитетов КПСС и др. Среди заявителей и составителей обращений в газету в 1950-е гг. выделяется категория квалифицированных рабочих. В данной связи отметим, что изучением обихода жизни производственного социума, социальных и экономических факторов, ментально-мировоззренческих качеств в настоящее время занимается коллектив исследователей, работающий по гранту Российского научного фонда «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства». Изыскания ученых отражают важнейшие закономерности жизни и деятельности рабочих кадров по отношению к производительной деятельности, ориентаций производственной протобуржуазии и менеджмента, специалистов, рабочей аристократии, пролетариата и др. [3; 4; 5].

Архивные фонды (см., например: [6; 7]) фиксируют множественные случаи проблем семейно-бытового аспекта среди профессиональных групп населения, представителей производственного социума, в частности касающиеся распада семей и депрессивного состояния их членов. При этом производственная прото-буржуазия воспринималась ими как собственник прав, их владелец [2]. Безусловно, данные противоречия оказывали существенное влияние не только на ментальные явления и социально-психологическое самочувствие, но и порождали конфликты следующего порядка: падение исполнительской дисциплины, утрата партийного авторитета, трансформация идеологических понятий, общественного самосознания, смещение политических предпочтений. Следствием данного процесса стало осознание ситуации имущественного неравенства, народного размежевания, замкнутости социальных классов и категорий, а также неприятие буржуазных стремлений в экономическом поведении, безхозяйственности, расточительных констант в практике региональных элит, руководителей и управленцев. Источниковый комплекс писем содержит оценки уровней благосостояния советских граждан, описание типичных форм их жизни, ценностной составляющей, свидетельствующих о разительных отличиях в бытовом устройстве «верхов» и «низов». Трудящееся население, испытывавшее нужду, использовало пассивные способы сопротивления данным закономерностям повседневности: главным образом призыв к решению проблем через периодическую печать, множественные обращения в различные инстанции и отказ от участия в выборах.

Басня-быль не имеет датировки, однако помещена в фонд РГАНИ № 5. Оп. 30. Д. 36 среди документов за 1953 г. Поэтому мы имеем основание предположить, что данный текст относится к началу 1950-х гг. Сводка писем, извлеченная из фонда РГАНИ № 5. Оп. 30. Д. 193, касается выборов в местные Советы депутатов трудящихся РСФСР, состоявшихся 3 и 10 марта 1957 г.

Документы публикуются полностью, номера страниц архивных дел приведены в квадратных скобках. В публикуемые источники внесены орфографические и пунктуационные правки, косые скобки заменены круглыми.

№ 1

БАСНЯ-БЫЛЬ

Хорь получил в лесу
Себе готовую нору.
- Хорю нору? Зачем? Да почему?
Судили звери, рассуждая:
- У зайца вон семья какая,
И то за все свои страданья
Он получил лишь обещанья.

Да вот к примеру антилопы,
Их двое, да еще дитя,
Живут в квартире, ну такой,
Не больше птичьего гнезда.
А вон медведь, так тот и вовсе
Не первый год жилье он просит,

Живет с женой да с медвежонком,
Там теща, тесть, опять с ребенком,
Да деверь, шурин – всех не счесть
В одной берлоге – все как есть.

- А хорь один. В своем прошенье
Писал без капельки смущенья,
Что он имеет мать, два брата,
Сестру, какого-то там свата;
Жить всем им негде, посему
Представить нужно всем нору.

На самом деле хорь один,
Он превосходно жил да жил
И бобылем давно прослыл.
Он жил все время в общежитье,
Все время думал о женитьбе,
Но так жениться и не стал
«Еще подумаем!» – сказал.

Когда он получил жилье,
Он говорил, что с кем-то в дружбе
Не то с лисой, не то с куницей,
Не то с какой-то важной птицей...
Но дома все же он один,
Как в поле пень среди равнин.
И удастся ж как на смех
Таким хорям в жилье успех.

Читатель, оглянись,
Подобные хори в отделе завелись.
/Барсук/.

Источник: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 36. Л. 68. Машинопись.

№ 2

СЕКРЕТНО

РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «ПРАВДЫ» СВОДКА

писем в связи с подготовкой к выборам в местные
Советы депутатов трудящихся

[Л. 15] В редакцию «Правды» поступают письма, авторы которых, выражая недовольство жилищными условиями, заявляют о своем отказе принимать участие в выборах в местные Советы депутатов трудящихся.

Приводим выдержки из некоторых писем:

Озеров А.В. Москва, Е-112, шоссе Энтузиастов, д. 68/1, кв. 1. Письмо 2876/0.

«Прошу редакцию опубликовать мое письмо, пусть еще будет предупреждением вновь избранным депутатам, в том, как надо относиться к письмам и нуждам избирателей. Озаглавить его можете так: “Почему наша семья не будет принимать участие в выборах 3 марта”. Наша семья состоит из четырех человек: мать, жена и сын 1.5 года. Проживаем мы в доме 68, кв. 1 по шоссе Энтузиастов, живем в комнате, имеющей площадь 8,6 кв. м. Комната сырая, темная, холодная, стены гнилые до такой степени, что

протыкаются насквозь пальцем, зимой на стенах образуются наросты льда и снега. Потолок от обвала поддерживается двумя подпорками. Под полом находится котлован уборной и весь «аромат» проникает в комнату (особенно когда уборную чистят воздух одинаковый в уборной и в комнате). На полу так холодно, что ноги и в ботинках мерзнут. А ведь у нас ребенок и ему хочется походить, поиграть, а мы его сажаем на койку. Ребенок часто болеет. Но основная наша беда из-за тесноты. В комнате двоим трудно разойтись, хотя мебель моя не габаритная, стол кухонный, койки урезанные. Живем в жалких условиях, не отвечающих самым элементарным человеческим удобствам.

Пробовал изменить свое тяжелое положение. Письма писал с 1951 года. Писал в райсовет. В 1953 году получил ответ – жилплощадь получите в порядке очереди. Несмотря на то что мы состоим на учете с 1938 года, в 1947 году работники райсовета без нашего согласия сняли нас с учета.

[Л. 16] Обращался я и в другие органы, писал в Моссовет, в Московский горком КПСС, в ЦК КПСС, в Верховный Совет, описывая свои тяжелые жилищные условия, жаловался на бездушное отношение работников райсовета и наших депутатов. Но толку от этого мало, мои письма пересылались тем, на кого я и жаловался, но какой же дурак будет себя сечь? Мне просто давали очередную отписку – в порядке очередности.

Исписал я кипу бумаги и в каждом своем письме убедительно просил прислать комиссию проверить мои условия и правильность моего письма. Но где уж им, будут они тратить время на какого-то рабочего, я уже не говорю о рабочих и депутатах Моссовета, но даже депутаты райсовета не могли найти полчаса времени посмотреть мою жизнь на 8,6 кв. м.

Когда их набирали, они клялись чутко по-человечески относиться к жалобам и нуждам своих избирателей, а вместо этого отношения десятков бюрократических отписок – получите в порядке очередности.

Слуги народа живут лучше, чем их хозяин – народ. Да и стоит ли удивляться и возмущаться этим фактом, когда инструктор горкома КПСС т. Михеев на мое удивление по поводу того, что есть семьи, где на человека приходится по 20–30 м жилплощади, ответил, что сейчас социализм и жилплощадь распределяется по занимаемой должности, вот будете вы директором, то и вы получите, а всеобщее равенство будет, когда наступит коммунизм.

Неужели действительно такова политика партии и сущность социализма в жилищном вопросе? Неужели для того, чтобы я жил по-человечески, надо ждать коммунизма? Вот ввиду этих причин и обстоятельств мы не будем принимать участие в выборах. Да и потом каждый выбранный депутат – это прежде всего должностной кандидат на расширенную жилплощадь. А потом какая нам разница выбирать Иванова или останется Петров. Толку мало, от перемены мест слаженных сумма не изменится, все равно будут те же ответы – в порядке очередности.

Я надеюсь, что мое письмо на основе Конституции о свободе печати и слова будет опубликовано».

Бубнов С.М. Строитель жилых домов г. Москвы. Москва, Ж-193, ул. Сайкина, д. 1/2, кв. 42. Письмо 15564/0.

«Я имею шесть правительственных наград: орден Отечественной войны, два ордена “Красная звезда”, медали “За отвагу”, “За взятие Кенигсберга”, “За победу над Германией”. Четыре года, не щадя жизни, отбивал фашистские полчища. А теперь живу за ширмой в семейном общежитии. В одном помещении, за ширмой проживают 4–5–7 семей строителей, в таких условиях я развелся с женой. Многие жильцы общежития говорят, что из-за плохих условий не будут принимать участия в выборах. Зачем нам депутаты, если [Л. 17] они не могут улучшить наши бытовые условия. Я прожил в таком кошмаре 3,5 года, меня ничем теперь не убедишь».

Кулешова Н.Н. Москва, Велозаводская, д. 6а, кв. 1. Письмо 16160/0.

«Сделали ремонт в квартире. Но как? В ванной подняли трубы и теперь надо ставить лестницу, чтобы забраться в ванну. Уборная маленькая, узкая, длина 1,30 сантиметра, ширина 84 сантиметра. Зато высота квартиры 4 м 10 сантиметров. Попробуйте поставить лампочку под потолком на такой высоте! Сажу без света, нигде не будешь просить электромонтера, ему надо заплатить, а сама ни на чем не достану патрон, чтобы сменить лампочку. Крашенный пол весь разошелся, шпаклевка выскочила, половые штакетники разошлись на 1 сантиметр, из-под пола дует. Подоконники тоже сделаны не из досок и цемента, а из 8-сантиметровой штакетки. Они тоже разошлись и из щелей дует. Это помещение для жилья непригодно, оно по проекту было предназначено для МПВО. Меня в эту квартиру вселили с угрозами.

Мне пошел 52 год. Я больная, у меня поражена нервная система. Я больше не в силах мучиться. Только один выход – покончить жизнь самоубийством. Шесть месяцев тянется эта волокита.

Голосовать я не пойду, потому что мне не за кого голосовать. На старости лет мне истерзали всю душу с этой квартирой. Неужели нельзя переселить? Можно, но привыкли люди вести волокиту, а из-за них всем плохо. Мы пишем, что где-то к людям плохо относятся. Но у нас хуже, чем где-то».

Батурич В.Е. Москва, К-9, ул. Станкевича, д. 15, кв. 1. Письмо 4496/0.

«Когда закончатся издевательства над инвалидом Отечественной войны I группы со стороны райисполкома? В МК КПСС дело обстоит так же, нигде не видно конца моим просьбам. Все, видно, заняты внешним сношением с заграницей, а внутренним делами некому, да и некогда заняться. Безобразия, обман, чванство чинуш стало открытым действием и это при 30-летнем стаже Социалистического строя. Просто стыд – в советских учреждениях гоголевские типы! Скажу о себе, мало того, что война лишила меня двух ног, здоровья (я не могу из-за этого работать на производстве), я еще лишен возможности заниматься физическим трудом дома. Я два года учился в профтехникуме, чтобы получить профессию, годную для моей инвалидности, но все это пошло прахом. Я пытаюсь объяснить

свою просьбу, прошу помочь в ней. Но ответы связаны с сухими отписками райисполкома.

[Л. 18] Я еще раз спрашиваю, когда прекратятся эти безобразия. Когда мне создадут условия для жизни, учебы и труда. Я хочу жить, а не существовать. Я потерял здоровье, но не потерял право быть человеком, я также имею право на учебу, на труд и на отдых.

Сейчас предстоит предвыборная кампания, я прямо заявляю, что не отдам свой голос за людей, в приемной которых плачут женщины, старики и стоят униженные просители.

Еще раз прошу выяснить мой вопрос на месте, а не пересылать мое письмо в райисполком. Надо самим убедиться в каких условиях до сих пор живет инвалид первой группы с семьей».

Гр. Орлова, Москва, Ж-68, ул. Липки, д. 11, кв. 2. Письмо 12317/0.

«Мы жильцы подвала, еще раз обращаемся с просьбой опубликовать статью о неправильном и бездушном отношении к людям при распределении жилой площади председателем исполкома Гаврилиным. Мы живем в ужасных условиях, в нежилом, полутемном сыром подвале, где уже умерло четыре человека от туберкулеза. В настоящее время дети болеют только из-за подвала. Разве можно на 8 кв. метрах прожить 6–7 человек?»

Пора покончить с бюрократизмом, не создавать недовольства. Нам исполком отвечает тремя строками, и всегда одними и теми же ответами, за подписью Алифанова. Но сам Алифанов живет в хороших условиях, его семья состоит из 4 человек, а он получил себе отдельную квартиру в 43 кв. метра. Можно много привести таких примеров. Вот некие коммунисты – руководители, а на нас бедных грешных людей не обращают внимания.

Жильцы подвала: Аникина, Кобанов, Степашкина, Смирнова, Орлова, Кектоева, Полегенько, Распопова, Канаева».

Седина П.В. Москва, ул. Обуха, д. 14, общежитие. Письмо 19565/0.

«Мой муж работал в институте Обуха 5 лет. 4 года назад его парализовало, я за ним ухаживаю, но все эти годы не прописана, так как раньше я проживала у сына. Из-за этого не считают меня иждивенкой мужа. Даже пенсии как иждивенка не получаю. Райсбес требует от домоуправа, чтобы заверили справку для получения пенсии, а домоуправ говорит, что я у них не прописана. Девять лет живу с мужем, и все не прописывают, говорят некуда.

[Л. 19] Вот какой у нас в Советском Союзе старикам почет! Меня несчастную старушку никак не хотят прописать. У нас будут выборы, я не буду голосовать до тех пор, пока не пропишут».

Федорова О.Я. Москва, Б-140, Газевская, 10, кв. 2. Письмо 18096/0.

«В 6-метровой комнате нас живет пять человек. 6-ой был мой муж. Но он не стал жить в таких условиях, ушел к другой семье. Комната аварийная, без отопления, очень сырая.

У меня двое детей 8 лет и 2-х лет. Мать 60 лет, на пенсии. Она отработала 25 лет на одном месте, а те-

перь все время спит на полу, валяется как собака. Человек всю жизнь трудился, работал и что-же, где отдых? Брат служит в рядах Советской Армии, скоро придет домой, а где он будет жить? Человек родился в Москве, работал, а Алифанов, председатель райисполкома, заявляет: “Пусть он устраивается, там, где служит”.

Только одни сожаления и обещания, а в райисполком вообще хоть не ходи, прямо какое-то самовластие. Не знаешь куда обратиться. Один еще выход, правда, не совсем хороший, но что остается делать? Не пойду с матерью голосовать, что хотят пусть делают».

Плахотникова Л.П. Агитатор. Москва, ж-44, до востребования. Письмо 16125/0.

«Почему сейчас приходится бороться за те права, которые записаны в нашей Конституции? Очевидно потому, что кто-то не умеет работать, не справляется со своими обязанностями, кто-то успокоился, а кто-то вредит.

Почему только перед выборами райисполкомы начинают интересоваться жизнью трудящихся, большинству которых после трудового дня даже негде отдохнуть, так как на каких-нибудь 10 метрах зачастую живут 6 взрослых и еще дети, в одной комнате 2-3 семьи».

Анисимова З.М. Москва, Ж-52, Смирновская ул., Ломакин пер., д. 6, кв. 1. Письмо 5534/0.

«Напишите нам, есть ли у нас вообще власть и что это за власть? Есть ли правда в Советском Союзе или одна ложь? Есть ли суд, правдивый советский суд? Не знаю, как ответите Вы, а я скажу, что нет этого у нас. Одна ложь да не правда живут у нас. Райсовет сообщает, что семья из 6-ти человек занимает комнату 14, 58 кв. м. На учете состоят с апреля 1956 года. Жилищные условия гр. Анисимовой З.М. будут улучшены в порядке очередности.

[Л. 20] Зам. Председателя исполкома Романова [подпись].

Вот как обращают на нас внимание. Романова даже не побеспокоилась выслать комиссию и разобраться. Вот как работает наша власть, что даже не удосужилась узнать, сколько у нас человек и на какой площади мы проживаем. Во-первых, нас не 6 человек, а 8. Из них двое новорожденных. Во-вторых, мы живем на площади 7,8 кв. м, а из второй комнаты, переоборудованной из чулана, нас выселил “правдивый советский суд”.

И вот теперь скажите, куда нам обратиться, куда писать. В чулане-то жили мучились. Со всех сторон дует, в морозы на стенах снег, чулан без окна. Может жить в таких условиях человек, не говоря уже о ребенке? Кругом сырость, ветер гуляет по полу. Дети очень часто болеют, 5-месячный ребенок заболел корью, вероятно заболеет и другой. Детей негде вымыть, даже на горшок сходить негде. На кухне 5 кв. м уютятся 19 человек.

Скажите теперь, на какой черт, извините за выражение, мы пойдем голосовать за этих бюрократов? Романова пишет, что жилплощадь будет в порядке очередности. Люди может быть будут ждать, но мне невозможно. 1-го марта придет исполнитель и нас выселят.

Разве это жизнь? Так наверно не живет никто в капиталистических странах. Вам может показаться, что очень резко написано, но мы разочаровались и в жизни, и во всем, хотя нам очень мало лет. Поэтому голосовать за бюрократов мы не будем, то есть вся наша многочисленная семья и еще наши соседи. Так дальше жить невозможно. Люди живут в более терпимых условиях и им дают еще лучшие условия, а на нас ноль внимания».

Бабанина Е.Г. Москва, В-162, Городская ул., 4, кв. 20. Письмо 14714/0.

«Далеко не вся правда пишется на страницах Вашей газеты. Как в вашей, так и в других газетах много внимания уделяется нуждам трудящихся, большая забота о детях. Но это только на бумаге. На самом же деле, когда дело касается нужд, когда просим помощи, то встречаем полное равнодушие со стороны наших правителей, со стороны наших избранников народа. Когда мы идем за них голосовать, то они слуги народа, а как только проголосовали, то стали хозяева. Почему же все отписываются, отмахиваются от суровой правды жизни семьи советского гражданина, почему нет чуткости, внимания?»

Я дочь рабочего, который работал всю жизнь не покладая рук. С 1926 г. он живет с семьей (трое детей, жена) в сыром подвальном помещении. У всех у нас уже свои семьи, мне 35 лет, я родилась уже в советское время, но живем мы еще, извините, по-свински. Не было и нет у нас нормальной жизни.

[Л. 21] Наша комната 7 кв. метров на 4 человека, двое из них дети, а пятая моя мама каждый день утром и вечером приходит для того, чтобы присмотреть за детьми. Один мальчик 14 лет, другой мальчик 3-х лет. Ну так вот этот маленький человечек не имеет кровати, он спит со мной на кровати, а муж и другой сын спят на маленьком диване, как в тисках, а ноги мужа под столом на стуле. Нет места для приготовления уроков, нет места для игры малышу. Нет места сесть всей семьей за стол. А в воскресенье еще хуже, не вернуться, не развернуться. Разве это отдых?

В такой конуре температура 25–30 градусов. Одна печь на две комнаты 14 м и наша 7 м. Соседям холодно, а мы задыхаемся. Всю ночь у нас открыта форточка, отчего мы часто все простужаемся, особенно дети. Моримся мы как тараканы, и это на 40 году советской власти! За что мучаются наши дети, мы уже не говорим о себе.

Мы стоим на очереди в Москворецком райисполкоме с января 1955 г. и дать площадь нам не обещают, не подошла очередь. Но ведь не на очередь нужно смотреть, а на обстоятельства, на условия. К председателю на прием не попадешь, записывают только за два месяца. Почему же в первую очередь не обеспечивают те семьи, которые живут в крайне тяжелых условиях. Где же та забота о людях, о детях, о которой так часто слышишь по радио и читаешь в газетах. Могу ли я своих детей назвать счастливыми детьми, когда они лишены всех необходимых благ, которые должны иметь дети, а особенно советские. Место для отдыха, место для занятий, место для обеда, вот все, о чем мечтает наша семья.

Кому бы я ни писала, везде полное равнодушие, пересылка моих писем в райисполком, а там один от-

вет: «Площади в районе нет, будет представлена в порядке очередности».

Вот и вся забота о семье советского инженера, о детях. Какое кому дело, что дети задыхаются от жары, что ноги инженера болтаются под столом. Я попробовала написать письмо Фурцевой, думала может быть она, как женщина, скорее поймет меня. Но результат такой же. У меня нет ни уважения, ни доверия к нашим депутатам. Чем наша семья отличается от других семей в других странах, только тем, что у нас есть крыша над головой, но ведь наша семья советская.

Видите ли, некий Медведев из Парижа пожелал вернуться на родину, так как отец его когда-то эмигрировал, ему предоставили квартиру, он своим детям устроил новогоднюю елку. А мой отец воевал в 1917 г. не бежал за границу, он и сейчас живет в гнилом подвале, а внуки его живут как клопы, задыхаются от тесноты, от жары, и какой может быть разговор о какой-то елке.

Так где же справедливость? Где же правда? И кому на Руси жить хорошо?

У нас в стране тяжело с жильем, я все прекрасно понимаю, но почему же в первую очередь не дают особенно нуждающимся, а жизнь улучшают те, которые и так [Л. 22] жили в неплохих условиях. Моим детям спать негде, а есть такие люди, которые имеют отдельную комнату для собак.

Каждый думает только о себе, какое ему дело до каких-то детей, которые спят как щенята.

Я бессильна чем-либо помочь моим детям, и мне очень тяжело смотреть на нашу неудачную жизнь. Вы, безусловно, не можете осветить в газете мое письмо, это не входит в вашу политику. Может быть вы мне ответите, как человеку, может быть поможете мне советом, если я в чем-либо ошибаюсь. Или вы так же, как и остальные, отошлете мое письмо в райисполком».

Коломейцева З.А. Москва, Шепелюгинский пер., д. 9, кв. 3. Письмо 14440/0.

«Пишу и сомневаюсь – поможет ли мне газета, но иного пути нет. Куда я только ни писала, с какими мольбами ни обращалась – всюду одно и то же: “Улучшить в настоящее время жилищные условия Вашей семьи исполком не имеет возможности”. С 1955 г. по настоящее время в письмах только и пишется – это выражение, точно по стандарту. Они не могут улучшить жилищные условия, а спросите их, они хоть раз проверили наши условия? Я не раз была в исполкоме, в райжилотделе. Вначале секретарь вежливо объясняла, куда мне лучше обращаться, а потом грубо сказала: “Жилищные вопросы тов. Назаров не разбирает, обращайтесь к зам. председателя”. А вы имеете представление, что такое зам. председателя? Тов. Виноградова меня ни разу не видела, и я ее не вижу, потому что она принимает по объявлению в какой-то день, но в этот день она уезжает на совещание. Вот и ходишь на следующий день, на следующей неделе, а к заму не попадешь. И это чертовое колесо крутится с 1955 г. Я не могу находиться в райисполкоме каждый день, торчать там днями и ночами, потому что учусь и имею годовалого ребенка.

Расскажу в каких условиях мы живем. В комнате 10 кв. м проживают две семьи, 7 человек. Буду писать только о себе. За все время мы ни разу не спали на кровати, спали на полу. До года ребенок спал вначале на столе, а потом на стульях, а когда подрос – пришлось брать с собой на пол. Стелим мы постель у самой двери, поэтому весь холод попадает на нас. Вскоре мальчик начал болеть, пришлось отвезти его к бабушке в Текстильщики. У нас в комнате постоянные скандалы, вплоть до драк. Это вынудило нас поселиться в чулан, где всего-навсего 3 кв. метра. Здесь мы сделали нары для сна и стоит самодельная тумбочка – вот и все хозяйство. Отапливаемся электрической плиткой, отчего наверху тепло, а внизу вода мерзнет.

Разве мы для мучений живем, у меня неплохой муж, квалифицированный рабочий-шофер, но эта жизнь не раз старалась нас развести. Мы тоже хотим молодость провести как положено советской молодежи. Мне 23 года, мужу 26 лет, а мы и не знаем, как это жить в комнате. Я однажды разговорилась с одной [Л. 23] женщиной. Она говорит: “Комнату хочешь получить, пять тысяч надо сунуть”. 5 тысяч, а где их взять, муж один работает, я учусь и ребенок.

Я живу надеждой, что все-таки будет конец, когда-нибудь. Скоро будут выборы, если я в те годы голосовала с надеждой улучшить наши условия, то в настоящее время у меня нет интереса голосовать. За кого голосовать? За такого, который также будет отписываться на наши просьбы. Уж лучше я не буду голосовать и ни на кого обижена не буду. Я точно так же отвечу:

“В настоящее время выполнить ваше желание не могу, от голосования отказываюсь”.

Возможно, не к лицу отвечать члену ВЛКСМ в подобном роде. А к лицу партийцу, сидящему в исполкоме и других органах смотреть на нас как на свиней? Хотя теперь даже свиньи имеют благоустроенные хлевы».

Комякин Н.А. Свердловская обл., г. В. Салда, Молодежный пос., д. 33, кв. 31. Письмо 16362/84.

«В 1954 г. я демобилизовался из рядов Советской Армии и поступил работать в цех 30 завода п/я 3, г. В. Салда, Свердловской области, где и сейчас работаю. Жил в общежитии. В апреле 1956 г. женился, думал квартир у дадут как демобилизованному солдату, молодожену (кстати еще являюсь членом ВЛКСМ и профсоюза). Но несмотря на все мои просьбы, жилплощади нам не дали, и мы вынуждены были жить в 10-метровой комнате две семьи (у родственников жены). А теперь и оттуда просят уезжать, т.к. вернулся из армии брат хозяйки. Ходил в горисполком, в горком КПСС к первому секретарю, но ничего положительного. А время идет, жена беременная, сестра выгоняет нас, мы не уходим, потому что идти некуда, каждый день скандал.

Не знаю, что и думать, к кому обратиться за помощью. А одиночкам, кто поближе к начальству, дают квартиры. Так, например, работнице столовой (буфетчице комсоставской, Максимовой), знакомой Оносова (нач. ЖКО), работнице ЖКО т. Мальцевой, работнику цеха № 11 т. Федченко и многим другим дали жилплощадь.

Надвигаются выборы, но нам с женой, по всей вероятности, и голосовать не придется».

Соловьева А.А. г. Горький, ул. Чкалова, 31, кв. 3
Письмо 13443/22.

«В песне поется:

Молодым везде у нас дорога,

Старикам везде у нас почет.

В 1953 г. меня с почетом уволили с работы, невзирая на то, что я имела только благодарности и премии за хорошую работу. В 1953 г. я с почетом сплю под кроватью, т.к. на 5 человек у нас 6 кв. м. [Л. 24]. В колхозе заботятся о скотине, а я и моя семья живем хуже, чем скотина в колхозе. Мы имеем жилплощади по 1,4 кв. метра на человека. Когда умирает человек, то ему дают больше места, чем имеем мы, живые люди.

Последний раз на мою жалобу, посланную в Президиум Верховного Совета, ко мне приходил с обследованием Депутат горсовета. Очень удивился, что мы живем в таких условиях, обещался помочь, но снова я получила отказ.

Положение мое крайне тяжелое, как материальное, так и с жилплощадью. 8 месяцев я нахожусь без работы на иждивении сына 1938 года рождения, который работает и учится в ГИРМ, в 7 классе, а в 1957 году будет призван в ряды Советской Армии. Из-за чего, что я нахожусь на иждивении сына, он ходит в худых ботинках и без зимнего пальто, а бывают дни, что нет денег даже и на хлеб.

Живя в Советском Союзе, нахожусь в крайне тяжелых материальных и жилищных условиях. Обращаюсь за помощью, мне отказывают. Обращаюсь, чтобы мне помогли устроиться на работу, но для меня в 53 года нашлась работа только грузчицей. Обращаюсь по вопросу жилплощади, получаю отказ, тогда как члены КПСС и ответственные работники меняют жилплощадь как перчатки, а для меня нет.

Приближаются выборы депутатов в местные советы. На выборы я не пойду, голосовать за депутатов не буду, так как с чем бы я к ним не обратилась, мне не помогли.

Прочтя мою жалобу, вы, может быть, подумаете, что это пишет не советский человек. Вы ошибаетесь, меня заставила писать так нужда и мое отчаяние, мне хочется помочь сыну, а меня посадили на его иждивение. Я даже мирюсь жить 5 чел., на 6 кв. метров, но дайте мне работу, чтобы я могла хотя не жить, а существовать. Если бы мне подыскали работу хотя бы рублей на 500, то, конечно, хорошо я жить все равно не буду, но не будет такой нужды, в какой нахожусь я сейчас.

Убедительно прошу – помогите мне, избавьте меня в 1957 г. от такой нужды. Ведь я не прошу невозможного!».

Путилова Ф.А. Челябинск, КВС, д. 8-бис, кв. 28.
Письмо 7446/106.

«Я начала писать с 18.02. 1955 г. – просила помощи в предоставлении квартиры. Писала в горисполком, в Москву Ворошилову, в Облпрофсоюз, Булганину, в редакцию “Челябинский рабочий”, в обком партии г. Челябинска и в ЦК КПСС. Из всей этой писанины я поняла, что на то, что есть в Советском Союзе, у нас нет прав.

По радио я слушала, как высказывается тов. Булганин, что женщина у нас в Советском Союзе пользуется заботой и поддержкой, но я женщина, и нигде не

нашла ни заботы, ни поддержки. В горисполкоме мне отвечают, что у меня нет прав и что нас много таких ходит. В горкоме партии тоже ответили, что у нас нет прав получить жилую комнату из горисполкома. Но если завод строит мало жилплощади, мы в этом не виноваты. В газетах пишут, [Л. 25] что у нас сдается жилплощади очень много, но мы пишем два года и, наверное, горисполком и вообще Челябинск бы пострадал, если бы нам добавили одну комнату.

В школе говорят, что нужно детям организовывать хороший отдых в каникулы, я организовала хороший отдых – положила в больницу свою дочь, так как она на полу спит с пяти лет, простыла и часто болеет.

В Корее выстроили госпиталь, в Польше Дворец культуры, в пользу Египта мы с мужем отработали по два часа, в Югославию отправили машинно-тракторную станцию, Тито подарили самолет, о всех странах у нас есть забота, но о своем советском человеке нет никаких забот и бытовые условия рабочего никого не интересуют. Я через месяц иду в декретный отпуск и куда я должна положить своего шестого ребенка или не брать из больницы его домой?

3 марта 1957 г. будут проводиться выборы. Я и мой муж отказываемся идти голосовать, если нас оставят в таких условиях. Я вообще возмущена, что у нас на рабочего не обращают внимания.

В колхозах заботятся о скоте, строят благоустроенные помещения, а нас, наверное, хуже скотины считают».

Гранцев В.Ф. г. Горький, Советский район, ул. Звездинка, 21, кв. 7. Письмо 16314/22.

«10 лет, как мы всей семьей живем в маленькой комнатке, 8 квадратных метров, за эти 10 лет произошло много изменений. Как заявляете Вы со страниц вашей газеты, страна оправилась от потерь, понесенных во время войны. По некоторым видам промышленности СССР догнал и перегнал многие страны, а вопрос с жилплощадью Вы до сих пор не разрешили (я имею в виду Коммунистическую партию и Советское правительство). Да и не только с жилплощадью. Жить в таких условиях невозможно не только потому, что антисанитарные условия не позволяют, а даже просто так, ведь сейчас в колхозах скотина живет лучше, чем мы.

Описывать условия не к чему, так как ни один нормальный человек не согласится жить, как мы. Я уж не говорю о том, что негде поставить шифоньер, или хотя бы шкаф, не говорю о том, что некуда положить продукты и хлеб. Нам даже негде спать, тем более что моя жена должна скоро стать матерью. 10 лет мы хлопочем, чтобы нам дали жилплощадь побольше, но все безрезультатно. Писали мы Швернику, Сталину, Хрущеву, Булганину – один результат “Ваше письмо за № таким-то направлено председателю облисполкома т. Проскурину”, а т. Проскурин через своих секретарей извещает, что письмо переслано в райсовет, а райсовет отвечает, что за неимением жилплощади таковую предоставить невозможно. А вот т. Гусеву, из нашего Горького, т.к. он композитор, видите ли мало показалось на 28 кв. метрах, получил квартиру побольше, а мы снова в ауте. Вот она, житейская мудрость. Остаетесь глухи к нуждам [Л. 26] граждан страны, которая вот скоро 40 лет, как сменила

строй? А в случае войны тот же т. Гусев будет “забронирован”, а на фронт мы, за то, что жили хуже скотины.

Неужели мой отец, кавалер 3 медалей и 2 орденов Советского Союза, инвалид Отечественной войны, не заслужил лучшего? Неужели мой ребенок вынужден жить как какая-нибудь скотина? Вот ваша мораль: живи скотом, а пошлют на убой – умри, но не отступи. Где же ваша забота о матери и ребенке? Где же ваша хваленная гуманность и забота о людях? Моя жена училась 3 года, а получает самое большое 290 рублей. Тоже забота? То, что она в положении, а должна работать в ночь, тоже ваша забота, то, что только за эту осень и зиму в этих “гнилушках” мы, кроме отца, переболели по два-три раза, тоже ваша забота? Что же... теперь понятно многое. Когда я просил вашего коллегу по партии назначить мне стипендию, он хладнокровно сказал, что не может, я думал, что это ошибка. Но нет видимо, из этого ада один выход или пулю в лоб, или яд, но только не эта жизнь... А.М. Горький сказал: “Человек – это звучит гордо!” А где эта хваленная А. Толстым и М. Горьким, Чеховым и Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым гуманность? Когда мы с братом сидели голодом нам забивали головы идеями, когда нам с ним надо было идти куда-нибудь, но нечего было одеть, мы думали, что во всем виноваты родители, но нет, этого я не скажу теперь. Вы записывали в Конституцию СССР, что граждане СССР, что граждане имеют право на голос, а зачем он? Когда столько их, депутатов, лучших сынов и дочерей республики не выбирай толку-то что? Как жили мы в страхе, что не сегодня, так завтра наша хатенка обвалится, так и живем. Я хочу через вашу газету заявить, что демонстративно отказываюсь от своего столь “почетного” права. Я отказываюсь потому, что надоело вранье депутатов на отчетно-выборных собраниях, потому что не хочу гнить вместе со своим домом, потому что хочу жить, потому что хочу, чтобы прекрасные горьковские слова действительно были бы гимном человеку, а не лакировкой, не глянцем, которым, к сожалению, любят покрывать действительность, не хотят ее, видите ли, видеть...

Извините за излишнее беспокойство, но я привык к правде, не хотел бы сам себе врать и не хотел бы разочаровываться я в названии вашей газеты».

Лиходелова В.И. Кировоградская обл., Аджамский район, село Веселовка. Письмо 14012/45/.

«Никите Сергеевичу Хрущеву.

Я вам посылаю уже 31 письмо, а результатов нет. Значит то, что было сказано на XX съезде партии лично вами о чутком отношении на жалобы трудящихся, было не для руководства, а просто для успокоения обиженных людей. Мне это стало особенно ясно после событий в Венгрии, что на индивидуальные жалобы личного характера, никто не отвечал. Но все это до тех [Л. 27] пор, пока индивидуальные жалобы не перерастают в единую государственную обиду и недовольство, которое может вылиться в нечто подобно венгерскому положению. Только тогда правительство находит нужным вмешиваться и начинает искать контрреволюцию и шпионаж. Назовите меня контрреволюционером или шпионом, но я просто глубоко обиженный беззаконием человек. Не могу найти – какая же разница между венгерской контрреволюцией и руководителями Кировоградского обкома

КПСС. Если проанализировать деятельность венгерской контрреволюции и деятельность руководителей Кировоградского обкома, то они очень близко похожи. Или может вы, Никита Сергеевич, вообще продали политику Ленинских указаний, а произносите фразы ленинизма только для очковтирательства для таких дураков, как я, которые душой и телом были уверены в том, что ленинская теория живет рядом с нами. Выключайте меня из членов советского общества. Подходят выборы, разрешите не участвовать в оных. Разрешите смотреть на вас и всю политику Советского Союза как на обман и что-то чужое для себя».

Без подписи. Азербайджанская ССР. г. Кировабад. Письмо 3083/4

«Руководители КПСС и советское правительство везде говорят о заботе, которую якобы они проявляют о советском человеке. Но, если посмотреть на действительное положение дел, то вся эта забота выражается на бумаге, на громких словах, видимо, для рекламы перед общественностью мира.

До настоящего времени снабжение продуктами первой необходимости не организовано, продукты приходится приобретать с рынка по исключительно высоким ценам, так как в магазинах продуктов почти нет.

Простое бритвенное лезвие в магазинах купить невозможно, волей-неволей приходится бриться в парикмахерских расходуя 50–60 рублей в месяц из без того скудной зарплаты.

У нас масса строительных материалов, но преобладающее большинство нашего народа продолжает жить в исключительно скудных нищенских квартирных условиях. Есть, правда, люди из верхушки, которые имеют и благоустроенные квартиры, и особняки, но преобладающая часть населения живет в квартирах из одной комнаты (она и кухня, и спальня, и столовая), а очень многие вообще не имеют крова.

Принято постановление о повышении зарплаты низкооплачиваемым рабочим и служащим с 1957 года. Одним повысили зарплату на 30–40 рублей, но зато другим понизили на 100–200 рублей. Трудно себе представить, чтобы в наше время человек мог прожить на зарплату в 300–400 руб. в месяц, а ведь таких очень много. Эта категория людей вынуждена приспосабливаться к жизни, занимаясь воровством, спекуляцией и т.д., а в итоге ежедневно пополняются тюрьмы, лагеря.

[Л. 28] Руководители нашей партии очень много говорят о ликвидации бюрократизма в разрезе жалоб трудящихся. На деле же и по настоящее время на жалобы не реагируют, плюют. Жалобы, как правило, попадают не тому руководителю, которому они пишутся, ибо паутина секретарей и лакеев не допускает их до начальников. Жалобы утопают в паутинке, которой оплетены кабинеты высоких начальников. В результате разговоры о чутком отношении и жалобы остаются разговорами вообще, а конкретно мало встретишь советских людей, справедливые жалобы и просьбы которых оперативно удовлетворяются.

В нашей стране много разговоров о демократии со стороны руководителей нашей партии и правительства, но эта демократия только на бумаге, а на деле свободное высказывание своего мнения, взгля-

дов влечет за собой предание суду с последующим отправлением в лагеря.

За последние годы настолько до сокращали штаты, что для того, чтобы уплатить за пользование электросветом в конторе, где принимают за эти услуги деньги с граждан всего города, нужно простоять день.

Наш советский человек всю свою жизнь живет только хорошими перспективами, которые ему их года в год обещают. Наш народ свыкся с бедностью и нищетой, он привык довольствоваться тем, что ему преподносят в обещаниях.

Но современное руководство КПСС и правительство не учитывает одного, что на одних бесконечных обещаниях далеко теперь уехать нельзя. Они не учитывают, что наш народ весь этот обман понимает и придет время, когда он скажет свое веское слово. Нашему народу сейчас ясно, что, имея неограниченные богатства в своей стране, имея большое трудолюбие, – он лишен возможности пользоваться всеми богатствами, созданными его руками. Наше богатство, созданное потом нашего народа, разбазаривается направо и налево в виде даров и подарков, приемных обедов и завтраков. Эти богатства эшелонами идут во все концы земного шара и в первую очередь в страны народной демократии, улучшая жизнь людей других стран, в тот момент, когда свой народ ведет нищенское существование.

Вполне понятно, что все это делается для того, чтобы удержать в лагере социализма эти страны, а удержать народы этих стран в лагере социализма газетными обещаниями, как удерживают наш народ, нельзя. Это вполне понятно. Ибо народы этих стран не привыкли жить в нищете и на обещаниях. И горе тому правительству, которое не будет реально удовлетворять жизненные потребности народа, такое правительство у власти не удержится.

Наши настоящие руководители КПСС не учитывают, что в случае необходимости защищать нашу страну, снова проливать за нее кровь должен будет наш народ. Надеяться на поддержку других народов – значит впасть в фантазию, ибо их помощь будет состоять в том, чтобы снова наносить удар в спину нашему народу.

Пусть руководство КПСС и правительства знает, что наш народ все теперь понимает и в свое время сделает все, что от него зависит и будет пользоваться тем, что ему законно положено.

[Л. 29] Товарищ редактор, это пишут не враги нашего народа, а советские люди – труженики, которые на своих плечах переносят все невзгоды этой жизни.

Наша просьба будет заключаться хотя бы в том, чтобы прекратить болтание о заботе, от этого теперь тошнит. Нужно меньше болтать, а больше практически заботиться о нашем советском человеке».

Без подписи. г. Запорожье. Письмо 232479/31.

«Я возмущена до глубины души, почему в этот момент подготовки к выборам и радио, и наша газета так мало просвещают народ. Радиостанция “Свободная Европа” это продажная баба, льет столько грязи и не жалеет денег на клевету, а мы сказали раз, и на этом все кончилось.

Надо каждый день и по радио, и через газету, и не только в виде пространных подвальных статей или ре-

чей на сессии Генеральной Ассамблеи ООН говорить простому народу о причине того или иного явления в нашей жизни, но и в виде кратких, но метких речей.

Пространные речи не все читают, и они не всем понятны. Пожалуйста, пишите попроще для трудового народа.

Кроме того, надо поднять вопрос об агитационно-массовой работе среди домохозяек, да и вообще среди всех. Ибо у нас под носом еще столько невежества. Так, например, мне приходилось слышать такие реплики “Когда они, сволочи, дадут пенсию” или “Какого черта наши не уходят из Венгрии, держали бы свое лучше было бы”.

Сердце шемит, когда слышишь такие слова. Особенно много нездоровых взглядов среди домохозяек, которые и детей своих воспитывают, хоть и мимо своей воли, но в противном духе, так как они болтают и выражают негодование.

Мне кажется, что надо выделить умных людей и послать их в массы. Пусть несут правду и свет тем, кто не читает газет, а их много таких.

При каждой парторганизации надо иметь консультанта по вопросам текущей политики. На разных совещаниях или на политзанятиях надо не закрывать рот простому рядовому, а дать ему высказаться с тем, чтобы выявить где товарищ ошибается и как ему помочь освободиться от ошибок. А у нас часто бывает так, что прочитали формально на кружке доклад или о положении в Венгрии, или о наших планах в шестой пятилетке и о никаких товарищеских разговорах и обсуждениях не может быть и речи.

Ясно, что при такой постановке вопроса руководство и партийная организация не знают людей, не знают кто чем дышит, не знают каким образом перевоспитать человека. А этот человек идет в семью, в класс, на производство и сеет свои сомнения среди отсталой части населения.

Извините за беспокойство, я написала, но все же чувствую, что не все то написано, что сердце подсказывает. Не умею выразить свои мысли».

Сводку составила: Е. Дмитриева

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 193. Л. 15–29. Машинопись.

Литература

1. Безнин, М. А. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26 – № 1. – С. 77–86. – DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.

2. Безнин, М. А. Коллективная капиталистическая ответственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 186–201. – DOI 10.15838/esc.2020.4.70.11

3. Безнин, М. А. Научный семинар по проблемам социально-экономической истории России второй половины XX века / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 2 (21). – С. 79–82.

4. Никифоров, Ю. С. Региональные и отраслевые аспекты неравенства и правового размежевания производственного социума в позднем СССР (1950–1980) / Ю. С. Никифоров // Вестник Костромского государственного университета. – 2021. – Т. 27. – № 2. – С. 76–81. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-2-76-81.

5. Никифоров, Ю. С. Региональный лоббизм в социально-экономической жизни России второй половины XX века: трактовки, источники, методы изучения / Ю. С. Никифоров // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы: материалы Международной научной конференции, Вологда, 14–15 октября 2020 года. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2020. – С. 155–160.

6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 36.

7. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 193.

8. Столетова, А. С. Жилищный вопрос середины 1970-х гг. как проблема социального обустройства в СССР / А. С. Столетова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 475–481. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481>.

9. Столетова, А. С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 2 (21). – С. 17–21.

A.S. Stoletova, K.V. Kushnereva

HOUSING CONDITIONS IN THE 1950S: PUBLIC PERCEPTION OF THE PROBLEM OF SOCIAL FACILITIES AND INEQUALITIES

Using the reviews of letters to the newspaper Pravda and a satirical text of a fable collected in the fund of the Russian State Archive of Contemporary History, the article examines such important social-economic aspects as the housing issue and the provision of the population with household amenities in the middle of the 20th century. It is proved in the article that since the 1950s ordinary people became aware of the unequal distribution of material wealth and public resources. Everyday life was characterized by gradual social demarcation among labor collectives, industrial society, pensioners and elderly citizens on the one hand, and representatives of governing structures on the other. Disappointment in the effectiveness of the work of Soviet state structures and mental and behavioral drawbacks of their bosses, leaders, and employees gave rise to persistent doubts about the advisability of publishing popular complaints through the press, as well as rejection of the existing system of elections and voting.

Housing construction, economic well-being, domestic life, mentality, worldview, consciousness, everyday life, political views.

Д.В. Тумаков

Ярославский государственный медицинский университет

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА 1994–1996 ГГ. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ)

В статье, основанной на архивных документах и материалах печати, представлены оценки ЛДПР войны в Чечне 1994–1996 гг. Приводятся наиболее яркие высказывания лидера партии В.В. Жириновского по этому вопросу. Сделан вывод о неоднозначности их позиции.

Северный Кавказ, Чечня, первая чеченская война, сепаратизм, военные действия, кризис, Либерально-демократическая партия России, В.В. Жириновский.

Трагические события на Северном Кавказе в 1994–1996 гг., вошедшие в новейшую отечественную историю под наименованием первой чеченской войны, вызвали острую реакцию российского общества. В настоящее время отечественная историография чеченского кризиса сравнительно невелика, хотя и постепенно возрастает. В настоящий момент авторами исследований на чеченскую тему чаще выступают не профессиональные историки, а работники силовых структур, политологи или военные журналисты. Достаточно упомянуть вышедшие в последние десятилетия работы Н.С. Асташкина [3], А.А. Ляховского [15], Н.Н. Гродненского [8]. Исключением является монография профессора Н.Ф. Бугая [4], приводящая многочисленные примеры взаимоотношений мятежной Чечни и других российских регионов в 1990-е гг.

Однако такой важный аспект темы, как восприятие операции на Кавказе российским обществом, нередко остается за пределами внимания исследователей. Оговоримся, что на всем ее протяжении военная операция в Чечне не встретила массовой поддержки населения страны. Достаточно заметить, что, по данным социологического опроса фонда «Общественное мнение», летом 1996 года 57% граждан, считавших себя сторонниками действующего главы государства Б.Н. Ельцина, считали именно войну в Чечне первоочередной в списке важнейших проблем страны и требовали ее скорейшего прекращения [13]. Тем не менее, среди российской элиты существовали политические партии, симпатизировавшие действиям властей на Кавказе.

В частности, военная кампания в Чечне изначально получила полную поддержку со стороны Либерально-демократической партии России (ЛДПР). Эта партия, возникшая еще в 1989 году, располагала одной из наиболее крупных депутатских фракций в Государственной Думе, а ее основатель и бессменный лидер В.В. Жириновский был постоянным участником президентских выборов и являлся одним из наиболее известных российских политиков конца XX века. Партийная печать восхваляла своего лидера как

самого популярного человека на планете, наиболее сильную и одаренную фигуру человеческой истории, при сопоставлении с которой «даже самые суперхаризматичные личности, великие из великих... мельчают и выглядят лилипутами» [20, л. 1]. Таким образом, ЛДПР являлась партией откровенно авторитарного типа, в силу этого в обнаруженной нами документации прослеживается лишь точка зрения председателя партии.

По меркам 1990-х гг. медийные ресурсы ЛДПР были достаточно значимыми: лишь в столице у нее выходили такие относительно крупные газеты, как «Правда Жириновского», «Слово Жириновского» и «ЛДПР», а также молодежное издание «Сокол Жириновского». Еще до 70 периодических изданий данной партии издавались и активно распространялись в различных российских регионах [6, с. 112]. Общая численность ЛДПР в середине 1990-х гг. превышала 40 тысяч членов [1, с. 26]. При этом важно оговориться, что важные сведения о позиции партии в чеченском вопросе можно обнаружить в фонде № 7989 Центра документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО). Приводимые автором документы центральных и региональных органов партии впервые вводятся в научный оборот.

Публичная поддержка силовых действий Кремля на Кавказе со стороны ЛДПР обуславливалась следующими факторами. Во-первых, либеральные демократы позиционировали себя в роли защитников русских на постсоветском пространстве, а также выразителей интересов работников различных силовых структур страны. В рекомендации партийной пресслужбы по созданию и функционированию отделов по связям со СМИ при региональных организациях (октябрь 1994 года) содержалось утверждение, что свыше 70% личного состава Вооруженных Сил РФ и более 50% работников органов правопорядка симпатизируют патриотической оппозиции, под которой и понималась ЛДПР [19, л. 2]. Приводимые в российской печати данные свидетельствовали, что в марте и

августе 1995 года В.В. Жириновский по уровню доверия к российским политикам действительно занимал первое место среди военных, хотя пользовался поддержкой лишь 15,6% и 15,8% респондентов соответственно [2]. Те же опросы свидетельствовали о доверии 16,2% старших офицеров МО РФ к ЛДПР (Там же).

Во-вторых, В.В. Жириновский в брошюре «Последний бросок на Юг», вышедшей за год до начала первой чеченской войны и получившей немалый общественный резонанс, отстаивал идею прихода России на Ближний и Средний Восток с целью ликвидации угрозы глобальной войны («успокоить все народы от Кабула до Стамбула») [12, с. 4]. В связи с этим попытка наведения конституционной законности на Северном Кавказе могла считаться первым шагом к реализации данной части политической программы ЛДПР.

Наведение правопорядка на Северном Кавказе могло восприниматься руководством партии как шанс достичь успеха в политической борьбе с оппонентами из числа других российских партий и движений. Поэтому в конце 1994 года Жириновский не просто открыто поддержал ввод федеральных сил в мятежную республику, но и одновременно обвинил в начале чеченской войны «радикал-демократов» и «их западных хозяев», а также «руководство Чечни», то есть российские реформаторские силы (партии «Выбор России», «ЯБЛОко» и т.д.) и сепаратистский режим в Грозном. Примечательно, что в адрес высшего военно-политического руководства России и лично главы государства он не высказывал никаких критических замечаний. Неудивительно, что в разгар думской предвыборной кампании 1995 года бывший и.о. премьер-министра Е.Т. Гайдар был вынужден заметить, что именно «русские фашисты и националисты» являются «наиболее решительными защитниками» кавказской политики Президента РФ Б.Н. Ельцина [7, с. 49].

В общей сложности в 1994–1996 гг. лидер ЛДПР 147 раз упомянул чеченскую проблему в выступлениях с думской трибуны. Его позиция относительно причин кризиса в Чечне и его виновников не претерпела значимых изменений. Даже в брошюре «Четвертая революция в России: традиции и издержки», изданной в 2000 году, В.В. Жириновский называл анонимных «демократов первой волны» в качестве виновников войны на Северном Кавказе [27, л. 80–81]. Чаще всего он высказывал убеждение в том, что целью чеченского конфликта является «дальнейший развал России» и ее армии, поощрение сепаратизма в других национальных республиках, а также установление зарубежного контроля над нефтяными потоками Северного Кавказа [28, л. 9–10].

Поддержку суровых мер Кремля в Чечне Жириновский мотивировал «разгулом чеченского бандитизма, грабящего Россию» и необходимостью «дать решительный отпор чеченским боевикам, сохранить целостность России и восстановить мир и спокойствие на Северном Кавказе» [11, с. 126]. Таким образом, именовавший себя «оппозиционером» лидер ЛДПР фактически повторил все основные аргументы руководства РФ относительно причин ввода феде-

ральных войск в мятежную Чечню и целей военной операции. При этом он отвергал любые предположения СМИ о своем переходе на сторону Кремля. В одном из выступлений зимы 1995 года В.В. Жириновский утверждал, что ЛДПР по-прежнему пребывает в оппозиции к российской власти и остальным политическим партиям страны: «...мы никого не поддерживаем... если президент в кавказском вопросе встал на нашу линию, так это он встал на нашу линию, а не мы на его. Это наша идея навести порядок везде по Конституции» [21, л. 1]. В то же время ему нельзя отказать в определенной справедливости аргументации: дудаевский режим действительно был дестабилизирующим фактором на юге России в 1991–1994 гг. В этой связи достаточно вспомнить рост криминальных и террористических проявлений в Чечне, а также вытеснение из республики невайнахского населения. Все это в совокупности означало, что от федеральных властей действительно требовалось принятие серьезных мер по улучшению ситуации в регионе.

В период первого в отечественной истории массового захвата заложников группа депутатов Государственной Думы РФ от фракции ЛДПР во главе с известным экстрасенсом А.В. Кашпировским побывала в захваченной террористами Буденновской районной больнице и даже лично общалась с их лидерами [5, с. 35]. При этом ЛДПР была одной из немногих политических партий страны, резко осудивших договоренности премьер-министра В.С. Черномырдина с Ш.С. Басаевым и призвавших к отказу от любых переговоров с чеченскими боевиками и возобновлению военных действий против них. Либерал-демократы считали, что именно высокопоставленные правительственные чиновники «внесли замешательство в действия военных» при силовой попытке освобождения заложников, поскольку будто бы преследовали корыстную цель «не дать затухнуть конфликту, унижить Россию, русских солдат, внести сумятицу в головы людей, всего населения страны» [11, с. 156]. Причины такого поведения чиновников партией не объяснялись.

Постепенно В.В. Жириновский стал высказываться за реализацию гораздо более жестких, порой радикальных мер для урегулирования чеченского конфликта. В частности, после теракта в Буденновске лидер ЛДПР предложил повысить численность Вооруженных сил РФ до 3,5–4 млн человек, увеличить военные расходы, восстановить КГБ и довести его численность до 1 млн работников, ввести режим чрезвычайного положения в шести регионах юга России и выдать оружие их населению, а также ввести визовый режим для граждан государств Закавказья и закрыть государственные границы с Турцией, Азербайджаном и Ираном, откуда чеченские боевики получали поддержку (Там же, с. 270). К числу наиболее жестких предложений либерал-демократов относилось также учреждение военно-полевых судов для ликвидации чеченского криминалитета [6, с. 112].

Аналогичные предложения были выдвинуты Жириновским и после нападения чеченских боевиков на Кизляр в январе 1996 года. В данном случае он снова солидаризировался с действиями властей, заявив, что те воспользовались его рецептами «для усмирения бандитов». Жириновский категорически отверг рас-

пространенное в центральной печати представление о событиях в Кизляре и Первомайском как о трагедии, назвав их «нормальным уничтожением вооруженных банд» [9]. Он продолжал считать первопричиной чеченской войны и терроризма со стороны сепаратистов «международный сценарий», то есть деятельность спецслужб США, стран Западной Европы и Израиля. О трагических ошибках со стороны Кремля в чеченском вопросе, повлекших переход чеченцев к терроризму, В.В. Жириновский деликатно не упоминал. Выход из создавшейся напряженной ситуации на Северном Кавказе виделся ему в отказе от национально-государственного деления страны и переходу к территориальному делению – созданию 40 крупных областей по 4–5 млн жителей в каждой с одинаковым налогообложением [26, л. 1–3]. Однако такие экстраординарные действия в случае их реализации, помимо того, что оказались бы дорогостоящими для государственного бюджета РФ и могли вызвать резкое неприятие со стороны даже вполне лояльных Москве народов, фактически означали серьезное моральное поражение властей и выглядели бы в глазах населения страны и всего мира признанием собственного бессилия.

Тем не менее, накануне парламентских и президентских выборов 1995–1996 гг. В.В. Жириновскому и его коллегам все-таки пришлось считаться с растущей непопулярностью чеченской войны и желанием мира в российском обществе. Достаточно упомянуть тот факт, что, по данным записки руководителя рабочей группы при Президенте РФ Э.А. Паина на имя главы государства, в июне 1996 года доля сторонников переговоров с лидером чеченских сепаратистов З.А. Яндарбиевым в 10 раз превышала число их противников, а после личной встречи с ним в Кремле рейтинг Б.Н. Ельцина возрос на 4% [14, с. 358–359]. Поэтому в собственных предвыборных выступлениях 1996 года лидер ЛДПР был вынужден не просто требовать немедленной отставки командовавших в Чечне генералов, но и даже призывать к отдаче их под суд военного трибунала, а также требовать наказания виновных в начале войны российских политиков (в частности, им назывались директор ФСК РФ С.В. Степашин и помощники главы государства Э.А. Паин, А.Я. Лившиц, Г.А. Сатаров, Ю.М. Батурин и В.В. Илюшин), что частично совпадало с антивоенной риторикой правых партий.

Признавая большие потери федеральных сил в Чечне, ЛДПР в 1996 году включила в программу призыв «беречь людской состав армии», поскольку, как справедливо замечали ее авторы, «человеческие жизни ничем оплатить нельзя» [23, л. 7]. В связи с ростом потерь и затягиванием чеченской войны Жириновский и его коллеги предлагали реформировать вооруженные силы страны, подразумевая создание «единой мощной армии», которая не уступала бы по уровню вооружения и выучки армиям самых развитых стран мира. Не оставлял в стороне лидер ЛДПР и социальные проблемы российских военнослужащих и членов их семей, требуя решить их жилищные проблемы и создать им достойные условия жизни. Одновременно с армией Жириновский призывал повысить бюджетные расходы на органы государственной безопасно-

сти, которые, в случае собственной победы на президентских выборах, предполагал поддерживать «на уровне разумной достаточности» [23, л. 7].

Изменилась его позиция и по отношению к иным политическим силам России. Если зимой 1995 года он охарактеризовал КППРФ как конкурента и одного из главных врагов собственной партии на предстоящих думских выборах [25, л. 1], то уже спустя год фразеология лидера ЛДПР претерпела существенные изменения. 21 марта 1996 года его партия вместе с коммунистами и прочими левыми фракциями Госдумы подписала обращение к генералам и офицерам, военнослужащим всех родов войск и специальных подразделений. Подписанты небезосновательно утверждали, что «армия раздета и разута, солдаты не обеспечены минимальным питанием, офицеры месяцами ждут зарплату». В столь же негативном ключе оппозицией была упомянута и война в Чечне: ее охарактеризовали как «бойню», в ходе которой «армия и народ захлебываются в собственной крови» [18, л. 41]. В то же время ЛДПР по-прежнему не вступала в контакт с правыми силами, пытавшимися организовать антивоенное движение.

Партия и в дальнейшем позиционировала себя в качестве защитницы интересов военных в Чечне. В частности, в печати ЛДПР было опубликовано письмо некоего жителя Тамбовской области А. Пугина. Этот бывший солдат российской армии, как и многие другие его сверстники-сослуживцы, попал на чеченскую войну плохо подготовленным и более года провел в плену у боевиков. Как следовало из письма, в плену Пугин понял, что ни правительству страны, ни другие политические силы не интересуются его судьбой, и только ЛДПР всегда готова оказать поддержку пленным солдатам. Именно либерал-демократы и вызволили солдата из неволи [25, л. 6 об.]. Тем не менее, дальше патетичных и при этом предельно общих фраз ЛДПР не шла.

В предвыборный период партия прибегала к откровенно популистской риторике. Учитывая частые вооруженные нападения боевиков на российских строителей и энергетиков, их похищения, на VIII партийной конференции 2 марта 1996 года ЛДПР предложила прекратить финансировать восстановление разрушенной экономики и социальной сферы Чечни, исключить эти средства из государственного бюджета и направить их на помощь различным социально незащищенным категориям населения страны [26, л. 2]. В предвыборных листовках президентской кампании 1996 года В.В. Жириновский позиционировался как кандидат, одновременно борющийся за «демократическую и независимую Россию как могучую державу», а также за «права и безопасность всех граждан России» [24, л. 8].

Признавая на словах бессмысленность чеченской войны, лидер ЛДПР, в отличие от «Выбора России» или «ЯБЛока», все-таки выступал против любых мирных соглашений федерального Центра с боевиками, так как полагал их «продолжением односторонних уступок чеченским националистам» [11, с. 267]. Справедливости ради необходимо признать, что доля истины в словах лидера ЛДПР была: боевики расценивали многочисленные уступки Центра в качестве

слабости и требовали от властей большего. В частности, они постоянно стремились придать чеченской проблеме международное значение. В разгар мирных переговоров между делегациями федерального Центра и сепаратистов в Назрани в июне 1996 года «Национальный конгресс ЧРИ» призвал ООН «признать Чеченскую республику Ичкерия субъектом международного права» и заявил, что в отношениях России и Чечни «любые другие формы взаимоотношений... кроме как отношений субъектов международного права: двух независимых государств» невозможны [17, с. 338].

Либеральные демократы на словах поддерживали действия армии в Чечне и после завершения избирательной кампании. В разгар боев за Грозный в августе 1996 года, выступая на внеочередном заседании Государственной Думы РФ, лидер ЛДПР утверждал, что для военной победы в Чечне государство должно «дать больше прав армии и меньше прав журналистам». Военное поражение России и предоставление независимости Чечне означали бы, по его мнению, крушение всей страны, поскольку они усилили бы сепаратистские настроения в остальных субъектах РФ. В неудачах федеральных сил В.В. Жириновским обвинялись представители отечественной прессы, а не военного командования, причем телеканал НТВ был им назван «злонамеренной компанией», которая якобы ежедневно возбуждала в народе «антивоенные, антироссийские настроения». Аналогичного мнения в те дни придерживались и сами военные, в силу чего журналистам НТВ приходилось отправлять свои материалы не с главной базы Временных объединенных сил в Ханкале, а из Назрани [16, с. 28]. Для исправления ситуации на фронте информационной войны Жириновский предлагал создать в структуре правительства РФ министерство пропаганды, которое существенно ограничило бы возможности СМИ, осуждавших действия силовиков. Он обвинял окружение Президента РФ и спецслужбы в «неправильной национальной политике» и даже снова призвал привлечь к уголовной ответственности за провалы на Кавказе бывшего директора ФСК (ФСБ) С.В. Степашина и его заместителя Е.В. Савостьянова [18, л. 5–6 об.].

Соответственно, резкому осуждению со стороны ЛДПР подверглись Хасавюртовские соглашения 31 августа 1996 года – пресс-служба партии утверждала, что после их заключения «бандиты убивают лучших чеченцев, расчлениют и уничтожат страну» [22, л. 13]. Позднее уже сам Жириновский назвал соглашения в Хасавюрте «абсурдом», небезосновательно предположив, что новое правительство Чечни не станет широкой коалицией, а на 99% будет состоять из сторонников сепаратистов. Альтернатива, публично озвученная им в сентябре 1996 года, предполагала реализацию ультиматума генерал-лейтенанта К.Б. Пуликовского, то есть войну до победного конца. Секретарю Совета безопасности (СБ) РФ А.И. Лебедю ЛДПР предлагала «выполнить роль Скобелева», забывая, что легендарный «Белый генерал» в XIX веке завоевал Среднюю Азию, а не Северный Кавказ [10].

Последующий вывод федеральных войск из Чечни в конце 1996 года партийная печать ЛДПР охарак-

теризовала резким определением «Россия на коленях!», чеченскую войну она стала сравнивать со ставшим в свое время именем нарицательным разгромом российского флота японцами в Цусимском сражении, а подписавшего Хасавюртовские соглашения с лидерами сепаратистов А.И. Лебеда саркастично называла «лучшим чеченцем года» [20, л. 13, 17, 28]. Подобная характеристика А.И. Лебеда была издевательской аллюзией на президента СССР М.С. Горбачева, получившего от популярной газеты Bild звание «лучшего немца 1991 года» за объединение Германии.

В.В. Жириновский считал, что решением кризиса в Чечне должны заниматься специалисты из российских силовых структур, а не политики. Неудачу военной операции в мятежной республике в 1994–1996 гг. ЛДПР объясняла не слабостью федеральных сил, а нехваткой у них необходимого количества сил и средств, отсутствием полной политической и оперативной самостоятельности военных и «нелепыми приказами из Москвы» (Там же, л. 11). При этом даже спустя год после Хасавюртовских соглашений он утверждал об угрозе территориальной целостности страны, поскольку сепаратистские тенденции уже имели место в других южных регионах России, а соседний Китай якобы высказал претензии на территории Дальнего Востока и Якутии [21, л. 6]. Первопричиной столь неблагоприятного положения вещей он полагал неблагоприятный исход чеченской войны.

Осенью того же года, после отставки А.И. Лебеда со всех занимаемых постов, партия отказалась от требований нового штурма Грозного, предложив экономические методы борьбы с чеченским сепаратизмом. Выступая на заседании нижней палаты парламента, В.В. Жириновский предложил ликвидировать Чечню как субъект федерации, передав ее территорию в состав Ставропольского края, при этом полностью вывести российские войска и жестко заблокировать границы Чечни, отключить на ее территории электричество, газ и водоснабжение. Подобная блокада, по его мнению, быстро привела бы к бегству чеченцев с исторической родины, после чего Чечню заселили бы русские. Печать ЛДПР охарактеризовала мятежную Ичкерия как «резервацию для диких» и утверждала, что от чеченского народа для России «проку нет» [20, л. 19, 26].

Таким образом, политическая линия ЛДПР в чеченском вопросе в 1994–1996 гг. выглядит неоднозначной. С одной стороны, партии нельзя отказать в определенной последовательности, так как само по себе урегулирование кризиса в Чечне не мыслилось ей без сохранения территориальной целостности России. ЛДПР полностью разделяла аргументы официальных властей и порой предлагала даже более жесткий вариант кавказской политики, практически не критикуя действия военных. Некоторые из высказываний лидера партии по отношению к чеченцам были излишне резкими. С другой стороны, ЛДПР не представила никакой тщательно разработанной программы урегулирования конфликта на Северном Кавказе, ограничиваясь общими, не лишены демагогии и обычного популизма фразами. После подписания Хасавюртовских соглашений либерал-демократы срав-

нительно быстро и легко согласились с новой линией Кремля на невоенные методы решения чеченской проблемы.

Литература

1. Абрамов, В. Н. Многопартийность в постсоветской России: тенденции, проблемы, общественные потребности / В. Н. Абрамов. – Москва : ИЧП Издательство Магистр, 1997. – 40 с.
2. Армия доверяет только армии // Московские новости. – 1995. – 3–10 сентября.
3. Асташкин, Н. С. По волчьему следу. Хроники чеченских войн / Н. С. Асташкин. – Москва : Вече, 2005. – 416 с.
4. Бугай, Н. Ф. Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир / Н. Ф. Бугай. – Москва : ИРИ РАН, 2006. – 476 с.
5. Буденновск: семь дней ада. – Москва : Кодекс, 1995. – 143 с.
6. Верховский, А. Политический экстремизм в России / А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. – Москва : Институт экспериментальной социологии, 1996. – 356 с.
7. Гайдар, Е. Т. Беседы с избирателями / Е. Т. Гайдар. – Москва : Евразия, 1995. – 64 с.
8. Гродненский, Н. Н. Первая чеченская: история вооруженного конфликта / Н. Н. Гродненский. – Минск : Современная школа, 2008. – 720 с.
9. Дрейлинг, А. Национал-патриотическая оппозиция в январе 1996 года / А. Дрейлинг. – URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1050412225/PatrPartii0196.htm> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.
10. Дрейлинг, А. Национал-патриотическая оппозиция в сентябре-октябре 1996 года / А. Дрейлинг. – URL:

http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_96/nacpatr.html (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.

11. Жириновский, В. В. Краткий очерк истории ЛДПР / В. В. Жириновский. – Москва : Галерея, 1998. – 471 с.
12. Жириновский, В. В. Последний бросок на Юг / В. В. Жириновский. – Москва : Издание ЛДПР, 2016. – 80 с.
13. Закончить войну – требование № 1 // Известия. – 1996. – 3 августа.
14. Зорин, В. Ю. Чечня: кремнистый путь к миру. Дневник не для себя / В. Ю. Зорин. – Москва : Виоланта, 1997. – 383 с.
15. Ляховский, А. А. Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы / А. А. Ляховский. – Москва : Детектив-Пресс, 2006. – 640 с.
16. Мамулашвили, Н. В. Моя чеченская война. 94 дня в плену / Н. В. Мамулашвили. – Москва : Время, 2005. – 320 с.
17. Современная политическая история России (1985–1998 годы). Том 1. Хроника и аналитика. – Москва : РАУ-Корпорация, 1999. – 1144 с.
18. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 29.
19. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 7.
20. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 9.
21. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 10.
22. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 18.
23. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 20.
24. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 25.
25. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 1. Д. 36.
26. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 2. Д. 17.
27. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 3. Д. 5.
28. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 7989. Оп. 3. Д. 33.

D.V. Tumakov

THE FIRST CHECHEN WAR (1994–1996) IN THE ASSESSMENT OF POST-SOVIET RUSSIAN POLITICAL ELITE (ON THE MATERIAL OF THE LIBERAL DEMOCRATIC PARTY OF RUSSIA)

The article, based on archival documents and periodicals, examines the assessment of the war in Chechnya in 1994–1996 by the LDPR. The most prominent statements by the party leader V.V. Zhirinovskiy are presented. It is concluded that the party's position is ambiguous.

The North Caucasus, Chechnya, the First Chechen war, separatism, military action, crisis, the Liberal Democratic Party of Russia, V.V. Zhirinovskiy.

УДК 821.161.1

С.Ю. Баранов

Вологодский государственный университет

«ШТУКОВИНА ЭТА ЗАСЛУЖИВАЕТ РАБОТЫ» (Письма Ю.Г. Буртина и П.В. Палиевского о пьесе В.И. Белова «Не спи на закате»)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012- 00348 «Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова»*

Статья предваряет публикацию писем о недавно обнаруженной пьесе В.И. Белова «Не спи на закате» двух активных участников литературной и общественной жизни 1960–1970-х годов – Ю.Г. Буртина и П.В. Палиевского. В ней характеризуется историко-литературный контекст появления самой пьесы и откликов на нее представителей разных идейных течений.

В.И. Белов, Ю.Г. Буртин, «деревенская проза», замысел, интеллектуализм, критика, П.В. Палиевский, пьеса-притча, творческая индивидуальность, целостность произведения,

Обнаруженная два года назад в фондах Музея-квартиры В.И. Белова пьеса «Не спи на закате» дала повод для расширения и корректировки представлений о творческих исканиях писателя, а также об отношении к этим исканиям в той или иной мере близких ему по взглядам литераторов [2]. Творческая история произведения складывалась драматично: над этой пьесой, резко отличающейся по материалу от всего того, что было Беловым создано и до и после нее, он работал с увлечением и, как вспоминает его жена Ольга Сергеевна, «нравилось ему ее писать» (Там же, с. 54). Сохранившийся машинописный текст датирован маем 1969 года. До публикации дело тогда не дошло. Но в 1981 году Белов готовил к изданию сборник своих драматургических произведений и задумался о возможности включить в него и пьесу «Не спи на закате». Он передал рукопись московскому критику М.П. Лобанову, желая получить отклик, позволяющий разрешить его сомнения относительно художественной состоятельности и перспектив публикации пьесы. Отзыв Лобанова был отрицательным, и он настоятельно рекомендовал Белову отказаться от попыток писать в подобном роде, сохраняя верность выбранному ранее направлению «деревенской прозы» [1]. Вероятно, вердикт критика сыграл определенную роль в том, что пьеса «Не спи на закате» в сборник драматургических произведений Белова не вошла и шагов к ее публикации в дальнейшем он не предпринимал. В 1983 году в интервью газете «Горьковский рабочий» свое отношение к не удостоенной публикации пьесе писатель определил как к опыту из категории «в творческой лаборатории»: «...после института, мне захотелось написать одну философскую штуку, где бы действовали Адам, Ева и два архангела. Эту

пьесу я делал не для тщеславия, не для театра, а просто хотел попробовать свои возможности. Для меня очень интересен сам процесс писания» [7]. На рубеже 1990-х и 2000-х годов Белов, уже совершивший переход от «воинственного атеизма» к православию, написанный от руки вариант пьесы «Не спи на закате» сжег, по недосмотру или сознательно не подвергнув той же участи одну из машинописных копий.

Весной 2021 при разборе хранящегося в Музее-квартире В.И. Белова архива писателя директором этого учреждения О.Н. Анфимовой были обнаружены еще два письма автору пьесы «Не спи на закате», касающиеся содержания и художественных особенностей произведения. Адресантом одного из них является Ю.Г. Буртин, другого – П.В. Палиевский¹. Письмо Буртина датировано 15 июня 1969 года. Письмо Палиевского помечено 26 сентября, но год при этом не указан. Поскольку в нем упоминается рассказ Белова «Око дельфина», опубликованный в № 10 журнала «Уральский следопыт» за 1970 год, то можно полагать, что оно было написано не ранее конца сентября следующего, 1971 года.

Ю.Г. Буртин и П.В. Палиевский принадлежали к разным литературным группировкам, исповедовавшим разные социально-политические взгляды и враждовавшим между собой. Первый был последовательным «шестидесятником», приверженцем (может быть, за исключением некоторых нюансов) курса

¹ Письмо Ю.Г. Буртина – КБИАХМ МКБ КП-4071/78 А-1341, письмо П.В. Палиевского – КБИАХМ МКБ КП-4074/29 А-1760. Подписи в письме Буртина нет, письмо Палиевского подписано инициалом П. Авторство первого из них установлено С.Ю. Барановым, второго – О.Н. Анфимовой.

«Нового мира», руководимого А.Т. Твардовским². Второй – одним из лидеров «молодогвардейцев», избравших своей платформой журнал «Молодая гвардия», и принадлежал к так называемой Русской партии, оппозиционной по отношению к «прозападному» «Новому миру».

В.И. Белову по взглядам были более близки сподвижники Палиевского, но на рубеже 1960-х и 1970-х годов он стремился поддерживать связь и с «новомирянами», будучи одним из авторов их печатного органа и питая глубокое уважение к Твардовскому как поэту и значимой фигуре современной общественной жизни и литературного процесса. Показательно в данном плане его неоднозначное отношение к письму одиннадцати литераторов (М. Алексеева, С. Викулова, С. Воронина и др.), выступивших в июле 1969 года на страницах журнала «Огонек» против «Нового мира». Непосредственным толчком к этому выступлению послужила критика «новомировцем» А. Дементьевым литературно-публицистических статей «молодогвардейца» В. Чалмаева [11]. Но, по сути, в письме было выражено резкое, с далеко идущими выводами, неприятие позиций, с которых эта критика велась и которые были квалифицированы как выражение идейных установок всего периодического издания в целом.

Авторы письма утверждали, что в условиях острого противостояния двух общественно-политических систем новомирские публикации, в отличие от публикаций журнала «Молодая гвардия», способствуют «размыванию идеологических рубежей», их авторы пропагандируют «общедемократическую точку зрения» вместо «точка зрения пролетарской», не руководствуясь принципами «советского патриотизма», «проповедают среди молодежи нигилизм во всех видах, стремление к легкой, “изысканной” жизни на западный образец и поверхностный интеллектуализм без нравственных норм» [19, с. 26]. Особое неудовольствие авторов письма вызвало суждение А. Дементьева о несоответствии опубликованных в «Молодой гвардии» произведений о деревне реальному положению современного села. В высказываниях критика по данному вопросу они усмотрели резкое недовольство тем, что «“Молодая гвардия” стремится воспитывать в молодых читателей, будущих хозяевах страны, любовь к “земле”, “истокам”, к “деревне”» (Там же, с. 29).

Состояние современного села Белова не удовлетворяло, в этом отношении он вряд ли мог солидаризироваться с оппонентами «Нового мира». Но целый ряд положений из «письма одиннадцати» (необходимость противостоять чрезмерному увлечению молодежи западной культурой, отношение к крестьянству как первооснове национального бытия и некоторые другие) ему был близок, и пафос статьи М.П. Лобанова «Просвещенное мещанство», на которую ссылались авторы письма как на весомый аргумент в споре, он в целом разделял. Однако Белов пытался занять

свободную от идейных крайностей, независимую позицию и, обращаясь к В.В. Петелину, признавался: «Я бы это письмо не подписал. Не потому, что не согласен с мыслями против дементьевской статьи (с этими мыслями я согласен), а потому что, объективно, письмо против Твардовского <...> Я не берусь судить за всех, но, как мне кажется, Витя Астафьев и Саша Романов тоже не поставили бы свои подписи против Твардовского, да еще теперь, когда его гонят из журнала. Все это очень сложные и хитрые штуки <...> И правые и левые смыкаются против меня и Астафьева, хотя одни шумят за Россию, а другие шумят против лжепатриотов (Дементьев, к примеру). Те и другие стоят друг дружки» [18, с. 158]. Это письмо Петелину датировано 14 августа 1969 года, т.е. относится к тому времени, когда пьеса «Не спи на закате» была совсем недавно написанным произведением и Белов хотел получить отклики на нее от людей, мнению которых доверял и мнением которых дорожил. При этом важно отметить, что, как следует из приведенной цитаты, он предпочитал ориентироваться на авторитет и суждения значимых для него *личностей*, а не на позиции противоборствующих *группировок*, даже если эти позиции были в чем-то ему близки.

В конце 1960-х годов одной из таких значимых для Белова личностей в литературном мире являлся Ю.Г. Буртин, редактировавший в «Новом мире» раздел «Политика и наука». Публикация в этом широко известном, считавшемся одним из лучших журналов того времени, повышала репутацию и самооценку автора, и Белов искал возможность поместить в нем свои произведения. Добиться этого было непросто. В 1964 году А.Т. Твардовским была отклонена беловская повесть-очерк «В родных палестинах»³, а в 1965, несмотря на очевидные литературные достоинства произведения и на мнение членов редакции, он по тактическим соображениям не решился поместить в журнале «Привычное дело». Первым произведением Белова, появившемся в «Новом мире», стал рассказ «Мазурик» («Под извоз») (1968), затем там были напечатаны повесть «Плотнички рассказы» (1968) и «Бухтины вологодские» (1969). Все три публикации приходятся на последние годы руководства Твардовского «Новым миром» и работы Буртина в этом журнале.

Белов и Буртин были ровесниками, их сближению способствовало несколько обстоятельств, в том числе и сугубо личных, обусловленных трудностями вхождения «провинциального» писателя в малокомфортную для него литературно-издательскую среду столицы. Три десятилетия спустя Белов вспоминал о своем общении с членами редакции «Нового мира»: «С Буртиным у меня были хорошие отношения, тогда он успешно громил “заединщиков” вроде Грибачева, Маркова и других официозных писателей. Двери к Буртину для меня были всегда открыты, не то что к Кондратовичу или к Дементьеву» [6, с. 337]. Буртин в немалой степени способствовал расширению истори-

² В «Исповеди шестидесятника» Буртин писал: «Что касается “Нового мира”, то это моя духовная родина, которую я ношу в себе и буду носить до конца моих дней. <...> Он действительно стал для меня вторым отчим домом, чья роль, как и роль Твардовского, в моей литературной и гражданской биографии была и остается определяющей» [9, с. 74].

³ Это произведение в переработанном виде и под новым заглавием «Раздумья на родине» было опубликовано в № 6 журнала «Наш современник» за 1985 год. Его первоначальный вариант см.: [3].

ко-политического кругозора Белова. Оставляя приятеля на день в своей московской квартире, он давал ему читать запрещенные в СССР книги, в частности «Технологию власти» А. Авторханова, которая содержала «подробности троцкистско-бухаринского бунта против Сталина» [6, с. 338], отображенные впоследствии Беловым в трилогии «Час шестый». С первой частью этого произведения, романом «Кануны», Буртин знакомился еще на стадии работы писателя над ним и высказал относительно прочитанного целый ряд концептуально значимых замечаний [10, л. 11–12. Письмо от 15.IV.7.]. Импонировал Белову и живой интерес Буртина к проблемам села – как в социальном, так и в нравственно-психологическом и литературном планах. Интерес этот имел биографические корни, т.к. вырос Буртин в деревне, а для написанных им статей и рецензий на данную тему было характерно глубокое понимание процессов, определявших исторические судьбы крестьянства и его нынешнее состояние [8, с. 337]. Созвучным беловскому представлению о коллективизации было и утверждение Буртина о том, что в ее основе «лежали не интересы крестьянства, а государственная воля <...> насилие меньшинства общества над его подавляющим большинством – событие, беспрецедентное в мировой истории...» [9, с. 39].

Судя по сохранившимся письмам, общение Белова и Буртина продолжалось и в 1970-е годы, после ухода Твардовского и его ближайших соратников, в число которых входил и Буртин, из «Нового мира». Но друг от друга они постепенно отдалялись. Буртин обосновался в редакции издательства «Советская энциклопедия» и увлеченно работал над словарем «Русские писатели», углубленно занимался творчеством Н.А. Добролюбова. В то же время много сил он отдавал «внеслужебной» деятельности: занимался распространением самиздата, примкнул к диссидентскому движению, был тесно связан с правозащитниками. Ко всему этому Белов не мог относиться с пониманием, сочувствием и одобрением. Размежевание усилилось в годы «перестройки», когда Буртин проявил себя как публицист демократического толка. При его непосредственном участии создавался клуб «Московская трибуна» и формировалась Межрегиональная депутатская группа, сплачивавшая оппозиционные силы на I съезде депутатов СССР. Возможно, какую-то роль в отчуждении Белова и Буртина друг от друга сыграли также и острые грани национального вопроса [6, с. 337].

П.В. Палиевский родился в том же 1932 году, что и Белов с Буртиным, т.е. они все трое принадлежали к одному поколению. Поколение это, как, впрочем, и любое другое, было мировоззренчески неоднородным, наглядным подтверждением чему служат пересекающиеся, но не общие пути Белова, Буртина и Палиевского в общественной жизни и культуре. Основной сферой профессиональной деятельности Палиевского являлось литературоведение. Его кандидатская диссертация была посвящена теории образа, докторская – развитию русской литературы на рубеже XIX–XX веков. Помимо теории и истории русской литературы (творчество Л. Толстого, М. Булгакова, М. Шолохова и др.), он много занимался зарубежной

литературой (работы об О. Хаксли, Г. Грине, У. Фолкнере и др.). На протяжении более полувека Палиевский был научным сотрудником Института мировой литературы. Преподавал в Московском государственном университете, а также в университетах Европы и Америки.

Одним из активных участников русского патриотического движения Палиевский являлся в 60–70-е годы, затем от деятельности, связанной с этим идеологическим направлением, отошел. В.И. Белов сблизился с ним в ходе работы Советско-болгарского клуба творческой молодежи – общественной организации под эгидой ЦК ВЛКСМ. Клуб этот начал работу в январе 1967 года и, по воспоминаниям Белова, «сплотил довольно большую группу патриотически настроенных молодых людей. С русской стороны туда входили такие литераторы, как Палиевский и Семанов, Ланщиков и Михайлов, Валерий Ганичев и Валентин Сидоров. На втором или третьем заседании появился Валентин Распутин». Заседания клуба проходили бурно. «Все мы были тогда молоды и задиристы», – с оттенком ностальгии замечал Белов на исходе XX века [6, с. 327–328]. В этой шумной компании Палиевский был интеллектуальным лидером, способствовавшим идейному и культурному развитию своих сподвижников. С.Н. Семанов считал, что Палиевскому принадлежала ключевая роль в становлении «Русского клуба» и что «на поколение своих современников он оказал огромное, ни с чем не сравнимое влияние» в плане мировоззренческом и в плане личностном: «Учились мы все <“молодые люди тридцатых годов рождения”> самодумкой, но “первым учеником” среди всех нас был, несомненно, Петр Васильевич, Петя, как именovali его тогда. Он знал три основных европейских языка, свободно объяснялся на них, что было редкостью в то время. Но главное – в ином. Он раньше всех нас прочел труды Флоренского, С. Булгакова, Леонтьева и в особенности – своего любимого Розанова, даже имел набор его прижизненных изданий. Ну, я-то об этих авторах до знакомства с Палиевским даже не слышал. Выделялся он также тем, что никогда не пил, даже не пригублял в бесчисленных наших застольях. Ядовито и беспощадно обличал всех нас за слабости, особенно литературные. Вкус его к слову, устному или письменному, был безупречен» [20, с. 337–338].

Когда Белов пишет о том, как в 60-е «оттепельные» годы началось и неуклонно ширилось знакомство взыскующей правды молодежи с недоступными или труднодоступными ранее трудами Н. Бердяева, С. Булгакова, К. Леонтьева, В. Соловьева, Н. Федорова и П. Флоренского [5, с. 291], он, конечно, подразумевает, что происходило это не само по себе, культурным «самотеком», а с подачи и при посредстве людей типа П. Палиевского, который и на него, Белова, несомненное интеллектуальное влияние оказал. Обращение к нему, высококомпетентному в вопросах мировой культуры специалисту, с просьбой оценить написанную в нехарактерном для советской литературы тех лет идейно-образном ключе пьесу «Не спи на закате» было вполне закономерным.

По признанию Палиевского, с Беловым его связывали приятельские отношения, но «деревенскую

прозу», одним из наиболее ярких представителем которой Белов являлся, «исключительно положительным» явлением он считать отказывался. Палиевский полагал, что предпринятая «деревенщиками» в их произведениях «защита крестьянского образа жизни, его ценностей, особенно в “Ладе” Белова, все же тянула в прошлое» вопреки реальным тенденциям исторического процесса, и стремление представить былое состояние русской деревни близким к идеалу он называл «ретроспективным утопизмом» [17]. Позицию Палиевского по отношению к «деревенской прозе» и ее авторам следует учитывать, знакомясь с его письмом о пьесе «Не спи на закате». Ко времени создания этой пьесы Белов уже выпустил поэтическую книжку «Деревенка моя лесная», сборники рассказов и повестей «Знойное лето» (1963), «Речные излуки» (1964), «Тиша да Гриша» (1966), «За тремя волоками» (1968), «Плотничьи рассказы» (1968). Повести «Привычное дело» и «Плотничьи рассказы», сначала опубликованные в журналах, а затем включенные в состав сборников, были восприняты читающей публикой и критикой как важные события литературной жизни, а Белов приобрел репутацию одного из лидеров проблемно-тематического направления «деревенская проза». Пьесу «Не спи на закате» Палиевский, по-видимому, воспринял как заслуживающую одобрения попытку Белова выйти за рамки «деревенской прозы», попробовать свои силы в ином творческом амплуа. И выход автора пьесы на общефилософский, абстрагированный от конкретного социально-исторического материала уровень вкуса Палиевского соответствовал. Правда, следует учитывать, что его письмо о пьесе является чем-то вроде спонтанного изложения впечатлений от первого прочтения произведения, и потому в нем нет строгой непротиворечивой логики, о чем Белова предупреждал сам адресант («прости, что буду сбивчив»).

Обращение Белова к представителям разных идейных течений с просьбой о дружеской «экспертизе» своего нового литературного сочинения было, скорее всего, мотивировано не только доверием к их литературному профессионализму, но и желанием вывести из полученных отзывов некое общее, объективное, свободное от групповых пристрастий мнение. В значительной мере этот ход себя оправдал. Буртин и Палиевский сошлись в том, что написанная Беловым пьеса представляет немалый интерес как в плане содержательном, так и в собственно литературном («вещь существенная и свежая», заслуживающая «самого серьезного к ней отношения»; пьеса «очень умна», «прозвучит и будет расхватаана»). Оба «эксперта» также настойчиво убеждали Белова в необходимости художественной доработки произведения – с тем, чтобы заложенные в замысле возможности были осмыслены и реализованы в полной мере. С ними был солидарен еще один ознакомившийся с пьесой читатель – заведующий отделом критики журнала «Новый мир» И.И. Виноградов, который, вероятно, получил рукопись с разрешения автора от Буртина⁴. В недати-

рованном, но, судя по его содержанию, относящемся ко второй половине 1969 года письме Буртин сообщал Белову: «Вася, посылаю пьесу. Игорь прочел, ему это кажется очень перспективным, но он тоже считает, что работа тебе предстоит еще изрядная» [10, л. 25. Письмо без даты].

Обращает на себя внимание то, что и Буртин, и Палиевский констатируют наличие в произведении серьезной философской проблематики и расценивают это как важный симптом дальнейшего развития беловского таланта, а также как своеобразный отклик на назревшие потребности современной духовной жизни («проблемски больного, сегодняшнего»). Более развернуто об этом высказывается Палиевский, обозначая целый спектр проблем, затронутых Беловым в пьесе, и вписывая произведение в контекст многовековых собственно философских и теософских исканий (от античности до В.В. Розанова). Попутно им отмечаются и некоторые «лакуны», заполнение которых при разработке сюжета «грехопадение» является не только желательным и необходимым («опыт Христа и христианства»). Возможно, эти суждения и натолкнули автора произведения, засомневавшегося в том, что оно – его творческая удача, на мысль «Сделать философскую статью на основе этой грешной пьесы» [2, с. 55 – текст и снимок обложки рукописи].

Особый интерес представляет мнение корреспондентов Белова о его самостоятельности в подходе к глубинным мировоззренческим вопросам («...есть на ней <пьесе> печать именно твоего, несмотря на философскую абстрактность материала» – Буртин; «...ее <пьесы> ум, по моему впечатлению, совершенно самостоятельный» – Палиевский). Суждение это примечательно, поскольку оно утверждает мысль о том, что отход Белова от деревенской тематики не ведет к утрате творческой индивидуальности, которая может отчетливо давать о себе знать и в работе с материалом, отвлеченным от социокультурной конкретики.

Авторская самостоятельность проявляется в интерпретации самого библейского сюжета о грехопадении (катастрофические последствия предустановленной Богом для архангелов и людей свободы воли), в отборе и трактовке проблем, с этим сюжетом соотношенных («бремя сильного и знающего правду» – т.е., в данном случае, «бремя» Бога; терпение как средство утверждения блага, как способ борьбы с искусом и как сам искус), в проекции глубоко индивидуальных авторских проблем на оценку «вечных» образов («в отношениях к женщине – Еве – кажется что-то очень личное, но как будто не продуманное для других»)⁵.

Что же касается соотношения «философски абстрактного» материала и творческой индивидуальности Белова, то некоторые дополнительные штрихи к пониманию Буртиным этого вопроса можно найти в других его письмах, относящихся к тому же времени. Одно из них датировано 27 мая 1969 года и посвящено беловской статье «Деревня и кино» («Деревенская тема в кино»), с просьбой о прочтении и оценке руко-

⁴ См. в тексте публикуемого письма Буртина запрос на такое разрешение: «Послать ли тебе рукопись? Или все же дать здесь еще кому-то?»

⁵ Это замечание Палиевского побуждает к соотношению Евы из пьесы «Не спи на закате» с женскими образами из рассказов цикла «Воспитание по доктору Споку» и романа «Все вперед».

писи которой писатель к Буртину обратился⁶. Откликаясь на просьбу, Буртин, в частности, писал: «Но вот тебе вопросик: мужика ли надо защищать или надо защищать человека? И в мужике и в ком угодно. И можно ли защитить мужика, защищая только его, а не человека вообще, то есть свободу, демократию, достоинство и права личности, нравственные ценности? Это вопросы не праздные, ибо у нас есть охотники выделить “защиту мужика” из клубка наших общих проблем и тянуть только эту ниточку. А одна эта ниточка, по глубокому моему убеждению, ведет в болото» [10, л. 8 об.].

Идеальным вариантом совмещения «человека» и «мужика» как социально-исторической конкретизации общечеловеческих начал Буртин считал героя повести «Привычное дело» Ивана Африкановича. Пьеса «Не спи на закате» имеет иную художественную специфику по сравнению с «Привычным делом» как произведением «деревенской прозы». В историко-литературном плане она может быть увязана с традицией, восходящей к средневековым «полулитургическим драмам» и моралите. В контексте литературы XX века ее можно квалифицировать как пьесу-притчу. В ней антропоморфные Бог и архангелы, а также Адам с Евой, фабульно представляют «человеческие сущности» в чистом, абстрагированном от временной и социальной приуроченности виде. В совокупности все они – это ипостаси образа «человека вообще», соотносенные со взятыми опять-таки в «чистом виде», присутствующими и дискутируемыми в пьесе представлениями о свободе, демократии, достоинстве и правах личности, о нравственности – т.е. о тех общечеловеческих ценностях, на приоритете которых настаивал Буртин. Однако «чистота» выгнанной из «общего клубка противоречий» ниточки общечеловечности здесь все-таки оказывается условной, так как не наделенные социально-историческими координатами персонажи являются созданиями автора, эти координаты имеющего, и печать авторского мировоззрения они на себе несут. И если бы пьеса была опубликована, ее проблематика неизбежно соотносилась бы с процессами в духовной жизни общества тех лет и могла бы восприниматься как живой отклик на эти процессы. Так случалось, например, со спектаклями по «драматическим притчам» Б. Брехта в 1950–1960-х годах: «...в происходящем на сцене угадывалась рефлексия на тему советской действительности» [12].

«Не спи на закате» – произведение конца 1960-х, последних «оттепельных» годов, написанное в определенном момент творческого развития В.И. Белова и с учетом возможностей художественного экспериментирования с образностью, наметившихся благодаря введению в читательский оборот ранее недоступный советский публике «нереалистических» произведений западноевропейской литературы (Б. Брехт, Ф. Кафка, Ж. П. Сартр и др.) и образительного искусства (выставки в Москве и Ленинграде (см. хронику культурных событий периода «оттепели» в кн.: [21]), многочисленные публикации рисунков из серии «Сотворение мира» Ж. Эффеля и их использование в

театре и кинематографе [2, с. 56–57]). Эти обстоятельства обусловили попытку Белова самому попробовать написать пьесу на основе «общечеловеческой», отвлеченной от социально-исторических реалий образности. Соответствие предпринятой им попытки веяниям и духовным потребностям времени отметили и Буртин, и Палиевский. Но вместе с тем можно с большой долей уверенности предполагать, что в условиях идеологически обостренной внутрилитературной борьбы 1960-х годов публикация пьесы «Не спи на закате» вызвала бы обвинения автора в «космополитизме» и «модернизме», в подверженности «тлетворному влиянию буржуазной культуры» и отступлении от заветов как классического, так и социалистического реализма. Именно такого рода упреки (правда, в несколько ином терминологическом оформлении) и высказал Белову двенадцать лет спустя М.П. Лобанов [1]. Но почему-то ни Буртин, ни Палиевский – люди, искушенные в перипетиях идейных баталий и хорошо осведомленные о существовании «подводных камней» в современной литературной жизни, – эту вероятность не обозначили, сосредоточившись по преимуществу на конструктивных несовершенствах произведения, которое, по их мнению, нуждалось в доработке.

И Буртин, и Палиевский, и Виноградов сошлись в том, что в тексте пьесы не нашла отчетливого выражения «сквозная мысль», обеспечивающая концептуальную целостность и единство действия произведения («...ясности полной нет» – Буртин; «Проблески <...> большого, сегодняшнего <...> в бремени сильного и знающего правду; к тому же тут и русская идея терпения. <...> Но при чем тут бог? Если он есть, это смешно, если нет – зачем эта усложненная, тощая форма?» – Палиевский; «Не прояснена общая идея вещи, недостаточно выяснены взаимоотношения тех идей-принципов, которые персонифицированы в архангелах» – Виноградов) [10, л. 25]. Тем не менее, при внимательном рассмотрении текста такая мысль, «общая идея вещи» (пусть недостаточно последовательно и не всегда отчетливо выраженная) может быть уловлена. Это «мысль» о лабиринтах духовной свободы, постулируемой христианским мировоззрением и чрезвычайно трудной для обретения в реальной земной жизни. О неспособности людей следовать завету свободы заявляет плененному Христу великий инквизитор в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они <люди> в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!» [13, с. 230]. В пьесе «Не спи на закате» Бог, исходя из убеждения, что свобода в своем абсолютном выражении и конечном развитии не может не привести к благу, предоставляет возможность пользоваться ею по собственному усмотрению и двум архангелам, и Адаму с Евой. Однако «эксперимент» этот приводит к таким последствиям, что Богу приходится признать его неудачу: «Я думал, что теперь все хорошо в мире и создал человека. Человек мог стать Богом! Вероятно, я тоже поторопился... Мир был не

⁶ Статья была опубликовано в № 8 журнала «Аврора» за 1970 год.

готов к этому. Архангелы! Это они оказались не готовы, все пошло не так, как я ожидал... Они все погибли! Человек и весь мой мир – все пошло прахом» [4, с. 60–61].

Но можно согласиться с тем, что мысль о «бремени свободы» действительно была несколько размыта и «затемнена» в рукописи произведения его композиционными просчетами. Оценивая в целом пьесу как примечательное явление и в творчестве Белова, и в современной литературе, авторы писем все-таки сочли ее текст нуждающимся в совершенствовании и высказали целый ряд рекомендаций относительно дальнейшей работы над ней. Рекомендации эти имели различный характер и касались разных сторон художественной организации произведения.

Ю.Г. Буртин, отметив достоинства его композиционного каркаса (оптимальный состав действующих лиц, сюжетно оправданный временной охват развития действия – «от дня творения до конца человеческого рода», удачно найденное соотношение между «серьезным элементом и комически-бытовым»), в то же время обратил внимание на склонность автора к художественным излишествам и передержкам (умничанье персонажей без повода, чрезмерная насыщенность текста афоризмами при недостаточной мотивированности речей действующих лиц их характерами и сюжетными ситуациями, слабая разработанность образа Адама, перегруженность фабулы событиями).

Избыточность интеллектуализма в произведении Белова усмотрел и П.В. Палиевский, в принципе отнесшийся одобрительно к пьесе «Не спи на закате» как к проявлению самостоятельности авторского мышления. Его замечание о том, что талант глубже ума, имеет мировоззренческую подоплеку. По Палиевскому, «художественное сознание для русской культуры – очень важная вещь, возможно, более важная, чем для западной, потому что на Западе гораздо раньше, чем в России, развилась философия, социология, политика, а в России XIX века все это шло через художественный образ. Художественный образ в русской культуре есть не просто художественное украшение каких-то идей, а, напротив, выражение самих этих идей, еще не расчлененных в рациональных категориях, не превращенных в какой-то там канон» [17]. Цитированное суждение было высказано Палиевским в его последнем интервью осенью 2019 года. Но выраженная в нем мысль присутствовала в том или ином виде во многих работах ученого, начиная с его ранних статей более чем полувековой давности [14, 16 и др.]. Эта мысль в значительной мере предопределяла и неприятие им структурализма [15]. Она выразилась и в упреке писателю Белову, использующему при переписке умозрительные литературоведческие термины, и в предпочтении таланта «уму», который не столь глубок, как талант, оперирующий образами, а не рациональными категориями. Повидимому, в «очень умной» пьесе «Не спи на закате» Палиевскому не хватило образного выражения авторского «ума».

Есть в письме Палиевского и «дерзкий совет» перевести проблематику и образную структуру пьесы из ко многому обязывающего библейского в более земной, но художественно не менее перспективный и

национально значимый древнерусский план. В качестве событийной основы для такого переноса он предлагает использовать летописно-житийный сюжет об убиении первых русских святых – благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. При этом возникают персонажные параллели, мотивирующие возможность разработки проблематики пьесы на ином материале: Владимир Святой – Бог, Святополк Окаянный – Второй Архангел (сатана), что же касается Бориса и Глеба, то образ каждого из них, вероятно, мог бы интерпретироваться как контаминация отдельных черт Первого Архангела и Адама. Хотя предлагаемая Палиевским версия возможной трансформации беловского замысла сопровождается извинениями и уверениями в несомненной значимости предпринятого писателем творческого опыта, само ее появление свидетельствовало о том, что этот опыт, по мнению Палиевского, не является в полной мере удавшимся. По сути его «совет» предвосхитил рекомендацию, данную позднее Белову М.П. Лобановым: «...если Вам так дорог замысел пьесы <...> то, <может> б<ыть>, можно обойтись без присутствия на сцене Бога и писать о всем прочем?» [1, с. 57.] В обоих случаях речь шла об «обмирщении» проблематики и разного строя пьесы, об уходе из культурного контекста, который давал бы возможность предъявить разработчику сюжета о грехопадении (в силу его многоаспектности, сложности и сакральной ассоциативности) слишком много претензий. Только Лобанов был более строгим в своих оценках и категорически, без каких-либо оговорок и допущений, не признавал права на существование пьесы в том виде, в каком она была дана ему автором для прочтения. Палиевский принадлежал к тому же *русскому патриотическому движению* 1960–1970-х годов, что и он сам. Но, с точки зрения Лобанова, Палиевскому недоставало последовательности и определенности в исповедовании идейных установок этого движения. Когда Белов сослался на положительный отзыв Палиевского о пьесе «Не спи на закате», Лобанов отреагировал на это следующей тирадой: «Вы пишете, что П.В. Палиевский поощряет Вас с пьесой, говорит, что Вы имеете право писать так и т<ак> д<алее>. Ах, Петр Васильевич! Не знаешь, с какой стороны гром грянет. Ведь в разговорах такой “традиционник”, такой верун (от слова “вера”), во всю кроет этих сартров и прочих бесенят, а сам эвон куда! Ну да это уж его интеллектуальная “вещь в себе”, которую не легко, видно, постигнуть. Палиевский человек искусный, сам в искусстве и других заманивает. Он, кажется, уверен, что и на том свете без него не обойдутся, пригласят в эксперты по земным делам к Архангелу (не дай Бог ко II^м). П<етр> В<асильевич>, видно, выше всяких тайн. А Вам, как художнику, без них не обойтись: без чувства таинственности, бесконечности трудно создать что-то глубокое, вечное» [1, с. 57–58]⁷.

В конечном счете, после сомнений и колебаний, растянувшихся на долгие годы, Белов с мыслью о доработке, переделке, публикации или о преобразовании пьесы «Не спи на закате» в философскую статью окончательно расстался. С течением времени суровый

⁷ В цитате сохранены орфографические особенности оригинала.

приговор М.П. Лобанова стал для него более авторитетным, чем благоприятные отзывы Ю.Г. Буртина и П.В. Палиевского. В корпус сочинений, одобренных его авторской волей, пьеса не вошла. Но примечательными фактами литературной жизни второй половины XX столетия и сама она, и спектр суждений о ней, высказанных людьми, которые познакомились с рукописью ее, безусловно, являются. А публикуемые письма позволяют предполагать, что в государственных и личных архивах могут храниться и другие, пока еще не выявленные и представляющие несомненный интерес отзывы о пьесе Белова «Не спи на закате».

Литература

1. Баранов, С. Ю. Пьеса В. И. Белова «Не спи на закате» в оценке М.П. Лобанова / С. Ю. Баранов, Л. Л. Ефремова, Э. Л. Трикоз // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 4 (19). – С. 49–59.
2. Баранов, С. Ю. Сюжет «грехопадение» в интерпретации В. И. Белова (Новонайденная пьеса писателя «Не спи на закате») / Баранов С. Ю., Трикоз Э. Л. // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2020. – № 1(16). – С. 54–65.
3. Белов, В. И. В родных палестинах. Избранная проза / В. И. Белов. – Москва : РИЦ Классика, 2017. – 432 с.
4. Белов, В. Не спи на закате [Рукопись] / В. Белов // Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Музей-квартира В. И. Белова. КП-4964 А-3134.
5. Белов, В. И. Одинокий художник / В. И. Белов // Собрание сочинений : в 7 томах / В. И. Белов. – Москва : РИЦ Классика, 2011. – Т. 5. – С. 287–298.
6. Белов, В. И. Тяжесть креста: Воспоминания о Василии Шукшине / В. И. Белов // Собрание сочинений : в 7 томах / В. И. Белов. – Москва : РИЦ Классика, 2011. – Т. 5. – С. 299–378.
7. [Белов, В. И.] У искусства должна быть душа. Рядом с интересным собеседником (Беседу с В. И. Беловым записал С. Чуянов) // Горьковский рабочий. – 1983. – 4 ноября.
8. Биуль-Зедгинидзе, Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского / Н. Биуль-Зедгинидзе. – Москва : Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996. – 439 с.

9. Буртин, Ю. Г. Исповедь шестидесятника / Ю. Г. Буртин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 648 с.

10. [Буртин Ю. Г.] Письма Ю. Г. Буртина В. И. Белову (12.06.1968 – 17.04.1977) ГАВО. Фонд № Р-5134. Оп. 1. Д. 87.

11. Дементьев, А. О традициях и народности (Литературные заметки) / А. Дементьев // Новый мир. – 1969. – № 4. – С. 215–235.

12. «Добрый человек из Сезуана». Вспоминаем спектакль, с которого начался Театр на Таганке. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/72696073/> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст : электронный.

13. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 томах / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1976. – Т. 14. – 512 с.

14. Палиевский, П. В. Внутренняя структура образа / П. В. Палиевский // Теория литературы. Основные проблемы в исторической освещении. – Москва : Наука, 1962. – Кн. 1. – С. 259–279.

15. Палиевский, П. В. О структурализме в литературоведении / П. В. Палиевский // Знамя. – 1963. – № 12. – С. 189–198.

16. Палиевский, П. В. Образ или словесная ткань / П. В. Палиевский // Вопросы литературы. – 1959. – № 11. – С. 84–99.

17. [Палиевский П. В.] Художественный образ – русская национальная идея: Петр Палиевский о художественном сознании, важности «Буратино», деревенщиках и встречах с Грэмом Грином (беседу вел С. Сергеев). – URL: <https://gorky.media/context/hudozhestvennyj-obraz-russkaya-natsionalnaya-ideya/> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст : электронный.

18. Петелин, В. Мой XX век: счастье быть самим собой. Жизнеописание в противоборстве официальной идеологии. Документы. Письма. Статьи. Размышления / В. Петелин. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2009. – 640 с.

19. Против чего выступает «Новый мир». Письмо в редакцию // Огонек. – 1969. – 26 июня (№ 30). – С. 26–29.

20. Семанов, С. Н. Брежнев. Правитель «золотого века» / С. Н. Семанов. – Москва : Вече, 2002. – 398 с.

21. Чупринин, С. Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года / С. Чупринин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 1192 с.

S.Yu. Baranov

«THIS PIECE DESERVES WORK»

(Letters from Yu.G. Burtin and P.V. Palievsky about the play «Don't Sleep at Sunset» by V.I. Belov)

The article precedes the publication of the letters about the recently discovered play «Don't Sleep at Sunset» by V.I. Belov. They are written by Yu.G. Burtin and P.V. Palievsky, two active participants in the literary and social life of the 1960s – 1970s. S. Yu. Baranov characterizes the historical and literary context of the appearance of the play and the reaction to it of the representatives of various ideologies.

V.I. Belov, Yu.G. Burtin, «village prose», concept, intellectualism, criticism, P.V. Palievsky, play-parable, creative individuality, integrity of the work.

ПИСЬМО Ю.Г. БУРТИНА

Здравствуй, Вася!

Сейчас перечел твою пьесу. (Первый раз прочел тем же утром, когда ты улетел, но сразу не написал, т<ак> к<ак> не было ясности в голове, а потом отвлекли всякие дела и хлопоты.) Правда, ясности полной нет и сейчас, но все-таки попытаюсь определить свое впечатление.

Штука получается, по-моему, интересная, читается неотрывно. Вещь и существенная и свежая, есть на ней печать именно твоего, несмотря на философскую абстрактность материала. Контуры основных фигур (их ровно столько, сколько должно быть) найдены, равно как и основные контуры действия – от дня творения до конца человеческого рода. Многие сцены хороши и уже вполне или почти вполне готовы. В общем найдено и соотношение между серьезным элементом (конфликт – Архангелов и т<ому> п<подобное>) и комически-бытовым (Ева и «женский вопрос»).

Но при всем том – ощущение еще первого черновика. И тебе, Боже, стоит еще потрудиться. Во-первых, твои герои порой беспричинно много говорят, сыплют афоризмами. Я еще не успел переварить один, как сыплются новые и новые. Надо их проредить, как морковь на грядке, чтобы каждому было достаточно пространства. И потом: они должны быть более строго мотивированы 1) характерами и 2) ситуациями. Этого сейчас не хватает, порой идет умничанье без повода, причем иногда один персонаж говорит то, что вполне мог бы сказать и другой. В этом смысле ты становишься похож на Горького, а тебе бы здесь, если на кого и походить, то лучше уже, скажем, на Ибсена немножко, у которого так осмыслены и наполнены паузы (взять хотя бы «Кукольный дом»).

Пункт второй – Адам. Он – почти белое пятно (в отличие от хорошо написанной Евы). Добро и Зло спорят над его головой, а он только ревнует Еву и только ради нее обнажает «меч Сатаны». Он почти не движется, и его образование почти исчерпывается тем первым уроком различения добра и зла, с которого начинается пьеса. М<ожет> б<ыть>, как-то пунктиром дать его созревание? (Правда, тут надо остерегаться опасности превращения пьесы в историческую иллюстрацию, надо выдержать единство действия).

В связи с этим – фабула. Сцен как будто тоже многовато. Их, по-моему, должно быть немного, но чтобы каждая была крупным и необходимым этапом неожиданного (и логичного) развития общей идеи.

Работы тут еще много, но, повторяю, штукавина эта заслуживает работы, заслуживает с твоей стороны самого серьезного к ней отношения.

Послать ли тебе рукопись? Или все же дать здесь еще кому-то?

Как твои дела? Чем занят? Как, кстати, с предисловием?

У нас – без перемен. Твардовский в Грузии, и наш мир, такой новый, качается на волосинке, поблескивая в лучах июньского солнца.

Обнимаю тебя. Привет от нас обоих – Оле.

15/VI.69.

ПРИМЕЧАНИЯ

...обнажает «меч Сатаны». – Слово «меч» здесь употреблено в переносном смысле (физическая борьба, насилие как орудие дьявола). В соответствующей ремарке пьесы ситуация описана так: «Адам вскакивает и безоружный бросается на Архангела II, падает, пораженный, Архангел I защищая Адама, бросается на Архангела II, они бьются на смерть и поражают друг друга. На сцене грохот и мрак, мир гибнет» (с. 59, текст воспроизводится с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала).

...его образование почти исчерпывается тем первым уроком различения добра и зла, с которого начинается пьеса. – Имеется в виду сцена, где Архангел I пытается растолковать Адаму суть понятий «хорошо» и «плохо» (с. 5).

Послать ли тебе рукопись? Или все же дать здесь еще кому-то? – Из дальнейшей переписки известно, что Ю.Г. Буртин давал для прочтения рукопись заведующему отделом критики журнала «Новый мир» И.И. Виноградову.

Как, кстати, с предисловием? – Возможно, речь идет о предисловии к очередному сборнику произведений Белова. (Вышел в 1971 году под названием «Сельские повести» без предисловия с послесловием С. Залыгина).

...наш мир, такой новый, качается на волосинке – каламбур по поводу неустойчивого положения журнала «Новый мир», подвергавшегося постоянным нападкам и угрозе закрытия или смены руководства.

Привет от нас обоих – Оле. – От Буртина и его жены – Ольге Сергеевне, супруге В.И. Белова.

ПИСЬМО П.В. ПАЛИЕВСКОГО

26.IX.

Дорогой Вася!

Не отвечал тебе, так как был действительно на море и в карантине. Вот бы пьесу написал. Боюсь, правда, что горячие перья уже строчат и скоро услышим какой-нибудь «дневник мужества».

Теперь об этой. Жаль, что о ней нельзя сказать кратко, поэтому прости, что буду сбивчив. Она очень умна (кстати, почему ты пишешь «рационализм», «своеобразие избранной формы», ты что, литературовед? кто же по-русски <так> скажет?). Но ее ум, по моему впечатлению, совершенно самостоятельный, а в этом деле (не таланта, который глубже) обойтись им одним возможно ли, не знаю. За каждой из брошенных тобой мыслей есть целая философия или даже религия (напр<имер,> зависимость бога – богов – от судьбы, борьба с хаосом, это античная, особ<енно> греческая идея; предоставление человеку свободы – христианская; то, что человек нужен богу – теософия; тут же богоискательство, богостроительство; возвращение всех вопросов в «живот» и к ребенку это Розанов или, бледнее, немец<кая> «философия жизни» и т<ак> д<алее>). Однако их исторические ответы друг другу, «аргументы» так сказать, были в своем соотношении и невероятно глубоки, интересны; вдобавок большинство их тут и не предполагается. Можно сказать, не учтен даже «опыт» Христа и христианства – спор архангелов оставлен в отголосках Каина и Авеля (жертва пассивна и т<ак> д<алее>). Если ты думаешь, что он исчерпывается воинственностью католицизма («не выдержал» 1-й архангел), то ведь это только политическая сторона. Откуда ты взял, что обсуждение противоречит тайне мироздания (стр<аница> 16)? Что задача бога человеческое «счастье» (стр<аница> 35 и др<угие>)?

Проблески чего-то если не нового (абстрактно), то по крайней мере, большого, сегодняшнего, есть в том, что ты писал в «Оке дельфина» – в бремени сильного и знающего правду; к тому же тут и русская идея терпения. (В твоих отношениях к женщине – Еве – кажется что-то очень личное, но как будто не продуманное для других). Но при чем тут бог? Если он есть, это смешно, если нет – зачем эта усложненная, тощая форма? Может быть, ты захотел погавриллиадить (неизвестно «от кого» мы), но в этом давно нет крамолы, а товарища Бабеля тебе не переплюнуть.

Не сердись, Вася, сам меня вынудил. Еще: смысл заглавия не прорывается нигде сквозь пушкинское «царствуй, лежа на боку». Простишь ли дерзкий совет? Вспоминается из «Поучения» Мономаха сыновьям: «Да не застанет вас солнце в постели». Вот такое звучит, да и древняя Русь наша в этом смысле – «потерянный рай». А еще бы лучше взять убийство Святополком Бориса и Глеба; никто из писателей не трогал, а тут тебе и «бог» (т<о> е<сть> отец их, Владимир Святой, его предупреждения) и все последствия.

Уф! Еще раз извини, и не обращай на критику внимания, т<ак> к<ак> перед тобой теоретик. Пьеса, я убежден, прозвучит и будет расхватана, так как сей-

час время рассуждений, хлебом не корми – буквально. Отдай ее в «Новый мир», именно теперешний.

Приезжай!

П<алиевский>.

Можно дать почитать Семанову, Кожиннову?

ПРИМЕЧАНИЯ

...был действительно на море и в карантине. – Возможно, имеются в виду карантинные мероприятия в связи с мировой эпидемией гонконгского гриппа в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В СССР это заболевание характер пандемии не приобрело ввиду существования «железного занавеса», минимализировавшего связи с зарубежными странами. Карантинные меры применялись лишь по отношению к тем, кто контактировал с иностранцами (в частности, к вернувшимся из-за границы туристам).

...почему ты пишешь «рационализм», «своеобразие избранной формы», ты что, литературовед? кто же по-русски <так> скажет? – письмо Белова к которому здесь апеллирует Палиевский, на данный момент не обнаружено.

«Дневник мужества» – ироническое именование произведений, пафосно изображающих героическое поведение советского человека в неординарных жизненных ситуациях.

...возвращение всех вопросов в «живот» и к ребенку это Розанов – отсылка к центральной в философии В.В. Розанова идее слияния «чувства пола» с «чувством Бога» и вытекающему из нее усмотрению смысла жизни в продолжении рода.

...немецкая «философия жизни» – здесь: одно из ответвлений данного философского течения, представленное истолкованием жизни как естественно-органического начала, противопоставленного механической рассудочности (напр., у Ф. Ницше).

Откуда ты взял, что обсуждение противоречит тайне мироздания (стр<аница> 16)? – См. в тексте рукописи пьесы: «Архангел I. Никому не дано обсуждать действия Бога».

Что задача бога человеческое «счастье» (стр<аница> 35 и др<угие>). – См. у Белова: «Архангел I. Что такое правда? Правда в блаженстве. Если человек счастлив, то в этом и правда <...> Я люблю людей, и я не хочу их гибели. Я хочу счастья для них. Счастья. Сегодня, сейчас, сию минуту, а не после. Счастья настоящего, а не будущего...»

Проблески чего-то <...> большого, сегодняшнего, есть в том, что ты писал в «Оке дельфина» – в бремени сильного и знающего правду – это суждение, по-видимому, относится к следующим словам из рассказа Белова «Око дельфина»: «Пока ты обходишься без внешней помощи, ты еще можешь считать себя мужчиной. Не беда, что мужчина, если он умен и честен, никогда не бывает счастливым» (Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – Москва: РИЦ Классика, 2011. – Т. 5. – С. 333–334).

...погавриллиадить – написать произведение в духе поэмы А.С. Пушкина «Гавриилиада», в которой пародируется евангельский сюжет Благовещение; по воспоминаниям Белова, он познакомился с этой пушкинской поэмой будучи школьником, еще до того, как прочитал «Капитанскую дочку» и «Евгения Онегина» (Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – Москва: РИЦ Классика, 2012. – Т. 7. – С. 389).

...неизвестно «от кого» мы – в пьесе «Не спи на закате» содержится намек на то, что отцом ребенка, которого носит в чреве Ева, является, возможно, не Адам, а Архангел II (сатана).

...товарища Бабеля тебе не переплюнуть. – Имеется в виду рассказ И.Э. Бабеля «Иисусов грех» (1922).

...пушкинское «царствуй, лежа на боку». – Цитата из «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина; в пьесе Белова Бог, создав мир и человека, исповедует принцип свободы воли, устраняется от дел и не вмешивается в борьбу Архангелов за Адама.

«Да не застанет вас солнце в постели». – В «Поучении Владимира Мономаха» эти слова имеют смысл богопочитания и входят в следующий контекст: «Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрени воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: “Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой дивный!”» (Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. – Москва: Художественная литература, 1969. – С. 155.) Возможно, что вариант заглавия «Не спи на заре» появился на обложке рукописи пьесы после прочтения Беловым письма Палиевского.

Можно дать почитать Семанову, Кожинкову? – Сведения о том, что Семанов и Кожинков познакомились с пьесой Белова, пока не выявлено.

Семанов Сергей Николаевич (1934–2011) – историк, публицист, писатель, литературовед, один из наиболее ярких

представителей так называемой «Русской партии», возникшей как «Русский клуб» во второй половине 1960-х гг. на базе «Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры». Автор исследований о творчестве М.А. Шолохова, биографических книг о дипломате А.М. Горчакове, адмирале С.О. Макарове, генерале А.А. Брусилове, А.В. Суворове, И.В. Сталине, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропове и др. военных и политических деятелях.

Кожинков Вадим Валерианович (1930–2001) – литературовед, литературный критик и публицист, сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы им. Горького, инициатор вывода из забвения работ М.М. Бахтина, «первооткрыватель» творчества Н.М. Рубцова, автор книги «Происхождение романа» и книги о Ф.И. Тютчеве. Как Семанов и Палиевский, принадлежал к «Русской партии» и активно проповедовал характерные для нее идеи.

Отдай ее в «Новый мир», именно теперешний. – Еще один хронологический ориентир. «Теперешний “Новый мир”» для Палиевского – журнал без главного редактора А.Т. Твардовского и его ближайшего окружения. Твардовский вынужден был покинуть этот пост 9 февраля 1970 года. Вслед за ним ушли и преданные ему сотрудники.

М.О. Булавина
Ивановский государственный университет

ФОЛЬКЛОР И КИНО: ГОГОЛЬ НА ЭКРАНЕ

В статье рассматривается проблема экранизации литературы. Как материал для написания автором были выбраны тексты Н.В. Гоголя. Цель же данной статьи – выявить особенности изображения фольклорных элементов гоголевского творчества на экране. При написании автор последовательно обращался к разного рода киноинтерпретациям – от фильмов немых до фильмов современных. В качестве итога автор обозначил несколько важных выводов. Во-первых, в большинстве случаев тексты Гоголя становились частью таких жанров, как фильм-сказка, ужасный фильм, комедия, жанр постмодернистского фильма. Вторым выводом является то, что процесс интерпретации стал следствием возникновения новых смыслов. Третьим – факт влияния режиссера и технологии кино (историко-функциональный аспект) в тот или иной период времени.

Интерпретация, гоголевская поэтика, немое кино, фантастика, хоррор, фильм-сказка, готика, постмодерн.

Фольклор и кино – взаимодействие, характерное для двадцатого века. Именно в двадцатом веке – в то время, когда создатель кинофантастики Мельес показал миру свои фильмы, – появились первые отечественные сказки: «Русалка» В.М. Гончарова (1910), «Ночь перед Рождеством» В.И. Старевича (1913), «Руслан и Людмила» П.И. Чардынина и, опять же, Старевича (1914). Фильм-сказка быстро завоевал внимание публики – благодаря своей прецедентности и спецэффектам, что позволило ему развиваться и в советском кино (здесь, например, можно обратиться к именам А.А. Роу и А.Л. Птушко – авторам советской сказки).

В первые годы своего существования кинематографисты ориентировались на классическую литературу, что было свойственно кинематографу в принципе [11, с. 100]. Среди фильмов на основе литературных произведений есть и экранизации Н.В. Гоголя. И если обращаться к проблеме перевода фольклорных элементов гоголевских текстов, то здесь можно сказать, что тексты эти переводились не только авторами сказок, но и создателями ужасов, и даже современными постмодернистскими интерпретаторами с неопределенной жанровостью их фильмов. Поэтому рассмотрение текстов писателя с точки зрения кинематографа представляется уместным: прежде всего для того, чтобы оценить кинематографический потенциал Гоголя и понять, каким образом тот или иной кинематографист переводит гоголевский текст. Искажает его или обогащает посредством киноязыка.

Итак, если ставить перед собой цель проанализировать влияние творчества Гоголя на изображение элементов фольклора в кино, то в первую очередь необходимо будет обратиться к фильму «Ночь перед Рождеством» Старевича (1913). В этой ленте, как и у ее предшественниц-экранизаций Гоголя (фильмы 1909 г. – «Мертвые души» и «Тарас Бульба») [22, с. 60], многие фрагменты остались не включенными в фильм. Причина – короткий метраж большинства кинокартин того времени. Для нашей темы это является

важным, так как свидетельствует о недостаточной прорисовке образов. Взять, например, изображение сказочного Петербурга, в который отправляется герой для того, чтобы, по правилам сказки, получить заветный предмет – золотые черевички [18]. У Гоголя: «Прошли три залы, кузнец все еще не переставал удивляться. Вступивши в четвертую, он невольно подошел к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с Младенцем на руках. «Что за картина! Что за чудная живопись! – рассуждал он, – вот, кажется, говорит! кажется, живая!» [8, с. 200]. В монохромном и немом фильме Старевича воссоздание сказочного пространства затруднительно. Добавляется к этому еще и факт отсутствия Екатерины II – дарительницы черевичек (можно сказать, феи). Вместо нее зритель видит светлейшего князя Г.А. Потемкина, который выглядит несколько похожим на Петра I (в более поздней версии Роу, в отличие от фильма Старевича, у Потемкина появляется характерная повязка). В плане соответствия гоголевскому тексту важен и образ черта-помощника (актер – И.И. Мозжухин [24, с. 58]). В фильме, что также является важным, не упоминается рисунок Вакулы и, стало быть, в нем не обозначен мотив мести, как у Гоголя, отчего персонаж Мозжухина выглядит менее психологичным. То же самое сказать можно и о ведьме Солохе, которая ведет себя чересчур эмоционально, что во многом связано с характером немое кино и присущей ему эксцентрикой. Особенностью немое кино является и наличие интертитров, которые, при всем том, что они несут литературоцентрическую сказовость, лишают зрителя звучащих диалогов, участвующих в деле построения образов.

Несмотря на выделенные недостатки, преимуществом первой из фантастических экранизаций Гоголя является ее зрелищность. Это во многом обусловлено популярностью фильмов Ж. Мельеса, чьи фантастические содержания содержали разного рода спецэффекты – многократную экспозицию, скрытый монтаж [1]. Так, у

Старевича обнаруживаются знакомые по мельесовским работам сцены полетов – с участием Вакулы, Солохи, а его снежные декорации отсылают, например, к фильму «Рождественский ангел» (1904).

Следующий фильм-экранизация, в котором наблюдаются фольклорные элементы произведений Гоголя, – «Майская ночь» Н.Ф. Садковича (1940). «Майская ночь» относится к первым цветным фильмам, что особенно подчеркивается даже в афишах и заметках того времени [16, с. 4; 20, с. 4; 21, с. 4]. Отсюда у этого фильма самый большой потенциал для изображения атмосферы сказки. Цвет здесь, однако, еще не тот, какой впоследствии зритель будет наблюдать у Роу в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Он скорее напоминает импрессионистские фильмы Ж. Ренуара, наподобие «Дочери у воды» (1925), где автор попытался передать импрессионистический пейзаж – водную поверхность. Так и у Садковича: зритель видит реку, переливающуюся под светом солнечных лучей, что позволяет реализовать визуальные возможности произведения [12]. Не секрет, что вода как переход между фантастическим и реальным имеет важное значение у Гоголя [15]. В фильме это подчеркивается еще и созданием эффекта зазеркалья [14, с. 149] – дом, в котором жила панночка, отражается в темных, вечерних, водах. Образы воды характерны и для другой экранизации «Майской ночи» – фильма, созданного Роу, где встречаются пейзажные планы-панорамы («Майская ночь, или Утопленница» – 1952). В обеих работах присутствует и экспозиция с панночкой в окне, где окно, согласно фольклорной традиции, предстает в качестве границы между двумя мирами [5, с. 534]. Сказочности и в том и в другом случае добавляет сказочность. Но не интертитры, а рассказы персонажей – у Садковича Левко, у Роу Левко и старик, рассказывающий «Майскую ночь...».

Двигаясь в хронологическом порядке, автор ненадолго ушел в сторону от разговора о повести «Ночь перед Рождеством» и ее экранизациях. Упоминание о режиссере Роу позволяет вернуться к этому разговору. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1961) – это еще одна его работа по Гоголю. Отличия ее от первой версии очевидны: светомузыка, мультипликационные вставки, большее внимание к тексту оригинала. Под мультипликационными вставками подразумеваются интертитры, отражающие характер каждого из персонажей (казак Чуб – неповоротливый, Оксана – «капризна, как красавица», Вакула – испытывающий любовную тоску, Солоха – добрая и обаятельная), а также фрагмент, в котором показан рисунок Вакулы – показан как анимация, чего (как, впрочем, и самого рисунка) не наблюдалось у Старевича. По поводу внимания к тексту сказать можно и то, что эпизод путешествия Вакулы в Петербург снят здесь иначе – со всей сопутствующей ему сказочностью. Прежде всего зритель не может не заметить, что место прибытия Вакулы находится возле перекрестка, чего, однако, нет в книге. Таким образом Роу подчеркнул границу между пространствами. Границу, за которой – дворец, императрица Екатерина II и хрустальные черевички, шитые золотом.

Кроме упомянутых («Ночь перед Рождеством», «Майская ночь...»), экранизировались и другие по-

вести из гоголевского сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». В частности, произведения «Вечер накануне Ивана Купала» и «Пропавшая грамота». Снятые по ним фильмы относятся к периоду 1960–1970-х гг. Периоду, в мировом кинематографе связанному с понятиями «новая волна», «теория авторского кино», «несобственно-прямая субъективность» и т.д. Не секрет, что революция 1950–1960-х гг. стала следствием киноэкспериментов [2]. Результаты экспериментов использовались авторами последующих десятилетий, в том числе отечественными авторами. Поэтому если говорить о режиссерах Гоголя, создававших новый киноязык на основе текстов писателя, то нельзя будет пройти мимо Ю.Г. Ильенко и Б.В. Ивченко, творивших в указанное время. Первый из них экранизировал «Вечер накануне Ивана Купала» (1968), второй – «Пропавшую грамоту» (1972).

«Вечер накануне Ивана Купала» – это произведение экспериментальное. В первую очередь потому, что в нем изображена точка зрения персонажа-безумца. Похожее явление зритель наблюдает в фильме «Хиросима, моя любовь» А. Рене (1959), «Красная пустыня» М. Антониони (1964), «Отвращение» Р. Полански (1965). Во всех трех фильмах встречается героиня с психологической травмой: Она (Э. Рива), Джулиана (М. Витти), Кэрл (К. Денев). Так называемая «субъективность» [19, с. 45–66] этих фильмов имеет место и у Ильенко – в эпизодах, где показано то, как Петрусь постепенно сходит с ума. Причем безумие героя (по фильму) наступает скорее не после жертвоприношения, а в начале фильма. Определить это можно по эксцентрическому движению, свидетельствующему о психоделичности ленты. Для создания имажинации используются и другие средства: звук (звон денег, искажение голосов), цвет (синие ночные цвета, темные тона – ощущение бездны, огненно-красное лицо дьявола, хлеб с кровью), съемка (смещенные ракурсы, неестественные позы актеров). В фильме, как и в повести Гоголя, акцент не только на Петро, но и на Пидорке, чье психологическое состояние с течением времени ухудшается. Так, например, зритель помнит эпизоды, где Пидорка устанавливает птичье гнездо (символ домашнего очага [9, с. 502]), убегает от монголов, попадает в руки к дьяволу, далее – в черную церковь и в конце, как будто бы в ином, воображаемом, пространстве, встречает мужа. И хотя череда событий фильма более хаотичная и разнообразная, чем в книге, в обоих случаях финал один и тот же – Пидорка сходит с ума и, скорее всего, находится под властью дьявола: «...Приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахиню, всю высохшую, как скелет, и беспрестанно молящуюся... пришла она пешком и принесла оклад к иконе Божьей Матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмурились на него глядя» [6, с. 125].

В «Пропавшей грамоте», кроме субъективной точки зрения (путешественники пребывают в шинке), имеет место и другого рода экспериментальная черта – двойники. В кинолентах, изображающих субъективную реальность, двойники встречаются нередко: раздвоенный Хирон из «Медеи» П.П. Пазолини (1969), мать и жена из фильма «Зеркало» А.А. Тарковского (1974) и др. Так и в «Пропавшей грамоте»,

где нескольких персонажей играет один и тот же актер/актриса. Речь, например, о В.И. Глухом, исполняющем роли доброго черта и слуги Екатерины II, или об актрисе Л.А. Вакуле, которая появляется как жена главного героя, ведьма, императрица. Наличие двойников усиливает воздействие имажинации на зрителя. Способствует этому воздействию и смех. Смех возникает по разным причинам: контрасты (пение колыбельной на дьявольской оргии), эксцентрика (например, эпизод перемещения через колодец [3; 5, с. 536]), сомнительные действия героев (персонаж разговаривает, находясь закопанным в землю/погруженным в воду). Таким образом, сказать можно то, что фольклорные элементы повести, как и в предыдущем случае, являются элементами субъективности фильма.

Творчество Н.В. Гоголя, в том числе фольклорная его часть (мотивы, образы и др., имеющие фольклорные источники), наполнено разного рода страхами – страх перед Богом и Дьяволом, красотой женщины [17, с. 28, 166], страх неизвестного. Отсюда не вызывает удивления тот факт, что Гоголь часто экранизировался в хоррор-фильмах. Именно гоголевское творчество, связанное с традициями фольклора и готики и дающее интерпретатору кинематографическую ужасную образность – ведьмы, колдуны, черти, выступило основой для многочисленных экранизаций повести «Вий». Это работы К.В. Ершова и Г.Б. Кропачева («Вий» – 1967), О.Ф. Фесенко («Ведьма» – 2006), О.А. Степченко («Вий 3D» – 2014), Е.П. Баранова («Гоголь. Начало», «Гоголь. Вий», «Гоголь. Страшная месть» – 2017–2018).

Первая из упомянутых экранизаций – «Вий» 1967 г. – считается классикой интерпретации гоголевской повести. Обращение к сюжету Гоголя не кажется удивительным, поскольку на период 1940–1960-х гг. приходится и развитие жанра сказки, и популяризация хоррора. Увидеть это можно как в отечественном кинематографе («Кашей Бессмертный» (1945), «Марья-искусница» (1959), «Королевство кривых зеркал» (1963) Роу; «Каменный цветок» (1946), «Садко» (1952), «Сказка о потерянном времени» (1964) Птушко), так и в кинематографе западном (сказочные хоррор-ленты с участием В. Прайса – «Дом восковых фигур» (1953), «Ворон» (1963), многосерийные фильмы ужасов про графа Дракулу, Франкенштейна, мумий, последние из которых исполнялись известными актерами – К. Ли, П. Кушингом).

В фильме Ершова и Кропачева хоррор узнается в локусах, образах, деталях. Указать, например, стоит на церковь: для съемок были найдены гнилые бревна и доски, делающие церковь старой и покосившейся [4]. У Гоголя: «Церковь деревянная, почерневшая, убранный зеленым мохом... Заметно было, что в ней давно уже не отправлялось никакого служения» [7, с. 433–434]. Образ этот вызывает ассоциации со старинными замками готических романов. Интересными являются и описания панночки – мертвеца, похожего на прекрасного вампира (например, на Джеральдину С.Т. Кольриджа: «...В лесу, где мгла, ты на стон пошла и встретила даму неземной красоты» [13]): «Он подошел ко гробу, с робостью посмотрел в лицо умершей и не мог не зажмурить, несколько вздрог-

нувши, своих глаз. Такая страшная, сверкающая красота!» [7, с. 439]. В фильме ужасная атмосфера создается не только с помощью локуса церкви, образа панночки, встречаемых у Гоголя, но и через кинематографические средства. Прежде всего через фосфорный свет, отсылающий к фильму Ф.В. Мурнау «Носферату, симфония ужаса» (1922). Тема Дракулы узнается и в крылатых существах, напоминающих летучих мышей. Несмотря на то, что в фильме «пролилась лишь одна капля крови», образ крови узнается и в других деталях – красное бархатное покрывало, на котором стоит гроб (в книге – синее (Там же, с. 432)), красная краска, в которую красят стены после гибели Хомы. Если говорить простыми словами, то у Ершова и Кропачева фольклорные элементы переводились, исходя из традиций кинохоррора. И прежде всего из традиций кинохоррора готического (Ф.В. Мурнау, М. Бава и др.).

Экранизации «Вия» 2000-х гг. – то есть современные экранизации – объединяет принадлежность к постмодерну. Фесенко, Степченко и Баранов одинаково обращаются к гоголевским сюжетам для того, чтобы на их основе создать новое произведение. Фесенко перемещает повествование из Малороссии в Америку, отчего опускаются многие сюжетные элементы [10]. Степченко в качестве локации выбирает Европу, а главным персонажем – картографа. Баранов соединяет жанры и сюжеты разных фильмов. Более того, у Баранова наблюдается не только «Вий» Гоголя, но и другие его произведения – «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь...», «Страшная месть», «Ночь перед Рождеством» и др. Все это создает в фильмах постмодернистскую игру цитат.

Рассмотреть такую игру уместнее всего будет на примере фильмов Баранова («гоголевская трилогия»). Версия Баранова, несмотря на сцены ужаса и эротики, лишена психологичности и, как ни странно, эротизма [23, с. 114, 120]. Важной здесь выступает интертекстуальность, а не идейная составляющая произведений писателя. Так, у Баранова зритель наблюдает цитаты из Гоголя – утопленница Оксана (сразу две цитаты), кузнец Вакула с ребенком, красная свитка, жертвоприношение, поедание галушек; из готического кино – детективная линия, фрагменты вскрытия, колдун (Дракула); из фэнтези – черный всадник, дыхание жизни морд-сит; из приключенческих фильмов – Александр Христофорович в треуголке, сундук и др. Мотивов и образов много – слишком много. Баранов не ставил перед собой цель передать гоголевскую идею борьбы добра и зла, характерные для Гоголя взаимопереходы между реальным пространством и пространством нечистой силы. Если указанное и распознается, то лишь в рамках игры. Впрочем, игра эта, благодаря спецэффектам, позволяет обратить внимание на гоголевскую визуальность. Спецэффекты имели место и в предыдущих версиях «Вия» (у Ершова и Кропачева – комбинированные съемки) и таким же образом создавали пространство хоррора, сказки, приключения. Но пространство постмодернистское.

Фантастика – явление, характерное как для ранних этапов развития кинематографа (Мельес, Гончаров, Мурнау), так и для более поздних (Роу, Птушко,

Бава и др.). Фантастика часто связывалась авторами с фольклором и литературой. Тенденция эта касалась и западных писателей, и отечественных. Например, Гоголя, чьи произведения содержат фольклорные мотивы и мотивы ужаса. В разное время киноавторы обращались к разным гоголевским произведениям. Однако наиболее популярными у них оказались первые сборники – «Вечера...» и «Миргород», что неслучайно, поскольку именно произведения из этих циклов содержат наибольшее количество фольклорных элементов. А фольклор, как известно, кинематографичен. Единственное – в процессе интерпретации, как в случае с постмодерном, из литературного произведения иногда исключаются некоторые фрагменты. В качестве компенсации выступают спецэффекты, дающие визуальность и динамику и, следовательно, усиливающие воздействие текста. Подобное в той или иной степени могло присутствовать и в более ранних версиях, где использовались комбинированные съемки (в том числе методы Мельеса). Но в этих версиях зритель наблюдал иное отношение к тексту. Текст не становился частью игры. Факт, однако, в том, что на протяжении всего периода экранизации Гоголя авторы стремились использовать технологический потенциал кино (даже качество пленки могло выступать средством: как в «Майской ночи...» Садковича) для того, чтобы передать особенности гоголевских произведений. Сделать же это в полной мере удалось только в эпоху компьютерных технологий. Правда, эпоха обозначила совсем другое отношение к Гоголю. Суть этого отношения не изображение литературного текста, а игра, демонстрирующая текст(ы) посредством технологий.

Литература

1. Андреев, А. Белая магия Жоржа Мельеса / А. Андреев // Киножурнал «Сеанс» : официальный сайт. – URL: <https://seance.ru/articles/melies-150/> (дата обращения: 27.06.2021). – Текст : электронный.
2. Бунтман, Е. Главные фильмы французской «новой волны» / Бунтман, Е., Крюкова, О. // Arzamas : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/1396> (дата обращения: 27.06.2021). – Текст : электронный.
3. Веленцова, М. М., Виноградова, Л. Н. Колодец // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / Н. И. Толстой. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 2. – С. 536–541.
4. Велигжанина, А. Первый советский ужастик «Вий»: вместо Куравлева мог сыграть Вяч. Невинный, а вместо Варлей – Жанна Болотова // Национальный корпус русского языка. – URL: <https://processing.ruscorgora.ru> (дата обращения: 29.06.2021). – Текст : электронный.
5. Виноградова, Л. Н., Левкиевская, Е. Е. Окно // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / Н. И. Толстой. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 3. – С. 534–539.
6. Гоголь, Н. В. Вечер накануне Ивана Купала // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 томах / И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. – Москва : Издательство Московской Патриархии, 2009. – Т. 1. – С. 113–126.
7. Гоголь, Н. В. Вий / Гоголь Н. В. // Полное собрание сочинений и писем : в 17 томах / И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. – Москва : Издательство Московской Патриархии, 2009. – Т. 2. – С. 414–450.
8. Гоголь, Н. В. Ночь перед Рождеством / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений и писем : в 17 томах / Гоголь Н. В. ; И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. – Москва : Издательство Московской Патриархии, 2009. – Т. 1. – С. 167–208.
9. Гура, А. В. Гнездо / А. В. Гура // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / Н. И. Толстой. – Москва : Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 502–503.
10. Захарова, А. А. Литература и кинематограф (к проблеме экранизации повести Н.В. Гоголя «Вий») / А. А. Захарова // Филологические этюды : сборник статей : в 3 частях. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2012. – Вып. 23 (I–III). – С. 71–73.
11. Зоркая, Н. М. На рубеже столетий. У истоков маскового искусства в России 1900–1910-х гг. / Н. М. Зоркая. – Москва : Наука, 1976. – 142 с.
12. Кобленкова, Д. В. Сорочинская ярмарка как бренд. Кинематографические версии Н. Экка (1939) и С. Горова (1940) / Д. В. Кобленкова // Н. В. Гоголь и традиционная славянская культура. Материалы XII Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя : мемориальный музей и научная библиотека (2012). – URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1277/> (дата обращения: 27.06.2021). – Текст : электронный.
13. Кольридж, С. Т. Кристаль / С. Т. Кольридж // Lib.ru: онлайн-библиотека. – URL: <http://lib.ru/POEZIQ/KOLRIDZH/2.txt> (дата обращения: 27.06.2021). – Текст : электронный.
14. Кондакова, Ю. В. Техника «завуалированной фантастики» в произведениях Гоголя / Ю. В. Кондакова // Н. В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя / О. В. Зырянов. – Екатеринбург : Урал, 2009. – С. 137–155.
15. Кривуля, Н. Г. Особенности интерпретации гоголевского текста в фильме «Нос» А. Алексеева / Н. Г. Кривуля // Н. В. Гоголь и современная культура. Материалы VI Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя : мемориальный музей и научная библиотека (2006). – URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1540/> (дата обращения: 27.06.2021). – Текст : электронный.
16. «Майская ночь» с 14 апреля в кинотеатре // Советская Сибирь. – 1941. – № 81. – С. 4.
17. Манн, Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845 / Ю. В. Манн. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 813 с.
18. Николенко, О. Н. Традиции украинского фольклора и народная мифология в повести «Ночь перед Рождеством» / Николенко О. Н., Николенко Е. С. // Н. В. Гоголь и традиционная славянская культура. Материалы XII Гоголевских чтений: Дом Н.В. Гоголя : мемориальный музей и научная библиотека (2012). – URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1165/> (дата обращения: 27.06.2021). – Текст : электронный.
19. Пазолини, П. П. Поэтическое кино / П. П. Пазолини // Стреление фильма : сборник статей / К. Разлогов. – Москва : Радуга, 1984. – С. 45–66.
20. Премьера цветная «Майская ночь» // Вечерняя Москва. – 1941. – № 58. – С. 4.
21. Премьера цветного фильма «Майская ночь» // Вечерняя Москва. – 1941. – № 60. – С. 4.
22. Сабинский, Н. Г. Из записок старого киномастера / Н. Г. Сабинский // Искусство кино. – 1936 (01.05.1936). – № 5. – С. 60–63.
23. Саенко, Н. Р. PlayGogol: постмодернистская интерпретация раннего Гоголя в сериале Е. Баранова / Н. Р. Саенко, Л. В. Щеглова // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 111–124.
24. Сиротин, О. В. Двойная звезда. Александр и Иван Мозжухины / О. В. Сиротин. – 2-е изд., испр. и доп. – Пенза : [б. и.], 2014. – 152 с.

M.O. Bulavina

FOLKLORE AND CINEMA: GOGOL ON THE SCREEN

The article deals with the problem of film adaptation of literature. The author chooses the works by N.V. Gogol. The purpose of this article is to reveal the specific image of folklore elements of Gogol's books on the screen. M. Bulavina consistently turns to various film adaptations starting with silent films to modern films. As a result, the author outlines several important conclusions. First, in most cases Gogol's texts formed the basis for such genres as a fairy tale film, horror film, comedy, and postmodern film. Second, the process of adaptation led to new meanings. Third, the influence of a director and film technology (historical and functional aspect) in a particular period is traced.

Adaptation, Gogol's poetics, silent cinema, fantasy film, horror film, fairy tale film, Gothic novel, postmodernism.

В.В. Есипов

Вологда

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ. Часть 2

Разговор редактора журнала о В.Т. Шаламове и вологодских поэтах и писателях (А. Яшине, Н. Рубцове, О. Фокиной, В. Астафьеве, С. Орлове, В. Белове) с В.В. Есиповым, автором многочисленных статей, книг, в том числе «Варлам Шаламов и его современники» (2007), «Шаламов» в серии «Жизнь замечательных людей» (2012, 2019), «О Шаламове и не только: статьи и исследования» (2020), составителем шаламовского двухтомника «Стихотворения и поэмы» (2020).

В. Шаламов, Вологда, А. Яшин, Н. Рубцов, О. Фокина, В. Астафьев, С. Орлов, В. Белов, парадоксы культурно-исторической асинхронности.

Л. Е. Вы дали понять, что эта часть интервью будет достаточно острой. С чем это связано?

В. Е. С неординарностью, непривычностью многих суждений Шаламова о вологодских писателях, его резким расхождением с общепринятыми у нас (местными) оценками и представлениями. Для него не существовало никаких «местных», провинциальных, критериев – он судил о современной литературе по высшим меркам великой русской литературы, а также и мировой. Главным критерием для Шаламова являлась новизна – своеобразие взгляда того или иного писателя на мир, на психологию человека, и в не меньшей степени – художественная новизна, т.е. своеобразие формы. Максималистский и антитрадиционалистский подход.

Шаламов, напомню, – художественное дитя 1920-х годов с их апологией «новых форм» в литературе. С другой стороны, он прошел Колыму, и это заставило его по-иному смотреть на многое, в том числе на задачи искусства. Стоит обратиться к переписке Шаламова с Б. Пастернаком 1953–1956 годов. Это настоящий клад для понимания философии Шаламова – как философии истории, так и философии искусства. Вот его основополагающая мысль (высказанная, между прочим, тогда, когда писатель еще находился на дальнем Севере, в якутском селе Томтор¹): «Мир меняется невероятно медленно и, может быть, в основе своей не меняется вовсе. И если художник в своем творчестве вошел в эту извечность отношений (ведь не платье же Моны Лизы вечно, а ее глаза, лицо) и чувств, он будет волновать всегда людей во все времена и вне их социальных категорий» [6, с. 30].

В его рассказах, посвященных лагерной жизни, очень остро поставлены вечно-бытийные общечеловеческие проблемы, волнующие людей во все времена. Иначе бы Шаламов не переводился на все мировые языки, и его бы давно забыли.

Л. Е. Да, и интересно преобразование мирового вечного в его творчестве. Меня неизменно трогает, как он замечает, скажем:

*Может быть, язык библейский
В совершенстве простоты,
Суете, вполне житейской,
Дал значение и мечты.*

Это стихотворение – «Фортинбрас» (1954–1955) – хорошо показывает, как от классического Шаламов отправляется в свой полет. Прочитируем начало:

*Не сводя солдатских глаз
С дальних спален Эльсинора,
Где ночует Фортинбрас.*

*Королевские террасы
Темный замысел таят.
Здесь, по мнению Фортинбраса,
В каждой склянке налит яд.*

*Здесь фамильные портреты,
Притушив тяжелей взгляд,
Поздней ночью с датским ветром
Об убийстве говорят.*

*В спальне на ночь стелет шубу
Победитель Фортинбрас
И сует усы и губы
В ледяной прозрачный квас.*

*Он достиг заветной цели,
Все пред ним склонились ниц
И на смертных спят постелях
Восемь действующих лиц.*

...

Шаламову интересно именно продолжение – открытие миру правды человеческой природы, которую познал, прочувствовал и о которой скажет – что скажет, как скажет – только он.

¹ Письмо от 25 мая 1953 года.

Он дерзает работать на уровне Шекспира. Следующий сонет – экспромт: отклик на шутку Ю. Шрейдера весной 1975 года [7, т. 2, с. 541].

155-й сонет Шекспира

*Когда на грани глухоты опасной
Мы тщимся бедной мыслью обуздать
Незавершенность музыки прекрасной
И образ Совершенства ей придать –*

*Так и ваятель, высекая искры,
Стремится в камне душу разбудить,
Так любящий безумствует, неистов
В своем желанье страсть опередить.*

*Так воин рвется смерть принять в сраженьи...
Когда ж нас озарит разгадки свет?
Ведь счастье не в конце, а в продолженьи
Мгновенья... Но кончается сонет.*

*Как отраженьи вечности нетленной
Песнь вырывается у времени из плена.*

Шаламов вбирает всемирное:

Андерсен

*Он обойдет моря и сушу –
Весь мир, что мелок и глубок,
Людскую раненую душу
Положит в сказочный лубок.*

*И чтоб под гипсовой повязкой
Восстановился кровоток,
Он носит радостную сказку,
Подвешенную на платок.*

*Леченье так умно и тонко:
Всего целебней на земле
Рассказ про гадкого утенка
И миф о голом короле.*

1960

Шаламовские «мировые просторы» – еще одна тема для, думаю, отдельного разговора. Вернемся к Пастернаку?

В. Е. Почему я коснулся переписки Шаламова с Пастернаком? Кроме прочего, там, разбирая роман Пастернака «Доктор Живаго», он высказывает и свои мысли по поводу судьбы русской деревни в XX веке – темы, которая была ему в принципе не близка, но стала главной для вологодских писателей. Без этих мыслей трудно понять, например, весьма сдержанное отношение Шаламова к творчеству А. Яшина.

Шаламов пишет: «...Деревня, которая в революции пыталась увидеть возможность самостоятельного решения своей судьбы. Ее усмиренное разочарование. Деревня осталась все той же, лишь по необходимости верящей городу и мечтающей о собственной изысканной судьбе. Новый поход “в народ” имеет целью сблизить, укрепить связи с деревней. На этот раз это не раскулачивание. На этот раз это поход специалистов-техников...» [6, с. 43].

Самое существенное в шаламовской характеристике деревни – то, что она, пережив трагедию «усмирения» (включая насильственную коллективизацию), продолжает «мечтать о собственной изысканной судьбе». По-моему, это очень глубокая мысль, касающаяся не только реалий 1950-х и последующих годов, но и основных идей, развивавшихся в деревенской прозе всего послесталинского периода. Хотели бы мы того или нет, подобная мечтательность или романтизация (то ли дореволюционной сельской жизни – как в «Матренином дворе» А. Солженицына, то ли доколлективизационной – как у многих иных) составляла едва ли не стержень тогдашней литературы. Шаламов очень скептически относился к этой тенденции – как и в целом к «народническим» или «неонародническим» идеям, которыми была во многом проникнута деятельность журнала «Новый мир» во главе с А. Твардовским. У Шаламова был очень трезвый, даже суровый взгляд на русское крестьянство – он ценил его достоинства, но не закрывал глаза и на пороки его психологии, которые наблюдал и в детстве, но по-настоящему увидел в лагере, где обнажаются негативные черты каждого социального слоя. В отношении к крестьянству он во многом близок И. Бунину, его позиции, высказанной в повести «Деревня» и в публицистике. Я специально занимался этой темой и могу отослать к своей старой статье 1997 года.

Л. Е. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) [3]. Спасибо. Углубимся в эту проблему или поясним отношение к Александру Яшину?

В. Е. Сохранились два отзыва Шаламова о Яшине. Они весьма противоречивы. В одном случае, в письме И.П. Сиротинской 12 июля 1968 года (в день смерти Яшина), Шаламов, говоря о своем земляке в целом уважительно, резко критикует литературное качество его прозы и поэзии. В другом, более позднем случае, после выхода альманаха «День поэзии-1968» с посмертной публикацией Яшина, Шаламов делает запись в записной книжке – во многом меняет свою оценку.

Л. Е. Давайте по порядку?

В. Е. Да, начнем с письма. Вот что писал Шаламов Сиротинской:

«...Умер Яшин. Он числился по ведомству генерала Епанчина-Твардовского в министерстве социального призрения, но вошел в историю литературы послесталинского общества – знаменитым рассказом “Рычаги”, опубликованным “Литературной Москвой” – и представлявшем знамя дудинцевской школы. “Рычагов” Яшину никогда черносотенцы не простили, а для самого Яшина этот рассказ послужил рычагом, который сдвинул его в прогрессисты и дал ему возможность дожить, чувствуя себя порядочным человеком, хотя стихов о Сталине Яшиным написано немало. “Рычаги” же – лубок самой чистой пробы, даже более чем лубок. Таланта прозаика у Яшина было немного.

“Вологодские свадьбы”² тоже подверглись погрому по причинам вовсе не литературным. Стихи же яшинские (вроде “Спешите делать добрые дела”) и

² Так в тексте. Очевидно, Шаламов нетвердо запомнил название рассказа Яшина «Вологодская свадьба».

вовсе убоги. Хотя Яшин человек не бездарный. Его выучили, к сожалению, на некрасовской поэтике, и эту-то поэтику он и не умел да, наверное, и не хотел преодолеть.

Зачем я так долго о Яшине? А вот зачем. Человек он был неплохой и притом мой земляк, вологжанин. Правда, он не из города, а из глубинки вологодской. Эта-то глубинка плюс некрасовская поэтика и свела на нет поэтические данные. Я же, если и вологжанин, то в той части, степени и форме, в какой Вологда связана с Западом, с большим миром, со столичной борьбой. Ибо есть Вологда Севера и есть Вологда высококультурной русской интеллигенции, эти культурные слои переплетаются с освободительной борьбой до русской революции очень тесно. Но ни Лопатин, ни Бердяев, ни Ремизов, ни Савинков не являются представителями Вологды иконнопровинциальной, северных косторезов и кружевниц-мастериц. Это – душа Вологды, ее традиции в течение многих столетий... Как ни наивна эта вологодская гордость – исток ее в душе города.

Вот это и есть то самое главное о Вологде, что я так хотел сказать, радуясь, что ты там побывала...» [6, с. 465].

Л. Е. Здесь надо сразу много комментировать, мне представляется, начиная с «генерала Епанчина-Твардовского в министерстве социального призрения».

В. Е. Эта саркастическая характеристика относится не к Твардовскому-поэту, которого Шаламов ставил высоко, а к Твардовскому – редактору «Нового мира». Его Шаламов уничижительно (и безосновательно) сравнивает с генералом Епанчиным из «Идиота» Достоевского – «человеком с большими деньгами и большими связями». Кроме прочего, здесь сказались личная обида на журнал и редактора: он не напечатал не только ни одного рассказа Шаламова, но и ни одного стихотворения. При этом Шаламов, работая в «Новом мире» внутренним рецензентом и будучи вхож в редакцию журнала, ни разу не удостоился личной встречи с Твардовским. Нельзя не отметить, что в отчуждении Шаламова от «Нового мира» сыграл неблагоприятную роль А. Солженицын. Подробнее об этом рассказано в другой моей старой работе «Нелюбовный треугольник: Шаламов – Твардовский – Солженицын» [2].

Л. Е. Спасибо. А почему Шаламов так охарактеризовал «Рычаги»?

В. Е. О Яшине – объясню, почему «Рычаги» – лубок. В сущности, это публицистический очерк, как и «Вологодская свадьба». А «Спешите делать добрые дела» – не поэзия, а чистая дидактика, тем более неприемлемая для Шаламова как культурного человека: он, конечно, знал крылатые слова «Спешите делать добро», которые были выбиты на памятнике московскому тюремному врачу-альтруисту Ф. Гаазу (которого высоко ценил Достоевский – и сам Шаламов). А Яшин, как видно, этого даже не знал – это показывает его уровень культуры, начитанности (хотя Яшин, давно живший в Москве, был весьма начитанным человеком). С точки зрения Шаламова, это выглядело как банальность, тавтология, недаром он написал об «убогости» этого стихотворения.

Л. Е. Мы в школе учили много наизусть (любимые стихи Ольги Фокиной, Николая Рубцова, Сергея Орлова, Александра Яшина), и «Спешите делать добрые дела» – дорогая для меня память.

В. Е. Да, для детства это полезно. Но ведь мы же растем... Напомню, что в «Дне поэзии-68» было напечатано предсмертное письмо А. Яшина «Вместо ответа на анкету о народности поэзии, о национальных и классических традициях ее», которое начиналось словами: «Дорогие друзья! Завтра мне предстоит операция. Насколько я понимаю – трудная...» [8]. Письмо было написано 24 апреля 1968 года, а 12 июля Яшин скончался. Очевидно, переживание драматизма судьбы поэта-земляка сказалось в оценке Шаламова, хотя критика эстетики Яшина осталась:

«Я с громадным уважением отношусь к Яшину и его поэтической работе, общественной деятельности.

Но ведь его [нрзб] письмо (напечатанное в том же «Дне поэзии») это ведь и есть ответ.

Ведь такая программа не то что убила поэзию, почувствовалось, где поэтом совершен [нрзб]. Не талант требуется, только прогрессивные взгляды и нравственное достоинство – и все...» [5, с. 359].

Как заметила И.П. Сиротинская в комментарии к этой записи, Шаламов был неудовлетворен и даже разочарован этим письмом из-за такой фразы Яшина: «...Любой трудолюбивый человек в литературе даже с небольшими сравнительно способностями может достичь очень многого» (Там же, с. 380). В самом деле, мысль очень спорная, сомнительная, поощряющая всевозможную «трудолюбивую» графоманию и подменяющая талант «прогрессивностью» или «гражданственностью». Конечно, Шаламов не мог этого принять, в чем он безусловно прав.

Л. Е. А о некрасовской поэтике? Что Яшина «выучили, к сожалению, на некрасовской поэтике, и эту-то поэтику он и не умел да, наверное, и не хотел преодолеть»?

В. Е. Не надо думать, что Шаламов так уж не любил Некрасова и его традицию в поэзии (перешедшую и в «деревенскую прозу»). Он даже рекомендовал Некрасова, а также А.К. Толстого всем, кто начинает приобщаться к миру поэзии. Это первая ступень ее познания, за которой должны следовать другие ступени. Но Шаламов был против, как он выражался, «генерализации» некрасовской традиции в современной литературе, т.е. против того, чтобы Некрасова ставили «выше Пушкина» (как было прокричано – это шаламовское слово – прогрессивными студентами на похоронах Некрасова в 1877 г.). Шаламов – вслед за Достоевским, «Дневник писателя» которого он хорошо знал, – считал тезис о том, что «Некрасов выше Пушкина» глубокой ошибкой русской интеллигенции. При этом пафос самого Достоевского – о «преклонении перед правдой народной», о «народобогоносце» – был Шаламову глубоко чужд: «Пророчества на этот счет не оправдались, сняты временем двух революций. В наши дни Достоевский не повторил бы фразу о народе-богоносце» (Там же, с. 159).

Как известно, в 1960-е годы многие поэты и писатели-деревенщики снова стали апеллировать к «правде народной» – в известной степени, под влиянием «нового прочтения» Достоевского, начавшего широко

издаваться. Для Шаламова это было, мягко сказать, анахронизмом, заходом на старый (порочный, по его мнению) круг, когда искусство снова превращалось в социально-моралистическую проповедь, следуя некрасовским, а не пушкинским традициям. Своеобразным откликом на эти тенденции, отчетливее всего проявившиеся в деревенской прозе, можно считать его слова со ссылкой на К. Гамсуна, прочтенного еще в молодости (за «Соки земли» норвежский писатель в 1920 году был удостоен Нобелевской премии):

«Гамсун в “Соках земли” оставил нам гениальную попытку показать психологию простого крестьянина, живущего далеко от культуры, – его интересы, его поступки и мотивы их. Других подобных книг в мировой литературе я не знаю. Во всем остальном писатели с удручающей настойчивостью начинают своих героев психологией, далекой от действительности, гораздо более усложненной. В человеке гораздо больше животного, чем кажется нам. Он много примитивнее, чем нам кажется. И даже в тех случаях, когда он образован, он использует это оружие для защиты своих примитивных чувств...» [4, с. 441].

Это – еще раз – об ориентации Шаламова на лучшие образцы мировой литературы, вообще – о масштабности мышления, об убежденности в том, что основной предмет литературы – человек.

Л. Е. Да, я понимаю. И – помню Вашу радость, когда Вы обнаружили неизвестное стихотворение Шаламова о Николае Рубцове. В газете «Литературная Россия» (20 сентября 2013) ликование, мне кажется, прорывается:

«Работа недавно в фонде В. Шаламова в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), я – к большой собственной радости и, думаю, к радости всех любителей поэзии, особенно вологжан – обнаружил стихотворение, посвященное Н. Рубцову. Оно находится среди черновых рукописей стихов Шаламова, датированных 1976–1977 годами (для точности – РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 94. Л. 17). Возможно, это стихотворение предполагалось к публикации в последнем прижизненном поэтическом сборнике Шаламова “Точка кипения”, который вышел в 1977 году в издательстве “Советский писатель”. По каким-то причинам публикация не состоялась, затем стихотворение затерялось среди многочисленных черновиков, и только сейчас, почти тридцать пять лет спустя после создания, приходит к читателю» [1].

*Я четко усвоил, где «А» и «Б»,
И русской грамматикой скован.
Мне часто бывало не по себе
От робкой улыбки Рубцова.*

*За тот поразительный тотемский рай,
Отпущенный роком поэту,
За тот не вполне поэтический край,
В каком расположена Лета.*

*Поэты, купаясь в горниле столиц,
Испытываются без меры.
И нету предела – глубин и границ,
И нету химерней химеры.*

По прочтении и статьи в газете, и комментария к стихотворению в «Новой библиотеке поэта» [7, т. 2, с. 544], у меня остаются еще вопросы. Как Вы думаете, что значит «Мне часто бывало не по себе»? Разность темперамента и опыта жизни?

В. Е. Полагаю, это выражение восхищения стихами. «Не по себе» – потому что неожиданно, непривычно, ошеломляюще – все в позитивном, а отнюдь не в негативном ключе. «Не по себе» бывает, когда что-то действительно трогает душу, а «часто» – это высшая похвала. Контрастом здесь является «робкая улыбка» Рубцова – это метафора его «тихой» поэзии.

Л. Е. Да, я помню Вашу статью: «Конечно, есть соблазн прочесть эти строки биографически – как впечатление Шаламова от известных фотографий Рубцова или как свидетельство того, что он встречался с Рубцовым где-то в редакциях московских журналов и видел его действительно робкую улыбку нестолличного жителя. Но этот соблазн лучше отвергнуть – во-первых, стихи нельзя понимать буквально, во-вторых, никаких данных о их личных и тем более “частых” встречах нет, а главное – метафора поэзии Рубцова как “робкой улыбки” очень уж хороша» [1].

И все же пусть не встреча – просто пересечение не исключено, не так ли?

В. Е. Возможно, что где-то пересекались, хотя я в это не верю – оно бы где-то отразилось в дневниках.

Л. Е. «Тотемский рай» автобиографичен для Шаламова?

В. Е. «Поразительный тотемский рай» – это, конечно же, та основная часть рубцовской лирики, восхитившая Шаламова, которая так или иначе связана с тотемской «деревней Николой». Здесь можно подумать об автобиографическом моменте. За «тотемским раем» может стоять и его детское воспоминание о поездке в Тотьму на пароходе вместе с отцом (примерно летом 1917 года, когда он закончил второй класс гимназии). В Тотемском уезде он видел всю нетронутую цивилизацией ширь и красоту его полей и лесов, всю первозданную красоту «белых церквей», о которой так скорбел Рубцов.

Л. Е. «Горнило столиц» Вы комментировали – я процитирую: «Очевидно, что Шаламов рассматривает судьбу Рубцова как продолжение судьбы многих талантливых русских поэтов – выходцев если не из крестьян, то из провинции, для кого жизнь в столице стала тяжким, сладким и в итоге роковым испытанием. Самое яркое воплощение такого рода судьбы для Шаламова – конечно, С. Есенин, которого (как и Н. Клюева и П. Васильева) он ценил необычайно высоко. Нелишне напомнить, что Шаламов в декабре 1925 года присутствовал на похоронах Есенина в Москве, прекрасно знал еще по 1920-м годам его стихи, в том числе “Москву кабацкую”, знал и секреты особой популярности Есенина в уголовном мире. Не понаслышке (а благодаря личным встречам с тем же П. Васильевым в 1930-е годы) он имел возможность наблюдать, каким душевным надрывом, заглушаемым, как правило, алкоголем, сопровождается жизнь “поэтов от земли” в столице. Что касается Рубцова, то о его бесшабашном образе жизни в Москве со времен учебы в Литинституте ходили легенды, и они вполне могли быть известны Шаламову, который не откры-

вал тут для себя ничего нового: к несчастью, “горнило столиц” подкосило еще один большой русский талант. Он глубоко понимает причины этой неизбывной трагедии, ее беспредельность (“и нету предела – глубин и границ”), и в то же время, со свойственной ему – в прямом и переносном смысле – трезвостью и жизненной умудренностью заявляет, что поиски “предела” для поэта в этой ситуации призрачны и безнадежны (“и нету химерней химеры”)) [1].

В. Е. Есть фраза из записной книжки Варлама Тихоновича 1971 года: «Умер поэт Рубцов от водки», и я писал о ней в связи с Л. Дербиной:

«Возможно, Шаламов, живя в Москве достаточно изолированно от литературных кругов (по причине своей глухоты он общался с людьми вообще мало), поначалу не знал обстоятельств смерти Рубцова. В его дневнике есть лишь одна лаконичная и кажущаяся грубоватой запись на этот счет, сделанная 27 января 1971 г., неделю спустя после вологодской трагедии: “Умер поэт Николай Рубцов от водки”... Кто ему передал такую версию или он сам ее для себя сформулировал, суммировав сообщенные ему факты? К сожалению, здесь можно только гадать. Но с учетом того, что Шаламов страшно не любил сплетен и тем более – грязных, связанных с женщинами, можно предполагать, что он сам, отсекая все лишнее, интуитивно и опираясь на опыт, вывел общий знаменатель этой истории – именно смерть “от водки” как первопричина трагедии многих русских поэтов. И в этом отношении он был очень близок к истине: как показывают все непредвзятые исследования жизни и смерти Рубцова, поэт в последние свои годы неотвратимо шел к гибели, и случай с Л. Дербиной лишь ускорил его конец, придав ему столь некрасивую, мрачно-скандальную окраску. Я тоже занимаюсь проблемой и могу это со всей ответственностью утверждать.

Между прочим, так же прямодушно, не лукавя, называя вещи своими именами, глядя в суть, в корень зла, выражают свое мнение в подобных трагических случаях и хранительницы нашей нравственности – деревенские старушки (а также и старики, каким был Шаламов). И если в дальнейшем кто-либо мог рассказать Шаламову о роли Л. Дербиной, он не мог изменить своего взгляда и остался при нем. Но в стихи, в искусство, такой бытовой взгляд никогда не переносится. Стихотворение, написанное пять лет спустя, естественно, было освобождено от любых грубых “не поэтических” слов, от всяческого житейского “сора”. Целомудренно храня добрую память о Рубцове, Шаламов сказал лишь о вечных русских “испытаниях без меры”.

Разве не является такой взгляд, преображенный поэзией, единственно правильным и для жизни? И кто может сомневаться, что стихотворение Шаламова является достойнейшим памятником Рубцову?» (Там же).

Л. Е. А обстоятельства написания стихотворение известны?

В. Е. Шаламов написал это стихотворение в позднем возрасте, незадолго до помещения в дом инвалидов и престарелых – поэтому оно не «гладкое», с перетекающими друг в друга строфами – наоборот, строфы существуют как бы отдельно, но каждая с четкой мыслью.

Л. Е. Спасибо. Слышал ли Шаламов об Ольге Фокиной?

В. Е. Есть только одно упоминание имени О. Фокиной в записной книжке Шаламова. Оно относится к далекому 1959 году. По вине известного поэта-песенника В. Бокова возникло недоразумение. Вот что записал Шаламов:

«Боков (“ЛГ”, 12 дек.) говорит, что поэтесса Фокина из Архангельска, проучившись три года в Литературном институте на поэтическом отделении, не узнала, что такое размер и ритм стихотворения.

Литературный институт им. Горького – высшее учебное заведение типа института физкультуры, что на Гороховой. Там ведь тоже “высшее” [5, с. 271].

Эта запись никогда не комментировалась, и хорошо, что у нас появилась возможность все прояснить. Для этого пришлось не только порыться в архиве, чтобы найти статью В. Бокова, но и поговорить с самой Ольгой Александровной, ныне здравствующей.

Статья В. Бокова «Не могу согласиться!» была полемичной, и автор, споря с другим известным поэтом-песенником Л. Ошаниным, преподававшим в Литинституте, кое в чем перегибал палку. А в отношении О. Фокиной он допустил большую бестактность, переиначив ее слова. Как пояснила Ольга Александровна (в беседе со мной 16 мая сего года), накануне этой публикации она была в гостях у В. Бокова вместе с А. Вознесенским, к которому тоже благоволил Боков. Ничего о том, что она не знает стихотворных размеров и ритмов, О. Фокина В. Бокову не говорила – она, конечно, их знала, поскольку училась уже на третьем курсе. И когда прочла через несколько дней в «Литературной газете» то, что написал Боков о ней, была просто ошеломлена и крайне обижена на автора: ведь он «прославил» ее, а заодно и Литинститут, на всю страну! (Должен заметить, что О. Фокина в разговоре со мной заметила, что В. Боков из-за своей склонности к краснобайству позднее чем-то стал напоминать ей... В. Жириновского.)

Шаламов же, как можно понять, принял слова Бокова за чистую монету и добавил к ним свое мнение – крайне скептическое – о Литературном институте. Такого же мнения был об этом институте, между прочим, Б. Пастернак. Конечно, их мнения нельзя абсолютизировать: мы знаем, что поэтом или писателем это высшее учебное заведение еще не делает, но пониманию литературы и общегуманитарному образованию очень даже способствует. Сам Шаламов был глубоким знатоком в области стиховедения.

К сожалению, мы не знаем, следил ли в дальнейшем Шаламов за творчеством О. Фокиной – возможно, он знал лишь несколько ее стихотворений, опубликованных в альманахе «Поэзия Севера» (1966). Но фольклорные, подлинно народные мотивы в поэзии он всегда ценил и прямо заявлял: «Без фольклора не может существовать поэт. Разумеется, дело не в светлой легенде об Арине Родионовне, и няни, и просвири – все это чушь, чепуха. Но роль фольклора в системе образов поэта обязательна» [6, с. 379].

Л. Е. Да. Спасибо. Не было ли каких-либо пересечений с Виктором Петровичем Астафьевым?

В. Е. Личных не было, были только косвенные и поздние. В.П. Астафьев писал И.П. Сиротинской 11 апреля 1987 года:

«Уважаемая Ирина Павловна! Получил Ваше письмо. Спасибо. Очень желаю, чтоб наследие Шаламова, как и наследие Португалова, было хоть как-то обнаружено».

При организации журнала «Наш современник», точнее восстановлении его, почти погибшего по вине пьяниц и разгильдяев, мы, новые члены редколлегии, много читали залежавшихся в редакции рукописей, среди них и была прозаическая рукопись Шаламова «Карфаген должен быть разрушен» – это о лагерях, точнее, об искусстве, литературе, «развлечениях» и фольклоре лагерей, ну, конечно, и о быте. Рукопись очень нужная, сильная, без обозначения жанра, как записки или воспоминания. Этой темы коснулся потом А. Солженицын в «Архипелаге», а мы, сколь ни бились за рукопись Шаламова, так ее пробить и не смогли.

Я не знаю, вернули рукопись автору или нет. Может быть, она хранится в архиве редакции?

Сергей Вас. Викулов читал ее и, возможно, еще помнит что-то, хотя за эти годы через него проходили горы рукописей, но все же позвоните ему или Фролову, в издательство «Современник», он был тогда первым зам. главного редактора журнала.

Желаю Вам всего доброго!

Главное – здоровья.

Кланяюсь – Виктор Петрович Астафьев.

Красноярск, Академгородок, 14-55».

Л. Е. Это было напечатано?

В. Е. Будет в книге об Ирине Павловне Сиротинской, которую я готовлю. Ваш журнал, по-видимому, выйдет раньше.

Л. Е. Спасибо. А можно дать справку о Португалове?

В. Е. Валентин Валентинович Португалов (1913–1969) – поэт, был репрессирован, являлся близким другом Варлама Тихоновича на Колыме. Некоторое время Шаламов общался с ним и по его возвращении его в Москву, однако в середине 1960-х годов их отношения были прерваны. Ср. стихотворение Шаламова «Был поэт-подвижник...» и комментарий к нему во 2 томе издания стихов в серии «Новая Библиотека поэта». Во второй половине 1960-х В.В. Португалов преподавал на высших литературных курсах при Литинституте им. Горького, где учился В.П. Астафьев.

Л. Е. Да, я посмотрела Ваш комментарий к этому стихотворению [7, т. 2, с. 498–499] и упоминание об одном из последних стихотворений Варлама Тихоновича – уже из Дома инвалидов, в записи Александра Морозова:

Португалов был слой офицерской культуры

Без халтуры и макулатуры.

Знал закон офицерской культуры

Был актер-профессионал

В двух шагах от литературы он стоял...

[7, т. 2, с. 499]

А что происходило с «Нашим современником»?

В. Е. Реорганизация журнала «Наш современник» произошла в 1969 году. Прежнего редактора Б.М. Зубавина сменил С.В. Викулов. Зная Викулова как своего земляка-вологжанина, Шаламов, как видно, пытался напечатать в «Нашем современнике» «Очерки преступного мира». Кроме того, из записных книжек известно, что он отправлял в журнал стихи (на имя С.Ю. Куняева). Но ни одной публикации не состоялось. Как можно полагать, это было связано с направлением «Нашего современника» и с тогдашней журнальной борьбой.

Л. Е. Понимаю. А Сергея Орлова Шаламов читал?

В. Е. Это на тему начитанности (культуры) Варлама Тихоновича и его «въедливости». Шаламов вклеил в записную книжку 1959 года вырезку из «Литературной газеты» с таким текстом:

«Припомним его книгу “Третья скорость”, вышедшую тринадцать лет назад. Отдельные стихи из нее стали хрестоматийными:

*Его зарыли в шар земной,
А он был лишь солдат.
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзолеей, земля –
На миллион веков...»*

Под вырезкой – комментарий Шаламова:

«Это – хрестоматийный плагиат:

*“Ей в колыбели гробовой
Навеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно”*

(Вордсворт – Маршак)»

(Записные книжки 1959 г. – РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 2. Д. 111. Л. 9 об. – 10).

Я кое-что пытался уточнить. Это из «Люси» Вордсворта, переведено Маршаком в 1941 году, напечатано в 1944.

Л. Е. Мне это не кажется плагиатом.

Давайте воспроизведем пятое стихотворение из цикла «Люси» в переводе С.Я. Маршака:

*Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.*

*Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.*

Оригинал Вордсворта звучит так:

*A slumber did my spirit seal;
I had no human fears:
She seem'd a thing that could not feel
The touch of earthly years.*

*No motion has she now, no force;
She neither hears nor sees;
Roll'd round in earth's diurnal course,
With rocks, and stones, and trees.*

Я посмотрела сборник «Английские баллады и песни», выпущенный в Москве Гослитиздатом тиражом 25 000 экземпляров. Составитель сборника не указан. Маршак обозначен автором. Редактор – Т. Габбе. Подписано к печати 25 августа 1943 года. В сборнике представлены переводы народных баллад и детских песен, Шекспир, Бернс, Блейк, Киплинг, «Вересковый мед» Стивенсона. Из Вордсворта – «Кукушка», «Агасфер» и «Люси».

В. Е. После ранения – 17 февраля 1944 года в бою за освобождение Новгорода товарищам по оружию чудом удалось вытащить Сергея Орлова, командира танкового взвода, из горящей машины – в госпитале он мог увидеть-услышать «Люси».

В 1946 году вышла книга стихов Сергея Орлова «Третья скорость», где было помещено выдающееся стихотворение «Его зарыли в шар земной», благодаря чему эта книга привлекла внимание к имени поэта.

Я тоже думаю, что Шаламов перегнул с «плагиатом». Это скорее память метра (мужских рифм – сплошные мужские рифмы), которая часто проявляется подсознательно. Шаламов писал об этом в статье «Во власти чужой интонации» и, говоря, например, о странном сходстве отдельных строф Б. Пастернака и П. Орешина, отмечал: «У меня нет объяснений этому феномену!»

По крайней мере у нас нет намерения бросить тень на поэта-фронтовика, горевшего в танке... И тот факт, что Шаламовский дом находится на улице Сергея Орлова, 15, – говорит лишь о парадоксах культурно-исторической асинхронности в нашем местном ландшафте.

Л. Е. Тема культурно-исторической асинхронности вообще актуальна.

В. Е. Да, с этим связано немало проблем, а также недоразумений и предубеждений против Шаламова, бытующих в Вологде до сих пор. Хочу затронуть еще одну весьма острую тему. Она связана с В.И. Беловым и его отношением к Шаламову.

В свое время, в начале 1990-х годов, мне в руки попала книга «Воскрешение лиственницы», изданная в 1985 году в Париже в издательстве «ИМКА-Пресс», где впервые была опубликована «Четвертая Вологда» Шаламова. Тот человек, который мне ее дал почитать (журналист-книголюб), сказал, что эту книгу привез из Парижа В.И. Белов, и она сейчас ходит по рукам среди вологодских писателей (журналист получил ее на время от писателя В.Л. Ширикова, редактировавшего тогда газету «Эхо»). Я уже знал «Четвертую Вологду» по первой отечественной публикации в журнале «Наше наследие» в 1988 году, но любопытно было взглянуть на парижское издание. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что текст «Четвертой Вологды» буквально испещрен негодующими пометками на полях. Они касались главным образом известных критических отзывов Шаламова о крестьянстве: «Революция вошла в село решительной походкой, удовлетворяя прежде всего деревенскую

страсть к стяжательству»; «не пойте мне о народе...»; «где ты черпал эту силу, русский мужичок» (цитата из стихотворения И. Никитина). Такого рода места, включая отрицательные отзывы Шаламова об антисемитизме, были сопровождаемы на полях фразами с тремя восклицательными знаками: «руссофоб!!!», «как ненавидит Россию!!!», «Чаадаев!!!» и прочими. Как мне объяснил временный владелец книги, эти пометы делал сам В.И. Белов.

К сожалению, у меня не было возможности сфотографировать эти страницы (ксероксы тогда только появлялись), книгу надо было быстро вернуть, но пометы врезались в память. Как я понимаю, эти негодующие оценки текста Шаламова отражали тогдашние, времен «перестройки», умонастроения В.И. Белова, и это было неудивительно, т.к. автор «Привычного дела» и «Канунов» всегда защищал русское крестьянство, а со временем стал агрессивным антизападником и сторонником теории «жидомасонского заговора» против России. Полагаю, парижское издание с его пометами нужно найти: это важный исторический документ, зафиксировавший первую и крайне пристрастную реакцию на «Четвертую Вологду» и на Шаламова в целом в его родном городе в эпоху бурных перемен общественного сознания.

К счастью, подобное отношение к Шаламову было характерно тогда не для всех вологодских писателей. Я уже говорил, что на открытие мемориальной доски на Шаламовском доме в 1990 г. приходил и читал стихи поэт А.А. Романов. На шаламовских мероприятиях бывал критик В.А. Оботуров. Постоянным участником их был поэт М.Н. Сопин. Для всех них личность и творчество автора «Кольмских рассказов» представляли неподдельный интерес и долг памяти. А то, что до сих пор на шаламовских вечерах не увидишь ни одного лица из вологодской организации Союза писателей России связано, вероятно, с застарелыми предубеждениями, посеянными В.И. Беловым. Хотя, впрочем, это может быть и следствием глубоких противоречий между местной («слишком местной», перефразируя Ницше) консервативной литературной традицией и тем «мировым простором», который открывает творчество Шаламова.

Отраден тот факт, что другая, «альтернативная» писательская организация в лице отделения Союза российских писателей («дом дяди Гиляя») гораздо заинтересованнее относится ко всему, что связано с нашим великим земляком.

Еще более отрадно, что к исследованию творчества Шаламова все активнее подключается студенческая молодежь ВоГУ и других вузов, что показала молодежная научная конференция, прошедшая в июне этого года. Таким – и только таким – образом, т.е. путем просвещения, на мой взгляд, и можно преодолеть упомянутую нами культурно-историческую асинхронность, чтобы у будущих поколений вологодских читателей было меньше проблем с ориентацией в иерархии литературных ценностей – подлинных и мнимых, вечных и преходящих.

Литература

1. Есипов, В. В. Неизвестное стихотворение Варлама Шаламова о Николае Рубцове / В. В. Есипов // Литератур-

ная Россия. – 2013. – № 38 (20 сентября). – URL: <https://shalamov.ru/critique/226/> (дата обращения: 21.10.2021). – Текст : электронный.

2. Есипов, В. В. Нелюбовный треугольник: Шаламов – Твардовский – Солженицын / В. В. Есипов. – URL: <https://shalamov.ru/research/101/> (дата обращения: 21.10.2021). – Текст : электронный.

3. Есипов, В. В. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) / В. В. Есипов. – URL: <https://shalamov.ru/research/19/> (дата обращения: 21.10.2021). – Текст : электронный.

4. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 4. – 637 с.

5. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 5. – 382 с.

6. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений : в 6 томах + 7 том, дополнительный / В. Т. Шаламов. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – Т. 6. – 603 с.

7. Шаламов, В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Т. Шаламов ; вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2020 (Новая Библиотека поэта).

8. Яшин, А. Собрание сочинений : в 3 томах / А. Яшин. – Москва : Художественная литература, 1986. – Т. 3. – С. 104.

V.V. Esipov, L.V. Egorova

VARLAM SHALAMOV AND LITERARY WORLD OF VOLOGDA. Part 2

Discussion of Varlam Shalamov's opinions of the Vologda region poets and writers (A. Yashin, N. Rubtsov, O. Fokina, V. Astafyev, S. Orlov, V. Belov) held by the editor of the journal and Valery Esipov, the author of numerous articles and books, including *Varlam Shalamov and His Contemporaries* (2007), *Shalamov in the Lives of Remarkable People* series (2012, 2019), *About Shalamov and Not Him Alone: articles and other studies* (2020), the editor of two volumes of Shalamov's poetry (2020).

V. Shalamov, Vologda, A. Yashin, N. Rubtsov, O. Fokina, V. Astafyev, S. Orlov, V. Belov, paradoxes of cultural and historical asynchrony.

Т.В. Бахвалова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Статья посвящена описанию своеобразия живых орловских говоров южного наречия, создаваемого севернорусской лексикой, которая сохранилась в речи потомков помещичьих крестьян, вывезенных в прошлом из северных губерний России и компактно проживающих на Орловщине. Показана специфика словарного состава в отдельных населенных пунктах: функционирование диалектных слов северного ареала, разнообразие их тематической отнесенности (жилые строения, отопление, домашние животные, одежда).

Южное наречие, орловские говоры, диалектная лексика.

В составе лексики орловских говоров, входящих в южное наречие, особую группу составляют лексические единицы, употребляющиеся на Орловщине и известные в северных говорах.

Этнографы, лингвисты не раз отмечали, что в формировании этнического состава населения Орловского края немалую роль сыграли переселенцы из разных мест России, в том числе и с северных территорий. Так, А. Соболевский писал: «Мы не в состоянии сказать, откуда именно прибыли на берега Оки и далее окающие и цокающие переселенцы. Можно не сомневаться в одном: они прибыли не сухим путем, а по Оке, скорее всего из северо-западных притоков Волги» [7, с. 230]. Д.К. Зеленин, говоря о служилом населении, замечает: «Были, конечно, в военнослужилом степном сословии и... выходцы с севера Руси» [1, с. 48].

Не только многие вольные переселенцы, служилые люди, но и крепостные крестьяне по своему исконному месту жительства были северянами. В XVIII в. помещики переселяли сюда, на земли Орловщины, в свои новые владения, крепостных крестьян из северных поместий.

Потомки помещичьих крестьян, вывезенных из северных губерний России, проживают на территории Глазуновского, Кромского, Малоархангельского, Орловского и Свердловского районов Орловской области. Эта группа, являющаяся частью этнического состава Орловщины, до сих пор сохранила следы своей прежней территориальной принадлежности, что объясняется прежде всего более поздним, по сравнению с другими этническими группами, временем ее переселения на южные земли, а также компактностью проживания. Здесь наблюдаются особенности в характере застройки улиц, в планировке личной усадьбы и др. Старожилы хорошо помнят былые отличия в одежде, домашней утвари, некоторых обрядах. В говорах переселенцев, несмотря на южнорусское окружение, сохраняется немало особенностей, свойственных говорам Русского Севера.

Сочетание южнорусских и севернорусских черт обнаруживается как на фонетическом и грамматическом уровнях, так и в лексической системе говоров.

Показательно в этом плане сравнение говоров близлежащих селений, в одном из которых живут потомки переселенных сюда в прошлом крестьян из северных губерний. По свидетельству старожилов, деревня Каменка Малоархангельского района, наряду с близлежащими селениями Куракино (село получило название по имени владельца – князя А.Б. Куракина), Алексеевка, Кубань, была подарена Петром I князю Куракину за хорошую службу. Князь Куракин переселил сюда крепостных крестьян из Владимирской, Тверской и Вологодской губерний. Поселенные на берегу реки, крестьяне стали возводить дома, хозяйственные постройки из камней, которыми была загромождена протекающая здесь Каменка (ИТС, с. 128). Отсюда и название деревни – Каменка.

В облике, характере застройки деревни до сих пор есть то, что отличает ее от соседних деревень, где слышится типичный южнорусский говор (например, с. Дубовик). Так, дома в д. Каменке обращены фасадом к дороге. Перед домом – палисадник, где растут березы. Уже одно это напоминает типичную северную деревню с березами, тополями в палисаднике перед окнами. Кстати, такой же характер застройки удалось нам наблюдать и в д. Роговке Глазуновского района, где произносятся [z] взрывной и где отсутствует смягчение конечного согласного в формах глаголов 3-го лица.

Информативно сравнение функционирования отдельных лексических единиц в д. Каменке и с. Дубовик, показывающее своеобразие словарного состава в отдельных населенных пунктах Орловщины.

В речи жителей д. Каменки для обозначения жилой постройки используются слова *изба* и *хата*, но существительное *изба* употребляется намного реже, к тому же в основном в речи жителей преклонного возраста. В с. Дубовик слово *изба* не употребляется, хотя, безусловно, известно его жителям. В пассивном запасе у

жителей с. Дубовик и существительное *хоромина*, которое в соседней Каменке активно используется при обозначении большого крестьянского дома.

Северные черты проявляются также в архитектурном облике крестьянской избы: в д. Каменке, по словам старых жителей, крыши возводили тесовые двускатные. Такая форма крыши свойственна срубным сооружениям на севере Европейской части России. «Огромные северные дома ставились на высокомо подклете, перекрывались двускатной тесовой крышей...» – отмечается в историко-этнографическом атласе «Русские» [6, с. 7]. Иной архитектурный тип имело жилое строение в с. Дубовик: крыши здесь строили четырехскатные, обычно их покрывали соломой *внатруску*, сверху солому крепили жердями, связанными попарно. Известны и крыши *пеленой* – *Абайдутъ ат карнизъ рядовъ нескѣлькѣ пучками, а потомъ уразброс, ну пучки развязывють*. Такой тип жилища был характерен для южнорусских черноземных губерний, где «прямые и широкие улицы... были образованы рядами низких рубленых изб под четырехскатными, почти всегда соломенными крышами...» (Там же).

Важной архитектурной деталью русской крестьянской избы является крыльцо. Эта часть жилища в д. Каменке обозначалась существительным *мост*, широко известным в значении ‘крыльцо’ преимущественно в северных говорах: Ярослав., Волог., Арх., Костром., Влад., Вят., Перм. и др. (СРНГ, вып. 18, с. 287). Жителям соседнего села Дубовик данное существительное не известно.

Отличия в номинации одних и тех же реалий в соседних населенных пунктах касаются прежде всего предметов, относящихся к окружающему крестьянскому быту.

Типичной особенностью крестьянского жилища является русская печь. Площадка перед устьем русской печи в литературном языке обозначена словом *шесток* (ССРЛЯ, т. 17, с. 1380). В таком значении это существительное широко употребляется и в северных говорах. Зафиксировано оно и в д. Каменке Малоархангельского района, а также в Глазуновском, Свердловском районах Орловской области, т.е. в районах, где живут потомки переселенцев с севера. Широко известным, наиболее употребительным для обозначения площадки перед устьем русской печи в орловских говорах, как и в других южнорусских говорах, являются существительные *загнѣтка*, *загнѣтка* – *Нѣ загнѣтку ставили кастрюли, чугуны горячи. Нѣ загнѣткѣх чугунки, плошки стаяли*.

От существительных *шесток* и *загнѣтка*, называющих в разных населенных пунктах одну и ту же реалию, образованы существительные с одинаковым значением: *подшѣсток* (д. Каменка) и *подзагнѣтка* (с. Дубовик) ‘место под шестком русской печи; подпечек’.

Следует отметить, что степень употребительности той или иной лексической единицы в говорах обычно влияет на объем ее словообразовательного гнезда. В орловских говорах, где слово *загнѣтка* известно практически повсеместно, наряду со словом *подзагнѣтка* употребляются также *подзагнѣтник*, *подзагнѣток* – *Взьми пади веник в пѣдзагнѣтнике. Рагач у пѣдзагнѣтку лижыть* (СОГ, вып. 10, с. 46). Небезын-

тересно, что в других говорах южного наречия зафиксированы и другие однокоренные производные с таким же значением: *подзагнѣт*, *подзагнѣта*, *подзагнѣтина*, *подзагнѣть* (СРНГ, вып. 28, с. 254). В северных же говорах распространенными оказываются производные от слова *шесток*: *подшѣсток*, *подшѣстѣток*, *подшѣстѣчье* (СРНГ, вып. 28, с. 254), *подшѣсток*, *подшѣстѣчник* (СВГ, т. 7, с. 117) и др., однако в орловских говорах данные слова не представлены.

Слово *шесток* известно жителям с. Дубовик, но здесь оно, являясь производным от слова *шест* ‘длинная палка, жердь’, употребляется в ином, по сравнению с д. Каменкой, значении: ‘жердь, палка, прикрепленная с обеих сторон веревками к потолку около русской печи со стороны устья для сушки полотенец, кухонных тряпок и т.п.’

В крестьянском доме, кроме русской печи, часто была еще одна печь – из кирпича, с лежанкой или без нее, с плитой или без плиты. В говорах Орловщины для обозначения такого вида обогревательных печей широко используются слова *грубка*, *груба* – *Зимой тапили и печку, и групку. У пецике варили скатине, а групку тапили, штоп тило была. Груба – еть хѣрашо; и мѣсть малѣ зьнимаить, и тягло у хати* (СОГ, вып. 3, с. 28). По данным «Словаря русских народных говоров», это существительное в значении ‘кирпичная (иногда изразцовая) печь для отопления’ известно курским, орловским, калужским, тульским, воронежским и другим южным говорам (СРНГ, вып. 7, с. 156). Отсутствие его в речи жителей д. Каменки, на юге Орловской области, свидетельствует о том, что говор этого населенного пункта отличается от типичных южнорусских говоров.

Не зафиксировано в говоре названной деревни и существительное *мазанка*, повсеместно употребляемое в говорах разных районов Орловской области в значении ‘хозяйственное строение (амбар, сарай) из мелкого леса, обмазанного глиной’ – *Мазьнкѣ у нас за домѣм пастроина. Выняси мяшок с пианицѣй у мазьнку*. Слово известно во многих южнорусских говорах (СРНГ, вып. 17, с. 293).

Не употребляется старожилами Каменки южнорусское слово *закута* как обозначение помещения для скота. Распространение этого слова в южновеликорусских говорах отмечал С.И. Котков в «Очерках по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков» [2, с. 144]. Широкий южный ареал данного слова в живых говорах подтверждают и материалы «Словаря русских народных говоров» (СРНГ, вып. 10, с. 180). Тожественным по значению существительному *закута* в д. Каменке является слово *клев* – *Кагда малинькии, пѣрасята, па двое в клеву сидят*. Существительное *клев* широко распространено в северных говорах (СРНГ, вып. 13, с. 269). На территории Орловской области оно зафиксировано преимущественно в районах, где живут потомки переселенцев с севера: в Глазуновском, Кромском, Малоархангельском, Хотынецком (СОГ, вып. 5, с. 41).

Севернорусские черты в д. Каменке обнаруживаются и в названиях животных, в названиях одежды и других группах лексики.

Домашние животные, как и человек, всегда характеризовались с самых разных сторон: по внешнему

виду, по возрасту, по характеру, по аппетиту и т.д. Каждое животное ценилось прежде всего по тем особенностям, ради которых оно содержалось человеком. Ценность коровы определялась ее способностью давать много молока. В Каменке о дойной корове говорили *до́йлая* – *У ней нынчи гот даиля карова*. По своим семантическим и словообразовательным связям это прилагательное соотносится с севернорусскими словами: глаголом *доить* ‘давать молоко’ (СВГ, т. 2, с. 37), прилагательным *дойкий* ‘корова, дающая много молока’ арх. (СРНГ, вып. 8, с. 95). В других населенных пунктах Орловщины прилагательное *до́йлая* не зафиксировано.

По отношению к бодливой корове в Каменке скажут *бодучая*, тогда как в других орловских говорах такую корову назовут *брухачей*, *брухучей*, *брухаккой*, *колючей*, *колóкой*, т.к. она *брухается*, *кóлется*, – *Каровь хто скажыть брухаитца, хто – бадаитца*. *Наша каровь колитца, бадаитца*. Заметим, что соответствующие производящие диалектные слова *брухать*, *брухаться*, *колóть*, *колóться* ‘бодать (о корове)’, ‘бодаться (о корове)’ очень широко распространены в южных, особенно в восточных, говорах южного наречия (СРНГ, вып. 3, с. 211; вып. 24, с. 189–190).

Неотъемлемой частью материальной культуры народа является одежда. На протяжении столетий она может сохранять древние черты в покрое, украшениях, отдельных деталях. Вместе с одеждой живут и названия ее видов, деталей. Различие в одежде крестьян разных регионов особенно наглядно проявлялось в женской одежде. Традиционно в женской одежде этнографы выделяют два типа костюма: севернорусский и южнорусский. Переселяясь с одной территории на другую, крестьяне сохраняли привычную для них одежду, особенности кроя, украшений. Неслучайно в речи женщин преклонного возраста в д. Каменке немало слов северных по своему ареалу: они еще помнят ту старинную одежду, которую носили их родители и они сами в молодости – *Сърафаны халицёвыи шыли, в талию, чёрньвь цветъ с вышитой грудью*. Известно, что «в северных областях были повсеместно распространены сарафаны, в южных преобладали панёвы» [5, с. 204]. На севере «сарафан наряду с рубахой был основным элементом женского и девичьего костюма» [3, с. 248].

Сарафаны в Каменке украшали тесьмой, разноцветными полосками, называемыми *гантай* – *Гантай – кантики такя, нь базаръх пькупались*. В Словаре русских народных говоров представлены разные варианты этого существительного: *гáнта*, *ганта́й*, *гонта́й* ‘шнурок, на котором носят нательный крест’. Географические пометы свидетельствуют о преимущественном употреблении их в северных говорах (СРНГ, вып. 7, с. 12; вып. 6, с. 135). Перечисленные слова, в свою очередь, являются вариантами существительного *гайтáн*, известного в литературном языке в значении ‘плетеный шнурок или тесьма’ (ССРЛЯ, т. 3, с. 20) и в северных говорах в значении ‘украшение в виде ленты, тесьмы, цепочки и т.п.’ (СРНГ, вып. 6, с. 101).

Для украшения сарафана нередко использовались пуговицы, которые пришивались по переду. Их в

Каменке называли *костяшками* – *Кастяшки атец из горьда привазил*. В других говорах Орловщины данное слово не отмечено. В «Словаре русских народных говоров» существительное *костяшка* ‘пуговица’ представлено как олонецкое, псковское, уральское, пензенское (СРНГ, вып. 15, с. 90).

Обязательным элементом одежды крестьянок была нижняя рубаха, сшитая из домотканого холста. Из такой ткани шили и платья, и блузки – *домоткánки*. «*Ситец патом пькупать стали, а сначала были дьматканки. Раньшы дьматканки насили, сами шыли*», – рассказывает жительница Каменки. Нельзя не отметить, что существительное *домоткánка* ‘рубашка или кофта, сшитая из домашнего холста, окрашенного тоже домашним способом’ имеет северный ареал: в «Словаре русских народных говоров» в указанном значении оно содержит помету Волог. Интересно обратить внимание на дату фиксации слова: 1895–1896 (СРНГ, вып. 8, с. 123). В живых севернорусских говорах это существительное не употребляется, о чем свидетельствуют материалы диалектных словарей. В них представлены только однокоренные с указанным существительным слова: *домоткánник*, *домоткánница* ‘ткань домашнего изготовления, а также изделия из этой ткани’ (СВГ, т. 2, с. 45); *домоткánина*, *домоткánинка*, *домоткánь* ‘ткань домашней работы, вытканная домашним, кустарным способом’, *домоткánница*, *домоткánье* ‘домотканая одежда’ (СРГК, вып. 1, с. 484), *домоткánина* ‘ткань домашней работы’, *домоткánник*, *домоткánец* ‘домотканый сарафан’ (СРГ, т. 3, с. 251).

Как видим, здесь, на территории Орловщины, в речи потомков переселенцев с севера слово *домоткánка* сохранилось намного дольше, чем в «материнских» севернорусских говорах.

То же самое можно сказать о прилагательном *клёванный* ‘покрытый оспинами, рябой’, представленном в «Словаре русских народных говоров» как владимирское (1905–1921) и пермское в сочетании *клёванный* оспой (1930) (СРНГ, вып. 13, с. 269). В живых говорах д. Каменки данное прилагательное довольно широко употребительно в указанном значении – *Малый страшный, клёвнный*.

Таким образом, в лексике говора д. Каменки, где живут потомки переселенцев с севера, до сих пор сохраняются лексемы, свойственные севернорусским говорам. Контакт с населением соседних сел – носителями южнорусских говоров – не мог не отразиться на лексической системе говора деревни: число лексем северного ареала здесь относительно невелико; сохранившиеся лексемы связаны с повседневным бытом, трудом, обозначают традиционные, наиболее важные для человека понятия; сфера употребления таких слов – преимущественно речь людей преклонного возраста.

Говор д. Каменки можно охарактеризовать как сочетание локальных и региональных языковых отличий. По мнению А.Т. Хроленко, «локальное несходство обнаруживается при сопоставлении материала, сбор которого осуществляется на сравнительно близко расположенных друг от друга территориях». Если же «речь идет о различиях регионального характера, то учитываются территории, более далеко отстоящие

друг от друга» [8, с. 208]. В данном случае локальные различия – это черты северных говоров, сохранившиеся в Каменке и отличающие их от говоров соседних населенных пунктов с типичным говором южного наречия (например, с. Дубовик). Региональные же отличия, выявляющиеся при сопоставлении с северными говорами, – это прежде всего особенности южного наречия, свойственные речи жителям д. Каменки.

Наличие «островных» говоров, свойственных потомкам переселенцев с Русского Севера, – один из факторов, создающих пестроту лингвистического ландшафта говоров Орловщины.

Об особенностях развития говоров подобных компактных этнических подразделений очень точно сказал Г.Г. Мельниченко: «Каждая из таких групп, оседая на новом месте, во-первых, надолго сохраняла свои прежние языковые особенности...; во-вторых, могла что-то утратить из того, что объединяло ее с другими группами генетически или территориально связанными с нею в прошлом; в-третьих, ...могла создавать новые элементы в своей речи...; в-четвертых, могла также что-то усвоить из речи соседних... племен» [4, с. 19].

Уникальность, неповторимость лингвистического пространства орловских говоров создавалась в течение многих веков. В лексике, как наиболее динамичной и зависимой от экстралингвистических факторов структурной составляющей говоров, отразились особенности сложного социально-исторического и культурного развития орловского края.

Источники

ИТС – Полухин, О. В. Историко-топонимический словарь Малоархангельского уезда / О. В. Полухин, Т. В. Майорова. – Орел : Изд. дом «Орлик», 2017. – 368 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / редакторы: Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. – Т. 1–12. – Вологда : Русь, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под редакцией А. К. Матвеева. – Т. 1–7. – Москва; Ленинград, 2001–2018 (издание продолжается).

СОГ – Словарь орловских говоров / редактор Т. В. Бахвалова. – Вып. 1–17. – Ярославль, Орел, 1989–2016 (издание продолжается).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / главный редактор А. С. Герд. – Вып. 1–6. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – Вып. 1–51. – Ленинград; Санкт-Петербург : Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Литература

1. Зеленин, Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением задненёбных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации / Д. К. Зеленин // ОРЯС ИАН. – Санкт-Петербург, 1913. – 544 с. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf> (дата обращения 27.05.2021). – Текст : электронный.

2. Котков, С. И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков / С. И. Котков. – Москва, 1970. – 320 с.

3. Крылова, О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах / О. Н. Крылова // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1998. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 248–253.

4. Мельниченко, Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в. (территория, распространение, семантика, словообразование) / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1974. – 270 с.

5. Русская диалектология / под редакцией Н. А. Мещерского. – Москва, 1972. – 266 с.

6. Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшение крестьянских домов и одежды) середина XIX – начало XX в. – Москва, 1970. – 208 с.

7. Соболевский А. Заметки в области русской диалектологии / А. Соболевский // РФВ. – Варшава, 1906. – Т. LVI. – С. 218–233.

8. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. – Курск : Курский государственный университет, 2008. – 229 с.

T.V. Bakhvalova

NORTHERN RUSSIAN VOCABULARY IN THE OREL DIALECTS

The article describes the originality of the Orel dialects based on Northern Russian vocabulary which has been preserved in the speech of the descendants of landowners' peasants who once came from the northern provinces of Russia and densely resided in the Orel region. The following specificities of the vocabulary in certain settlements are shown: functioning of the northern dialect words, variety of the thematic groups (housing, heating, domestic animals, clothes).

Southern dialects, Orel dialects, dialect words.

Н.В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОДАЧА ФРАЗЕОЛОГИИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОГО ТИПА (РАЗМЫШЛЕНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ)

Статья написана в жанре «размышлений» составителя диалектного словаря, который одновременно является и его пользователем. Такая двуединая роль автора позволила отчасти по-новому взглянуть на те проблемы, которые в диалектной лексикографии связаны с подачей фразеологии. Конкретно рассматриваются две проблемы. Во-первых, основополагающее разделение фразеологизмов на два типа, которые традиционно дифференцируются лишь по степени «тяготения к идиоматичности» (например: > Тóлку не пробóраť. *Не понять смысла, не разобраться* – и Δ Вошь пустьí, увидишь. *Об отсутствии чего-н.*). Во-вторых, способ подачи однословных (то есть фактически – всех) фразеологизмов, которые, опять же традиционно, даются в словаре один раз, лишь на первое слово в составе выражения, что затрудняет, если не делает невозможным, поиск нужного материала. Для обеих ситуаций в статье предлагаются конкретные решения, основанные на авторском опыте.

Фразеологизм, идиома, степень идиоматичности, однословная единица.

В название этой статьи я вынесла важное в данном случае уточнение: *размышления составителя*. Именно составителя диалектного словаря, но не диалектолога в полном смысле этого слова. Так случилось, что диалектология никогда не была моей узкой лингвистической специальностью, я всегда занималась современной фонетикой, орфоэпией, а позднее – коллоквиалистикой (что уже близко к анализу реальной речи русской деревни, хотя и не объединяется с ним), но волею судьбы 30 лет своей жизни я ездила в диалектологические экспедиции, а затем и составляла словарные статьи по материалам этих поездок. Сначала это был «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК 1994–2005), а затем, вплоть до самого последнего времени, «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь» (Селигер 2003–2020). И во всех случаях, особенно в Селигерском словаре (далее – Словарь), я, честно пытаюсь выполнить все инструкции по подаче материала в словарной статье, разработанные редакторами, испытывала некоторый дискомфорт, порожденный, вероятно, тем, что составитель во мне сочетается с пользователем, более того – с грамотным пользователем-филологом, для которого не всегда понятны эти самые инструкции. И пользователя во мне, как оказалось, даже больше, чем составителя, что, во-первых, и привело к некоторому внутреннему «когнитивному диссонансу», а во-вторых, побудило меня оформить это в виде предлагаемых «размышлений». Дополнительным стимулом к этим размышлениям стал тот факт, что мой вариант подачи фразеологии, который я старательно и, как мне казалось, в полном соответствии с разработанными правилами, реализовала во время составления словарных статей, порой не совпадал с тем, что потом оказывалось в опубликованном томе словаря. Попытки обсудить с редакторами выявленные расхождения еще больше высветили сложность проблемы и усилили желание ра-

зобраться в этом, хотя бы на уровне вот таких размышлений.

В Словаре, так же как, видимо, и во всех других подобных, «выделяются два устойчивых типа фразеологизмов: а) фразеологические словосочетания, относительно легко разложимые на составляющие их компоненты» (терминологические словосочетания, устойчивые метафорические сочетания – в них ясна их мотивированность, прозрачная связь со значениями их составляющих) (знак >); б) «идиомы и фразеологические сочетания, тяготеющие к идиоматичности» (знак Δ) (Селигер, 2003, с. 9). При этом важно, что, согласно инструкции для составителей, «фразеологизмы приводятся по полному алфавиту *один раз на первое слово* (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.-Б.) в составе данного фразеологизма, *включая предлоги, частицы, междометия*» (Там же). Чуть далее в инструкции повторяется это положение: «Поскольку фразеологические обороты, помещаемые в любом областном словаре дифференциального типа, не представляют системы, а лишь отражают ее фрагменты, все фразеологизмы размещаются по полному алфавиту слов-компонентов в пределах своих знаков (>, Δ), *включая алфавит предлогов*» (Там же, с. 10). Заключает раздел «Фразеология» в статье «Принципы построения словаря» такое положение: «*Взаимные отсылки на отдельные компоненты различных типов устойчивых словосочетаний, выделенных знаками > или Δ, в Словаре не приводятся*» (Там же). Именно это положение, на взгляд, повторю, не составителя, а пользователя Словаря, создает, как представляется, особенные неудобства для тех, кто интересуется диалектной фразеологией. И тут я уже говорю в первую очередь о себе, так как, волею судеб, на мою долю выпало составление словарных статей на те буквы (прежде всего В, К, П, У), с которых начинаются многие русские предлоги (и, заметим, союзы, о которых в инструкции почему-то не говорится ни слова).

Попробую привести примеры конкретных «дискомфортных» ситуаций.

В словарной статье на предлог *в*, после подробного его лексикографического описания, под закономерным знаком >, дается первый по алфавиту фразеологизм > (БЫТЬ) В АЛКОГОЛИЗМЕ (Испытывать болезненное пристрастие к алкоголю, быть пьяницей, алкоголиком. Она уж в алкоголизме, вечером она и горазно напьётся. *Ост. Вязовня*) (Селигер, 2003, с. 79). В полном соответствии с инструкцией, данный фразеологизм приведен на предлог как *на первое слово* в его составе. Соответственно на главное, стержневое, слово *алкоголизм* никакой словарной статьи в Словаре нет (Там же, с. 16–17). Как составитель я выполнила предписание редакторов, но как пользователь никак не могу согласиться с такой подачей материала. Трудно себе представить ситуацию, что исследователь, которого в том или ином аспекте интересуют слова «алкогольной» тематики, будет искать их в словарной статье на предлог *в*. Тогда как наличие отдельной, пусть и небольшой, статьи на слово *алкоголизм* открыло бы ему такую возможность. А отсылка в этой статье на предлог *в* связала бы две словарные статьи и полностью удовлетворила бы пользователя.

Буквально следующий фразеологизм в той же словарной статье отчасти уже нарушает (признаю, что – моими руками составителя, но и без редакторской правки) первую часть вышеизложенной инструкции, при этом выполняет требование второй ее части. Речь идет о фразеологизме > ВВЕСТИ В СЛЁЗЫ (*Довести до слез*. Он распыхался: «Пускай в доярки идёт!» Её в слёзы ввёл. *Дем. Н. Скребель*). Этот фразеологизм, правда, без всяких внутренних отсылок, дается в Словаре еще и на слово *вести* (Там же, с. 86–87), но отсутствует на слово *слеза* (Там же, 2017, с. 109). И снова пользователь во мне протестует: если кому-то понадобятся все употребления, включая устойчивые, слова *слеза* в соответствующем говоре, он вынужден будет довольствоваться фразеологизмом > КУКУШКИНЫ СЛЁЗЫ (Высокое полевое растение) (Там же) и никогда не найдет выражения *вести* в слёзы, с чем вряд ли можно согласиться. И это только два примера из одной словарной статьи, созданной моими собственными руками.

Но продолжим рассмотрение этой словарной статьи, которая оказалась весьма показательной в рассматриваемом отношении. Единственное фразеологическое выражение второго типа, помещенное мною в рукописи в самом конце словарной статьи (Δ ИДИ В ВІР НА ДОНО! Выражение угрозы. Показать, где раки зимуют. Иди в вир на доно! *Ост. Вязовня*), в печатный вариант Словаря вообще не попало (Там же, 2003, с. 81) – и справедливо, поскольку предлог *в* здесь не является первым словом в составе фразеологизма. Однако, волею редакторов, это выражение обнаружилось в словарных статьях на *вир* (Там же, с. 107) и на *доно* (Там же, 2004, с. 35), которые также не являются первыми в его составе, но отсутствует в словарной статье на действительно первое слово *идти* (Там же, с. 172). Никаких внутренних отсылок между *вир* и *доно*, в полном соответствии с инструкцией, эти словарные статьи не содержат. Не хочу давать никаких оценок создателям Словаря, поскольку сама к

ним отношусь и понимаю, насколько трудное это дело. Фразеологию не случайно называют самой неизведанной областью любого языка, потому что ее труднее всего документировать [2].

Переходя на позицию пользователя Словаря, считаю максимально правильным и удобным фиксировать любой фразеологизм на *все слова*, входящие в его структуру, как знаменательные, так и служебные. Первая фиксация естественным образом окажется на то слово, которое идет раньше других «по полному алфавиту», а все следующие словарные статьи должны содержать отсылку к этой первой фиксации. Иными словами, вышеупомянутое выражение Δ ИДИ В ВІР НА ДОНО! первый раз – с толкованием значения и всеми контекстами – должно быть в словарной статье именно на предлог *в* и далее – еще 4 раза: в словарных статьях на *вир*, *доно*, *идти* и предлог *на*, с отсылкой каждый раз к статье на *в*. При этом вполне закономерно появление близких по значению и прагматике выражений, как это случилось и с рассматриваемым: в словарной статье на слово *вир* можно видеть еще один фразеологизм того же типа и значения: Δ ХОТЬ БЫ В ВІР ТЕБЕ НА ДОНО! (Хоть бы в вир тебе на доно, нахал эдакий! *Пен. Поляны*), определенный составителями как бранное выражение (Селигер, 2003, с. 107). Понятно, что объем словаря при таком подходе к подаче фразеологизмов существенно возрастет, но и польза от него возрастет тоже, что для пользователя как раз наиболее важно.

Кроме того, знакомство со Словарем в его окончательном (опубликованном) виде выявило еще много фразеологизмов с начальным предлогом *в*, которые не попали в соответствующую словарную статью, ср., например: > В ГРИБАХ (*Имеющий грибы в большом количестве*); > (БЫТЬ) В РУКАХ (а) *Соблюдать правильный образ жизни*; б) *Быть в наличии, иметься*; в) *Быть под присмотром*); > В ПЯТКАХ КЛОПЫ ЗАВЕДШИ (*О растрескавшихся пятках*); > В КОЗЛЫ (*Способ укладки снопов льна*); > В КОЛЬЯ (*Способ укладки сена для просушки*); > В КОЛЬЯХ И В МЯЛАХ (*Везде, всюду*) и мн. др.

Подобная непоследовательность в подаче фразеологизмов вполне объяснима: составителей обычно бывает несколько, каждый из них работает с тем материалом, который попал к нему в руки, и зачастую просто не может знать, что где-то в другом каталожном ящике находится еще карточка/карточки на то слово, которое он описывает в данный момент. Именно потому одной из инструкций для собирателей материала, в роли которых выступают, как правило, студенты, выезжающие на диалектологическую практику, является строгое указание заполнять карточку на *каждое* слово фразеологизма, чтобы потом ни одно из них не «пропало» для составителя Словаря. Нет смысла говорить сейчас о том, как неаккуратны порой могут оказаться студенты-практиканты и как не всегда внимательны – принимающие материал преподаватели, речь о том, что при той инструкции, которая разработана для составителей Словаря, масса информации о диалектной фразеологии точно пропадает.

Следующий повод к размышлению дают фразеологизмы с начальным *союзом*, о которых редакторы

Словаря, по-видимому, просто забыли. В моей практике составителя это был союз *как*. Уже первый фразеологизм в соответствующей словарной статье – > КАК БОГ УБИЛ РОСТОМ (*О чем-н. маленьком, слабо развитом*). Сейчас вошла в былиночку – как бог убил ростом. *Ост. Городец*) – дан, как и положено, на первое слово в его структуре – союз *как* (Селигер, 2007, с. 5). Но это же выражение, только уже без начального *как* (> БОГ УБИЛ РОСТОМ), приведено и на слово *бог* (Там же, 2003, с. 49), что не позволяет считать это нарушением инструкции, но и не помогает связать это выражение с первым. В словарных статьях на *убить* и *рост* никаких упоминаний об этом фразеологизме нет, что полностью соответствует инструкции, но снова затрудняет работу пользователя Словаря. Такая же ситуация повторилась и для большинства других фразеологизмов, попавших в словарную статью на союз *как*: > КАК В ПЕЧКУ КИНУТЬ (*Истратить впустую, без смысла (деньги)*); > КАК ГРИБЫ В ПОЛЕ (*Без присмотра, сами по себе*) и др. Из 18 фразеологизмов, приведенных в этой словарной статье, только 5 (28 %), включая и упомянутое выше > БОГ УБИЛ РОСТОМ, повторяются еще и на стержневое слово: > КАК ИЗ РУЖЬЯ (*Очень сильно, громко*) (впрочем, здесь появился новый контекст, что отчасти оправдывает повтор фразеологизма); > КАК РУКОЙ СНЕСЛО (*О быстром улучшении здоровья, состояния; как рукой сняло*); > КАК С МОЛОТКА (в одном из значений: *Как будто ничего не было, как ни в чем не бывало*); > КАК ЧЁРТ НА ЯЛОВОЙ КОЖЕ ПИШЕТ (*О том, кто делает что-н. слишком хорошо*) (только на слово *чёрт*). Очевидно, что только эти стержневые, наиболее семантически важные, слова пользователь сможет найти в Словаре, во всех же остальных 82 % случаев указанные фразеологизмы просто не попадут в зону внимания исследователей.

С другой стороны, так же как в случае с предложением *в* и по тем же причинам, многие фразеологизмы, включающие начальный союз *как*, в словарную статью на него не попали вовсе, ср. (заголовочное слово соответствующей словарной статьи выделено шрифтом): Δ КАК СФУРЧКА МОЛОТЬ (*Говорить не подумав, наобум*), > КАК У ПОПА ОБЕДАТЬ (*О хорошем, сытном обеде*), > КАК СНЕГОВОЙ (*Очень белый, белоснежный*), > КАК ЧЕРТИ ЗА НОЧЬ НАНОСЯТ (*О неизвестно откуда взявшихся предметах*), > КАК ЧЁРТ НАРОЖАЛ (*Очень много*) и ряд др.

Таким образом, можно сделать первый, промежуточный, вывод из моих размышлений: как собиратель должен фиксировать на отдельной карточке *каждый* компонент диалектного фразеологизма, так и составитель затем должен написать словарную статью на *каждый* такой компонент, даже если в результате одна и та же единица повторится в Словаре два и более раз. Внутренние отсылки свяжут их между собой. Зато ни одно из этих слов, которые окажутся интересны лингвистам-фразеологам именно в их фразеологическом употреблении, не пройдет мимо внимания исследователей. Думается, что такой подход вполне соответствует «принципу лексикографической полноты, реализуемому в отборе и параметризации материала», о котором писали, в частности, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина [6, с. 88].

Еще одно размышление связано в моей статье с основополагающим разделением фразеологизмов на два типа, которые провозглашены в «Принципах построения словаря» и которые дифференцируются их обозначениями: (>) и (Δ). К сожалению, надо сказать, что предложенное в инструкции основание для такого разделения мало проясняет ситуацию. Повторим его: а) «фразеологические словосочетания, относительно легко разложимые на составляющие их компоненты» (знак >), и б) «идиомы и фразеологические сочетания, тяготеющие к идиоматичности» (знак Δ) (Селигер, 2003, с. 9). С учетом тесной связи понятий *идиома* и *фразеологизм* это основание явно недостаточно для четкого отнесения того или иного конкретного выражения к типу (а) или типу (б). Так, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский к категориальным признакам *фразеологических единиц*, наряду с воспроизводимостью, относят *идиоматичность* [3, с. 43–62], фактически объединяя эти два понятия. Анализ соответствующей литературы (см., например: [5]) показывает, что при всем разнообразии толкований термина *идиома* наиболее общим можно считать сближение его с понятием *фразеологизма* в достаточном широком понимании – как *оборота речи*, который употребляется как некое целое, не подлежащее дальнейшему *разложению* и значение которого не выводится из значений входящих в него слов (см., например: [1; 4]). Думается, что при таком понимании идиомы и фразеологизма дифференциация выражений, маркируемых в диалектном словаре знаками (>) и (Δ), требует некоторого уточнения.

Рассмотрим ряд примеров фразеологизмов обоих типов из того же Словаря (см. табл.).

Таблица

>	Δ
ВАЛИТЬСЯ ВАЛОМ. Вымирать . Вот что случилось? Прямо вáляются вáлом – умирают все. Отчего – неизвестно. Ост. Пачково .	ВОДА ИДЁТ ИЗМОРОМ. <i>О медленном таянии снега весной</i> . Водá идёт измóром – недружная весна, постепенно вода идёт. Ост. Корново .
КАКОЙ ЧТО КАКОЙ. <i>Плохой, никудышный</i> . У ней муж был какой что какой. Ост. Залучье .	ГЛАЗА ВЫВАЛИВАЮТСЯ. Нет сил (о состоянии сильной усталости) . Глазá вывáливались, как сено воротить. Ост. Городец .
БОЛТАТЬ КАЛЯСЫ-БАЛЯСЫ. <i>Точить лясы, говорить ерунду</i> . Ну, нечего калясы-балясы болтать. Дем. Славицы .	КИСНУТЬ ОТ СМЕХУ. <i>Смеяться до колик, кататься со смеху</i> . Я приехал, бабам рассказал – они кáсли от смéху. Лен. Поляны .
ПОПОЛОТЬ СНЕГ. <i>Насыпать снега в передник и подкидывать его какое-то время, как бы провеивая (об одном из видов русских народных святочных гаданий)</i> . Идите, девки, снег-то пополóте. Дем. Лыково .	ПОПЛЁСТЬ ХВОСТОВ. <i>Посудачить, посплетничать</i> . Ей хочется гораздо хвостóв поплéсть и вызнáть, что у людей на души. Ост. Городец .
УПИТЬ ГЛАЗА. <i>Напиться допьяна, оьянеть</i> . Тонька глазá упилá да кастеты [магнитофонные кассеты] и загнала. Фир. Ходуново .	НЕ ЦАРЬ-ПТИЦА, ТАК УТИЦА. <i>О согласии удовлетвориться тем, что попадет</i> . А Васька этот – буянщик – тоже там шáлыгается – так, от нечего делать: не цáрь-птіца, так утіца. Фир. Жабны

Уже эти несколько примеров, как представляется, демонстрируют явно недостаточную разработанность предложенной дифференциации типов фразеологизмов. Особенно это касается глагольных выражений. Почему ПОПОЛОТЬ СНЕГ или УПІТЬ ГЛАЗА́ менее идиоматичны, чем ПОПЛІЕСТЬ ХВОСТÓВ или КІСНУТЬ ОТ СМЁХУ? Понимаю, что все здесь не просто, помню свои бесконечные сомнения при составлении словарных статей и «вязкие» обсуждения этих проблем в разговорах с редакторами, помню также, чем эти разговоры (для меня) обычно заканчивались: *Жираф большой, ему видней*, то есть пусть редакторы решают сами, поскольку они данную инструкцию и разработали. А сейчас, в жанре «размышлений», хочу предложить свой вариант решения этой проблемы, с опорой не на степень идиоматичности, а на синтаксическую роль выражения в тексте.

Так, к фразеологизмам первого типа (>) можно относить те выражения, которые легко вписываются в синтаксическую структуру предложения, ср.: Под этим делом в *сисмерть пополучáli* (*Ост. Городец*); Там, *попрям сказа́ть*, много наезжих (*Дем. Лыково*); У меня такая дочка – так она *ма́ковым цве́том цветёт* (*Дем. Лыково*); Идешь в *цели́к*, бездорожье вообще (*Ост. Свапуце*). Видно, что рассматриваемые выражения могут выступать в роли как члена предложения (главного или зависимого), так и вводной конструкции (*попрям сказа́ть*). В любом случае это именно функция в предложении, которую, как правило, не трудно установить.

Фразеологизмы же второго типа (Δ) такой функцией не обладают, никакими связями с другими компонентами структуры *простого* предложения не связаны, они синтаксически относительно самостоятельны. Из приведенных выше это, по-видимому, *не ца́рь-птица, так ути́ца, глаза́ выва́ливались*, с некоторой натяжкой – *вода́ идёт измо́ром*. Ср. также: Отправляют вас умные люди – значит, *такое́ надо́ представлѝть* (*Ост. Алексеевское*); *Не с при́роды, а в при́родь*: какова матка, така и дочь (*Ост. Вязовня*); Уж баба-гром: *ти́тькипо пúду, рабóтать не бúду* (*Пен. М. Переволока*).

Примеры обоих типов фразеологизмов можно продолжать, но даже беглое знакомство со Словарем показывает, как много в нем единиц, маркированных

знаком (Δ), но не отвечающих предложенному критерию, ср.: Она у матери всё просидит, детей бросив, – *на такую́ прѝжку* можно ль? (*Дем. Н. Скребель*); У ей и *хвост не просыхает* – так пѝт (*Ост. Залесье*); Чтоб съела всё, и *от до́ль и прó* (*Фир. Хриплы*) и мн. др.

Думается, что предлагаемый подход к анализу и подаче в словаре диалектного материала позволит дифференцировать два типа рассматриваемых единиц с большей очевидностью, чем ориентация на «тяготение к идиоматичности». Так или иначе, но я понимаю сложность затронутой проблемы, высказываю свою точку зрения и готова вступить в дискуссию по этому непростому вопросу. Роль пользователя может в этом случае оказаться полезной и для лингвиста, составителя диалектного словаря.

Источники

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1-6 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1994-2005.

Селигер – Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь. Вып. 1-8 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ (Вып. 1-3) / Филологический ф-т СПбГУ (Вып. 4-5) / Тверской гос. ун-т (Вып. 6) / Нестор-История (Вып. 7-8). 2003-2020.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Баранов, А. Н. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (редактор). – Москва : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1134 с.

3. Баранов, А. Н. Основы фразеологии (краткий курс) : учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 312 с.

4. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.

5. Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лю Даян. – Санкт-Петербург, 2020. – 201 с. (машинопись).

6. Мокиенко, В. М. К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Вопросы лексикографии. – 2018. – № 14. – С. 80–106.

N.V. Bogdanova-Beglarian

PRESENTATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN A DIALECT DICTIONARY OF A DIFFERENTIAL TYPE (COMPILER'S REFLECTIONS)

The article is written in the genre of a compiler's reflections on a dialect dictionary. The two-fold role of the author, a compiler and a user, allowed to take a fresh look at the problems that in dialectal lexicography are associated with the presentation of phraseology. Two problems are specifically addressed: first, the fundamental division of phraseological units into two types, which are traditionally differentiated only according to the degree of closeness towards idiomaticity, e.g. *Tolku ne probrat. – Not to understand the meaning, not to understand; Vosh pusti - uvidish. - About the absence of something*; second, the way of presenting non-one-word phraseological units (that is, virtually all), which are traditionally given in a dictionary once, only according to the first word in the unit, which makes it difficult, if not impossible, to find the required material. The author suggests specific experience-based solutions to both problems.

Phraseological unit, idiom, degree of idiomaticity, non-one-word unit.

Н.П. Галкина

*Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома, Россия)*

КОНТАКТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В КОНТЕКСТЕ МНОГОКОМПОНЕНТНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Объектом исследования являются многокомпонентные сложные предложения, имеющие в своем составе два и более придаточных, выражающих значение причины, условия, цели, уступки, следствия, одно из которых включено в другое, образуя при этом контакт двух функциональных союзов. Сложные предложения с контактирующими союзами отличаются значительной информативностью, взаимозависимостью составляющих значений и в то же время повышенной компактностью, что делает их легко воспринимаемыми. Отмечается, что контактное употребление функциональных союзов в структуре многокомпонентных конструкций встречается нечасто. Причинные союзы, находясь на первой позиции, хорошо контактируют с условными, уступительными, целевыми средствами связи. Условные союзы легко образуют сочетания с союзами причины, следствия, уступки, находясь на второй позиции. Контакт функциональных союзов с целевыми в начальной позиции невозможен и очень ограничен в случае расположения целевого компонента на втором уровне подчинения.

Обусловленность, стечение союзов, придаточное условия, причина, парцелляция, публицистика, сочетаемость.

В контексте изучения многокомпонентных сложных предложений (далее МСП), которые также называют полипредикативными (ПСП), усложненными, конструкции с несколькими придаточными, относящимися к категории обусловленности, представляют особый интерес в силу их семантического многообразия, вариативности сочетания значений, функционального и экспрессивного потенциала, смысловой емкости и насыщенности. Обусловленность, т.е. причинность в широком смысле слова, объединяет в себе такие значения, как предпосылка, условие, основание, обоснование, доказательство, аргумент, довод, стимул, целевая мотивировка, следствие, вывод. В «Русской грамматике» весь круг значений обусловленности предстает как целостное единство на том основании, что «предполагает такую связь ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой» [19, с. 562]. Благодаря взаимозависимости составляющих значений МСП с несколькими придаточными обусловленности отличаются ярко выраженными текстовыми характеристиками и текстообразующими свойствами и сами по себе рассматриваются как текст (микротекст) [2, с. 28; 8]. Основная роль в маркировке конкретных значений обусловленности отводится семантическим [1, с. 222] или, следуя терминологии С.Г. Ильенко, функциональным союзам, поскольку они «не просто закрепляют те или иные отношения, а как бы создают их» [4, с. 6].

Объектом данного исследования являются МСП на материале современной публицистики, имеющие в своем составе два и более придаточных, выражающих значение причины, условия, цели, уступки, следствия, одно из которых включено в другое, образуя при этом контакт двух функциональных союзов. При изучении

многокомпонентных конструкций ученые, безусловно, отводят внимание и вопросам стечения или контакта союзов в МСП. Очевидно, следует ожидать высокой продуктивности сочетания изъяснительного и условного союзов, в силу их структурной и семантической 'востребованности' в языке. Это подтверждается, например, исследованиями, проведенными на материале научного стиля и художественной литературы Н.С. Ганцовой, Е.Ю. Ивковой, Г.Ф. Калашниковой, Т.П. Станковской, Е.А. Скоробогатовой, З.Н. Литвиной и др. [3; 9; 13; 15; 22]. Нас же интересует возможность/невозможность и условия контактного расположения двух функциональных союзов (коннекторов) в рамках построения МСП обусловленности. Следует учитывать, что «сочетаемость компонентов строго зависит от способности той или иной модели ПСП (то же, что МСП – Н. Г.) формировать, вмещать определенное логико-семантическое содержание, не нарушая, во-первых, соответствия совмещаемых содержаний логическим законам и, во-вторых, не нарушая логико-семантической совместимости мыслей в пределах той или иной языковой формы» [12, с. 40]. Исследователи отмечают относительно редкую сочетаемость детерминантных придаточных друг с другом в составе МСП, объясняя это возникающей в таком случае трудностью для смыслового восприятия. «Скопление детерминантных придаточных препятствует группировке или блокированию компонентов» [11, с. 150]. Так, например, в результате анализа произведений А.П. Чехова делается вывод, что в подавляющем большинстве случаев контактируют синтаксический и семантический союзы, а сочетания двух семантических союзов используются редко [13, с. 239].

Материалом исследования послужили МСП, отобранные методом сплошной выборки из произведений публицистики XX–XXI вв. (книги, журналы, информационные и аналитические статьи). Из всего корпуса выписанных МСП с придаточными обусловленности (215 единиц), число которых, вообще говоря, значительно меньше (менее 10 %), чем двухкомпонентных сложноподчиненных предложений (СПП), конструкции, имеющие контактное сочетание функциональных союзов, составили около 9 %. Небольшая продуктивность исследуемых лингвистических единиц тем более объясняет интерес для изучения данного явления в русском языке (которое, на наш взгляд, представляется неизученным), так как позволяет обнаружить, что может и чего не может быть в языке, и проследить тенденции в его развитии. В то же время разнообразие пар контактирующих союзов, их относительно малая частотность не позволяют говорить об устойчивой воспроизводимости и фразеологизации исследуемых сочетаний, указывающих на образование тесного единства, стечения союзных скреп, наблюдаемого, например, в случае контакта некоторых функциональных союзов с изъяснительным: *что если, что ежели (истор.), что когда* [3, с. 97–101; 13, с. 235–246].

Наибольшую частотность (более трети в нашей выборке) и вариативность обнаруживают сочетания причинных и условных союзов, что обусловлено близостью маркируемых ими значений – выражение обстоятельств, от которых зависит осуществление ситуации-следствия. Примечательно, что допустимым является контакт со всеми наиболее употребимыми причинными союзами (коннекторами): *поскольку, потому что, так как, ибо, ведь* [7, с. 32–40]. См., например: 1. *Путин и Медведев Сталина боятся больше Радзиховского, поскольку если их заменит Сталин, то из-за демократического развала экономики на Радзиховского может и не хватить альпинистов, а на них хватит – и черта с два они в какой стране мира укроются!* [17, с. 76]. Семантически причинное обоснование строится на основе описания следствия, возможного при выполнении предполагаемого условия (обоснование следствием при условии). Формально, причинное придаточное первого уровня подчинения (глубины) непосредственно после введения союзом *поскольку* включает условно-следственное СПП (второй уровень глубины). Таким образом, главная часть поясняется комплексом/блоком, по структуре равным сложноподчиненному предложению. 2. См. аналогичное построение с включением СПП ирреального условия: *Да, это началось не вчера и даже не 20 лет назад, поскольку если бы у нас были иные СМИ, была бы перестройка, но не было бы ее маразма* [17, с. 87]. 3. Особенностью следующей конструкции является парцелляция причинного высказывания, оформленного как отдельное предложение. Такое явление довольно часто встречается в публицистике [6, с. 102]. Е.А. Скоробогатова отмечает, что парцеллированные высказывания, построенные по моделям полипредикативных предложений со сложноподчиненной структурной основой, являются типичными образцами, так как в них наиболее четко выражена грамматическая и смысловая соотнесен-

ность частей парцеллированного высказывания [22, с. 142]. См., например: *Меня еще больше удивил Ленин. Потому что если имперская пропаганда прямо работает на Сталина, то уж Ленина у нас только ленивый грязью не поливает* [17, с. 71]. Сочетание причинного союза *потому что* и условного *если* маркирует в данном случае обоснование сопоставлением (пропаганды в отношении Сталина и Ленина). См. далее примеры контакта причинных союзов *так как, ибо* с условными *если, если бы*. 4. *Немного истории, так как если истории дать много, то мелькание имён и местностей убаюкает вас и собьёт с толку* [14, с. 5]. 5. *Министерство финансов США обвинило ЦБ России в том, что тот манипулирует курсом рубля с целью поддержать российский экспорт, ибо если бы ЦБ действовал строго рыночно, как того желают за океаном, укрепившийся рубль сильно посадил бы экспорт* [24].

Условные отношения являются наиболее актуальными в категории обусловленности¹ [5, с. 55–58; 6, с. 100–104]. Соответственно и условные придаточные, будучи наиболее частотными, включаются в рамках МСП не только в причинные, но и в следственные, и уступительные конструкции. См. пример контактного употребления следственного составного союза *так что* с условным: *На одну карту можно получить кешбэк лишь один раз, максимум 15 тысяч рублей. Так что, если у вас в семье планируется несколько поездок – например, отправить бабушку в санаторий в Кисловодск, а маму с сыном в Казань, на каникулы, – выгоднее оплачивать их разными картами, чтобы получить компенсацию за каждую* [23, с. 7]. См. еще пример контактного расположения указанных союзов, в котором условное придаточное представляет вводную конструкцию – ссылку на источник информации, выраженной в следственной части: *Так что, если верить городскому фольклору, он и сейчас известен как «Плешиный садик»* [21, с. 72]. Как видно, в приведенных примерах также имеет место парцелляция блока/комплекса придаточных: следственного, первого уровня глубины, и условного, второго уровня. Тесный контакт или стечение двух семантических союзов обеспечивают связь между компонентами парцеллированного высказывания, которая является «существенно сильнее связей между самостоятельными высказываниями в рамках сверхфразового единства, так как, кроме логической и смысловой связи, между частями такого высказывания существует грамматическая связь» [22, с. 142].

Рассмотрим пример сочетания уступительного союза *хотя* с условным *если бы*: *И как ни больно признавать, но это русская армия по приказу самозванного масонского Временного правительства арестовала Императора, хотя если бы отречение являлось законным, кому был бы опасен гражданин «бывший царь»* [16]. В данном МСП имеется два уступительных придаточных: предпозитивное, обобщен-

¹ Данный вывод согласуется с результатами других исследований СПП на материале научного стиля. См.: Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. С. 232.

но-уступительного значения, оформленное союзной скрепой *как ни*, и постпозитивное, присоединительно-уступительное, которое вводится типизированным уступительным союзом *хотя* и включает СПП ирреального условия. Представляется, что именно присоединительный характер второго придаточного уступки делает возможным включение в него дополнительного замечания в форме ирреально-условной придаточной части.

Говоря об уступительных придаточных, отметим, что они не только могут служить базой для следующего уровня подчинения, но и сами входят в состав придаточного (причинного) более высокого порядка, т.е. при контакте союзов *хотя* может быть как на первом, так и на втором уровне. См., например: *Мне было грустно видеть твиты и плакаты со словами «Я – Шарли», поскольку хотя я и ничуть не симпатизирую заблудившимся идиотам (террористам, ворвавшимся в газету), я не испытываю никакой солидарности и с «переселенниками»* [20, с. 17]. Мы видим сложное причинное обоснование, построенное с учетом дополнительного фактора, который мог бы повлиять на это обоснование, но, исходя из авторской позиции, не повлиял. Другой пример иллюстрирует контакт причинного союза *потому что* с маркерами обобщенно-уступительного значения *как бы... ни, какие бы... ни*: *Ключевая задача на ближайшие годы – индустриализация страны, резкое и мощное возрождение промышленности. Потому что, как бы резко, на какие бы десятки процентов за год ни рос аграрный сектор, в одиночку экономику из ямы он не вытянет* [10, с. 6]. Здесь, как и в случае, описанном выше, имеет место парцелляция причинного компонента в рамках единой многокомпонентной конструкции.

Наконец, обратимся к контакту союзных скреп с целевыми союзами. Очевидно, что есть структурные и семантические ограничения на включение в состав целевого придаточного какого-либо другого придаточного обусловленности. Соответственно контактное употребление функциональных союзов с целевым на первой позиции невозможно. Что же касается его второй позиции в контакте, мы обнаружили, хотя и однотипные, единичные случаи употребления причинного союза-частицы *ведь* в паре с целевым *для того чтобы*. См.: *Ведь для того, чтобы познать какой-нибудь объект, человек, то есть субъект познания, прежде всего должен проявить себя, проявить свою волю, свою энергию, выявить как можно полнее свои представления об этом объекте* [18, с. 199]. Построим МСП, имеющее в составе сочетание причинного и целевого союзов: *Поскольку, чтобы развить талант, необходимо много работать, не все одарённые от природы люди достигают успеха*. Хотя предложения такого рода допустимы формально и семантически, мы не наблюдаем подобных конструкций в нашей выборке. Непродуктивность контакта функциональных союзов с целевым объясняется, очевидно, усложнением смысла при таком построении. И язык находит более простые и ясные формы для выражения того же смысла. О закономерностях логико-семантической и синтаксической сочетаемости предикативных компонентов в ПСП (то же, что МСП – Н. Г.) пишет Г.Ф. Калашникова. «Определенная фор-

ма мысли воплощается в такую языковую форму, которая не нарушает логическую структуру мысли» [12, с. 42].

Сложные предложения с контактирующими союзами отличаются значительной информативностью, создаваемой как за счет семантики структурной схемы, позволяющей воплотить сложную и глубокую мысль, так и за счет повышенной компактности конструкции, делающей ее легко воспринимаемой. При этом контактное употребление функциональных союзов в структуре МСП встречается нечасто, по нашим данным, лишь в случаях постпозитивного расположения придаточного первого уровня подчинения, которое включает в себя другое придаточное или бинарное СПП второго уровня подчинения. К этим же случаям относятся и парцеллированные структуры как отдельно оформленные блоки/элементы МСП. Причинные союзы, находясь на первой позиции, хорошо контактируют с условными, уступительными, целевыми средствами связи, так как для выражения сложного обоснования придаточное причины в рамках МСП может включать СПП указанных значений. С другой стороны, условные союзы (*если, если бы*) легко образуют сочетания с союзами причины, следствия, уступки, находясь на второй позиции, указывая тем самым, что эти значения реализуются при том или ином условии. Контакт функциональных союзов с целевым в начальной позиции невозможен и весьма ограничен в случае расположения целевого компонента на втором уровне подчинения.

Литература

1. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис : учебное пособие для филологических специальностей университетов / В. А. Белошапкова. – Москва : Высшая школа, 1977. – 248 с.
2. Евтюхин, В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке / В. Б. Евтюхин. – Санкт-Петербург, 1997. – 198 с.
3. Ивкова, Е. Ю. Продуктивный тип фразеологизации в составе многокомпонентных сложноподчиненных предложений русского языка (на материале текста художественно-го произведения) / Е. Ю. Ивкова, Н. С. Ганцовская // Язык в слове, фразеологизме, тексте : коллективная монография (по материалам Международной научной конференции «Язык в слове, фразеологизме, тексте»). – Орел, 2015. – С. 97–101.
4. Ильенко, С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчинённого предложения / С. Г. Ильенко. – Ленинград, 1976. – 32 с.
5. Галкина, Н. П. Типология строительных средств условных сложноподчинённых предложений в произведениях естественнонаучного цикла / Н. П. Галкина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. Основной выпуск, № 1. – С. 55–58.
6. Галкина, Н. П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в современной публицистике / Н. П. Галкина. – DOI 10.24411/2499-9679-2019-10597 // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 4 (19). – С. 100–104.
7. Галкина, Н. П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) / Н. П. Галкина. – DOI 10.15393/uchz.art.2021.598 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021а. – Т. 43, № 3. – С. 32–40.
8. Галкина, Н. П. Текстовые категории и текстообразующий потенциал многокомпонентных соподчинительных

конструкций со значением обусловленности / Н. П. Галкина // Неофилология. – 2021б. (В печати).

9. Ганцовская, Н. С. Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в научном стиле современного русского языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Н. С. Ганцовская. – Москва, 1967. – 276 с.

10. Гурдин, К. Год земли и стали / К. Гурдин // Аргументы недели. – 2019. – 25-31 декабря 2019. – № 50 (694). – С. 6.

11. Зима, Е. В. Функционирование придаточных детерминантных в полипредикативном сложном предложении / Е. В. Зима // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы : Коллективная монография. Выпуск III. – Харьков : ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2012. – Вып. 3. – С. 144–150.

12. Калашникова, Г. Ф. Понятие сочетаемости языковых единиц и закономерности сочетаемости предикативных компонентов в полипредикативных сложных предложениях / Г. Ф. Калашникова // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы: Коллективная монография. – Харьков : ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2012. – Вып. 3. – С. 36–46.

13. Калашникова, Г. Ф. Роль полипредикативных сложных предложений с контактирующими союзами в образовании художественного текста А.П. Чехова / Г. Ф. Калашникова, Т. П. Станкович // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы: Коллективная монография. – Харьков : ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2012. – Вып. 3. – С. 235–246.

14. Лимонов, Э. Очнитесь же, грузины! / Э. Лимонов // Аргументы и факты. – 2019. – 3-9 июля. – № 27 (2016). – С. 5.

15. Литвина, З. Н. Особенности подчинительной связи в многочленном сложном предложении с сочетанием двух союзов типа «что если» / З. Н. Литвина // Ученые записки

Московского государственного педагогического института. – Москва, 1968. – Вып. 292. – С. 102–112.

16. Миронова, Т. Из-под лжи / Т. Миронова. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=110564&> (дата обращения: 19.06.2021). – Текст : электронный.

17. Мухин, Ю. И. Тирания глупости / Ю. И. Мухин. – URL: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book> (дата обращения: 19.06.2021). – Текст : электронный.

18. Новый мир. – 1960. – № 11. – С. 199.

19. РГ – Русская грамматика. В 2 томах. Т. 2. Синтаксис / Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан [и др.] ; главный редактор Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1982. – 714 с.

20. Семих, К. Агитпроп. Идеология победы / К. Семих. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения: 30.04.2021). – Текст : электронный.

21. Синдаловский, Н. Легенды петербургских садов и парков / Н. Синдаловский. – URL: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения: 10.05.2020). – Текст : электронный.

22. Скоробогатова, Е. А. Явление парцелляции в высказываниях, построенных по моделям полипредикативных сложных предложений / Е. А. Скоробогатова // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы : Коллективная монография. – Харьков : ХНПУ им. Г.С. Сковороды, 2012. – Вып. 3. – С. 139–144.

23. Смирнова, Ю. Получить 15 тысяч «отпускных» от государства / Ю. Смирнова // Комсомольская правда. – 2020. – 5–12 августа. – С. 7.

24. Соколов, М. Украсить кабинет детьми, Орешкин – это Сталин сегодня, обманутая донья Эльвира и синтетические рога дьявола / М. Соколов // Комсомольская правда. – URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/26981.7/4040473/> (дата обращения: 31.05.2021). – Текст : электронный.

N.P. Galkina

CONTIGUOUS FUNCTIONAL CONJUNCTIONS IN MULTICOMPONENT COMPLEX SENTENCES

The article is devoted to multicomponent complex sentences, which contain two or more subordinate clauses of cause, condition, purpose, concession, effect. Two contiguous functional or semantic conjunctions are observed when one of the clauses is included in the other. Complex sentences with contacting conjunctions are more informative and apprehensible due to interdependence of their constituent meanings and shortness. It is noted that contact use of functional conjunctions is not characteristic of multicomponent sentences. Cause conjunctions being in the first position are perfectly conjoined with the markers of condition, concession, purpose. Conditional conjunctions being in the second position are easily combined with conjunctions of cause, effect, concession. Contact of semantic conjunctions and purpose conjunctions in the first position is impossible and very limited when purpose conjunction is at the second level of subordination.

Dependence, contiguous conjunctions, subordinate clause of condition, reason, parceling, journalism, compatibility.

Н.С. Ганцовская
Костромский государственный университет

ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТОЛОГИ И ЗНАЧИМОСТЬ ИХ ОПЫТА ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОСТРОМСКИХ ЭТНОДИАЛЕКТНЫХ ЗОН

В статье описывается опыт полевых исследований вологодских диалектологов, планомерно изучающих говоры Вологодского края и отражающих этот опыт в разножанровых научных произведениях. «Словарь вологодского режского говора», созданный группой диалектологов под научным руководством Л.Ю. Зориной по экспедиционным следам, дал повод сопоставить лексику данного компактного ареала с аналогичными словарными данными костромских этнодиалектных зон. Были выявлены некоторые общие севернорусские этнодиалектные стереотипы – культураны – и намечены пути дальнейшего сравнительного анализа вологодских и костромских говоров в плане их лингвогеографических и этнодиалектных особенностей.

Вологодские диалектологи, вологодские и костромские этнодиалектные зоны, культураны.

Даже сегодня севернорусские говоры имеют достаточно сохранные оазисы диалектов, этой «живой старины», воплощающей в слове как стабильный опыт бытия этноса, так и мастерство точной характеристики новых различных житейских сущностей. В этом убеждаешься, читая последние (нового века) произведения – словари, монографии, записи текстов, статьи – вологодских диалектологов, чьи труды, основанные на полевых ежегодных экспедициях, множатся и множатся. Народная речь в них доставляет читателю новые знания в различных областях гуманитарных наук и подлинно эстетическое удовольствие. Таково, например, увидевшее свет в 2017 г. очередное лексикографическое произведение сплоченного многоопытного коллектива вологодских диалектологов – «Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)» (СВРГ). В Словаре представлена тематически разнообразная лексика говоров Режского сельсовета Сямженского района, этнически определенного, компактного региона вологодских говоров, расположенного по течению небольшой реки Режи (длиной 27 км), жители которого «вплоть до 80-х – 90-х годов XX века» были практически изолированы от центров культуры и «поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора» [СВРГ, с. 4]. Он многократно обследовался опытными вологодскими филологами-полевыми и их студентами во главе с Л.Ю. Зориной, словарные же статьи СВРГ составлены Е.П. Андреевой, С.Б. Виноградовой, Л.Ю. Зориной, Е.Н. Ивановой, Е.Н. Ильиной, Л.М. Козневой, Н.В. Комлевой, Т.Г. Овсянниковой и Л.Г. Яцкевич.

СВРГ – относительно новое, прекрасно подготовленное лексикографическое произведение, которое наряду с уже известными словарями вологодских говоров данного коллектива, как кажется, по богатству, достоверности и аутентичности материалов можно поставить в первый ряд областных отечественных

трудов такого рода. Органически примыкает к Словарю монография тех же авторов «Режские тексты» (РТ) под научным руководством и при активном участии Л.Ю. Зориной, где представлены расшифрованные записи режского диалекта и описание особенностей изучаемого говора по разным ярусам языка [РТ]. Поражает глубокий, долговременный и полный контакт вологодских полевых исследователей и их информантов. В разделе монографии «Плодотворное сотрудничество» Л.Ю. Зорина восхищается мудростью режков, их знанием народного слова, образностью речи: «Вот уже несколько лет мы учимся уму-разуму, оптимизму и житейской мудрости у Клавдии Яковлевны Игнашевой, жительницы деревни Монастырская Режского сельсовета Сямженского района. Я езжу туда один-два раза в год. Режу и режаков, то есть жителей этой местности, успела полюбить. <...> Многие разъяснения К.Я. Игнашевой, касающиеся старого уклада жизни, цитируются в Словаре вологодских говоров... Как правило, это образные, емкие, доходчивые фразы и пояснения... В конце высказывания поговорка...» [РТ, с. 18–19].

Вологда традиционно считается Меккой диалектологии, там родились и работали крупнейшие отечественные диалектологи и этнографы, там проводились наиболее значимые совещания, связанные с проблемами истории и диалектологии русского языка, и там в послевоенный период активизировалось постоянное полевое изучение вологодских говоров под руководством Т.Г. Паникаровской. Оно не прекращается и по сию пору благодаря самоотверженности Л.Ю. Зориной и ее коллег, любителей и знатоков местных диалектов, и дает прекрасные результаты в виде публикаций различного рода. Таков «Словарь вологодского режского говора», который можно считать эталонным лексикографическим описанием одной из типичных этнодиалектных вологодских зон, причем, если ориентироваться на установки академического диалектного членения ИРЯ РАН 1964 г., изложенного в книге «Русская диалектология» [6], эти говоры

можно признать типично периферийными, как бы квинтэссенцией особенностей Вологодско-вятской группы говоров.

Как известно, в классификации ИРЯ РАН 1964 г. в общих чертах определены основные различия соседних Вологодской и Костромской групп говоров, в последней «сочетаются черты северного наречия и северо-восточной зоны, но отсутствуют черты северной зоны, в чем состоит отличие языкового комплекса Костромской группы от Вологодской. Важной характерной особенностью основы языкового комплекса этой группы является и наличие в его составе ряда языковых черт центрального типа» [6, с. 227]. В связи с этим нами намечено провести более детальное сравнение (здесь оно представлено эскизно, на начальном этапе) лексики этнодиалектной зоны севернорусских режских говоров по этим и другим признакам с севернорусскими говорами этнодиалектных костромских зон: соседствующей с Вологодским краем зоной говоров междуречья Костромы и Унжи [СГКЗ] и значительно удаленной от вологодских говоров зоной говоров Костромского Приволжья по нижнему течению реки Костромы, вблизи областного центра (это говоры этнодиалектной зоны на территории современных Костромского, Буйского, Сусанинского и Судиславского районов, особенности которой описаны в ряде наших статей, из них назовем лишь некоторые: [2; 3; 4].

Соотнеся лексику этих костромских зон с лексикой режской этнодиалектной зоны, можно точнее определить место костромских говоров в диалектном членении севернорусских говоров, выявить лексику центрального и периферийного типа, позицию по отношению к лексическому составу литературного языка. На примере этих диалектных объединений, все еще отражающих особенности древнего славянского заселения их территорий двумя колонизационными потоками, первоначально из новгородских, а затем из владими́ро-суздальских земель, можно поставить разнообразные исследовательские задачи: 1) отражение в словаре как знаменательной, так и служебной лексики; степени представленности конститuentов тематических, лексико-семантических и деривационно-словообразовательных групп лексики; лексики нейтральной, экспрессивной, в том числе и оценочной; лексики общего и узкого распространения (ксенизм, профессионализм), исконно славянской, субстратной и заимствованной, нарицательной и проприальной, фразеологических единиц и т.д., что важно для установления границ историко-культурных и уже – этнодиалектных зон изучаемых ареалов; 2) соотношение лексики специфически диалектной и общенародного характера в аспекте их структурно-семантических и функциональных характеристик с целью определения близости к литературному языку и выяснению условий его формирования, а также наблюдения за центробежными процессами пополнения диалектов за счет ресурсов литературного языка, просторечия, жаргонизмов, слэнга.

Более узко в рамках данной статьи некоторые из поставленных задач мы постараемся выявить на основе словарных фрагментов на литеру «Б» режского и костромских словарей в аспекте сходства и различия

лексического состава вологодских и костромских говоров в нижеследующих их чертах (нами произведена выборка лексики из «Словаря вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области)» – СВРГ, «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской – СГКЗ, упомянутых выше, и «Словаря говоров Костромской низины «Костромское Заволжье» (рукопись) – СГКН.

Далее представим тематический состав лексики вологодских и костромских говоров. В тематической выборке отмечаем сходство лексики разных этнодиалектных костромских зон с эталонным списком лексики режского этнодиалектного ареала, возможно, неполное по структуре и семантике, подобно тому, что рекомендовано в п. VIII «Семантика и ареалы» Программы ЛАРНГ.

Лексика, характеризующая человека (со стороны родства, физических и других качеств, медицинских понятий), органы и части тела человека, мифические человекообразные существа, теонимы.

СВРГ: ◇ Бабка-яга́бка, Бабня́, Балабо́шка, Баловный, Балун, Банник, Барыньё, Батожник, Батько, Батюшка и Батюшко, ◇ Батюшко-доброхо́тушко, Бахвал, Бахвалистый, Бачару́ха и Бачеру́ха, Бачару́шка, Безвы́тица, Безго́док, Бездо́мок, Безлю́дьё, Безразвы́тица, Безразу́мок, Безу́мок, Бессты́док, Бе́рдя ◇ Как у Бе́рди на заводе. ◇ *Бог. На бога с палкой не кинешь-ся.* ◇ *На то бог. Богадельник, Богобаязный, Божатка, Божатушка, Божественный, Бойкой, Бойкова́той, Больша́к, Ботень, Большесеме́йный, Боялу́ха, Брат.* ◇ *Со сты́дом, как с братом, Братан, Брателко, Бри́ла, Брюхави́ца, Брюши́на.* ◇ Брюшина толстая, Бубе́нко, Будко́й, Булы́ши, Буту́ско. Бычо́к. ◇ Как божий бычок, Буксиря́нин, Буксиря́нка, Буталы́га.

СГКЗ: Банник, Банница, Батька и батько, Батя, Бахвал, Бахвалистый, Бахвалиться, Безгодо́вой, Бездо́мка, Бездо́мок, Безлю́дьё, Безмо́згатый, **Божатка**, **Бо́жий** ◇ **Божий человек**, ◇ *Божья невеста*, Бойкой, Больша́к, Большо́й ба́рин, Большу́ха, Большу́хонька, *Братан, Брательник* и *Братейник*, *Братка* и *Братко*, *Брату́ха, Братчик*, Бри́ла и Бры́ла, ◇ Бри́лу (бры́лу) оттянуть (развесить, распустить, натянуть), Бри́лан, Брюши́на, Брюшно́й ◇ Брюшная горячка, Брюшница́.

СГКН: Баба ◇ Молодая баба, ◇ Мужняя баба. Ба́бий ◇ Бабий ум. Бабёнка, Ба́бинка, Ба́бить, Ба́бища, ба́бка ◇ Повива́льная ба́бка, Бабу́сенька, Бабу́шенька, Бабу́шка и бау́шка, ◇ Бау́шка-соломо́ниха, Банник, Банница, Банный, ◇ Ба́нна кочерга́, Батюшка и Батюшко, Батюшка-това́рищ, Батюшко-баринушко, Батько, Беломо́я, Бельш, Бельмо́ ◇ Бельма за́лить, Бе́льна, Бог. ◇ *Бог в по́мочь!* ◇ *Бог на по́мочь!* ◇ *Бог в по́мочь!* ◇ *Бог велел.* ◇ *Бог всемо́гуц.* ◇ *Бог ми́ловает.* ◇ *Бог прибра́л.* ◇ *Бог за това́ром.* ◇ *Бог приста́нет.* *Боговы́й.* ◇ *Бо́гова стару́шка. Богомо́лётство, Богомо́льный, Богопи́сец, Болотный, Болотник, Больша́к, Большу́ха, Братан, Брататься, Братейник, Брательник, Братия, Братка, Брату́ха, Братец.* ◇ *Братцы-хвату́цы, сёстры-подлизу́шки, Братчик, Братчина.*

Лексика растительного мира. Термины полеводства.

СВРГ: Ба́бка, Бабу́шка, Багу́ла, Багу́листый, Барда́, Беломо́йка, Белоу́с, Беля́нка, Бережи́на, *Берёзина*, Бобо́к, Боде́нь, Борово́й ◊ Маслу́ха борова́я, Борода́вочник, Бревенни́к, Бревенный, Бруни́ха, Брунь, *Брусёна*, *Брусни́ца*, *Брусни́чник*.

СГКЗ: Ба́бка, Багу́н (багу́ла, багунёц, багу́нник), Бережнѣк, Бережо́к, *Берёзина*, *Берёзник*, *Берёзюшек*, *Березня́к*, Бобунёц, Борови́на, Борови́нка, Борово́й, Боры́, *Брусёна*, *Брусни́ца* и *Брушнѣца*, Болоти́на.

СГКН: Ба́бка, Ба́бочка, ◊ Ба́бьи уши, Белоту́рка, Белоу́с, ◊ Бѣлые калачи́ки, *Берёзник*. ◊ *Ба́рский березник*, *Березня́ки*, *Берёзовик*, *Берёзовка*, *Болотница*, *Болотня́к*, *Брусни́ка*, *Брусёна*, *Брусни́ца*.

Постройки, термины строительства.

СВРГ: Ба́йна, бала́н, бала́нина, барда́, ◊ *Бѣлая ба́ня*, Бревно́ ◊ Княчкóвое бревно, ◊ Черепово́е бревно.

СГКН: Ба́йна, Ба́нница, Ба́нька, Ба́ня. Ба́ня по-бѣлому, ◊ Ба́ня по-чѣстому, ◊ Ба́ня по-чѣрному, Бельѣ́йк, Бугра́, Бучи́льня.

Артефакты, инструменты, профессиональная лексика, одежда.

СВРГ: Бараба́н, Бараба́нка, Бараба́шка, Барахли́на, Бато́г и бато́г, Бато́жо́к, Бато́жчик, Бахи́лы, Бело́, ◊ Бело́ мыть! ◊ Дава́й бело́! Бель ◊ Бель бело́щая, Бе́рдо ◊ Из берда́, Бесе́дка, Бор (Боры́), Бо́ркало, Борода́, Бо́рок (борки́), Босови́ки, Бо́тало, Ботан, Бо́ты, Бра́гын, Бра́гinya, Бреда́ть, Бро́док, Брючо́шки, Бубено́к, Бубешо́к, Бук, Буты́лка ◊ Бутылка в рыле, Бусери́на, Бухти́на, Бу́чить.

СГКЗ: *Бато́г* и *бато́г* (*ба́дик*), Бала́нец, Бала́нина, Бараба́н, Бараба́нить, Бараба́нка, Бараба́нный ◊ *Бараба́нная музыка*, Барахо́лец, Барахо́лка, Бахи́лы, Бело́. ◊ Бело́ на платье. ◊ Бѣлы лебе́ди летя́т, Бе́рдычко, Бе́рдо, ◊ Большо́й праздни́к, Бо́ркать, ◊ Бо́роду вертѣ́ть, ◊ Овся́ная борода́, Бот, Бо́тало, ◊ Бо́тало коровье, ◊ Как бо́тало, Бо́тка, Бо́тушка, Бра́тина, Брать, Бук, Бу́хта, Бухти́на, ◊ Бухти́ну гнуть, Бучи́ть.

СГКН: Ба́бка. ◊ Бить на ба́бке ко́су, Ба́бки, *Бараба́нка*, *батог*, бахи́лы, Бели́ть. ◊ Белёный суп, Бели́ться, Бѣлое, Белонóжка, ◊ Бѣлая корзина, ◊ Бѣлая печь, Бель, Бельѣвуха, Бельѣвущка, Бельѣ. ◊ На́стить бельѣ, Берёзник, Болотники, Бу́ча, Бу́чило, Бу́чить, Бучи́льня, Бу́читься.

Слова, обозначающие фрагменты духовной жизни человека, его состояние, ментальные понятия.

СВРГ: Баса́, Басенка, Ба́си ◊ Ляси-ба́си то́чить. Баси́на, Баси́нка, Баси́нный, Басня́, Баско́ ◊ Ещѣ не басче, Баско́й, Бахв́алить, Басу́лина, Басу́линка, Басу́лька, Ба́ся, Баго́жничать, *Бесе́дка*, Блѣндвыш. ◊ Блѣндвыша поймать, Блин. ◊ Печь блины, Бо́лезнь (бо́лесь), Бо́чаться, Бра́живать, Брать. ◊ Брать на память, ◊ Брать с полки, ◊ Брать такими ко́чами, ◊ С огня́ берѣ́, Бро́сить. ◊ Вынь да брось! Будко́й. Буза́. ◊ Наводи́ть бузу́.

СГКЗ: Ба́ский и Баско́й, Ба́ско, Бастѣ́й, Бастѣ́н, *Бесе́да*, *Беседка* и *Бесѣдки*, *Бесѣдник*, *Бесѣдница*, *Бесе́дочки*, *Бесе́дуи!* *Бесе́дуите!* *Божѣственные праздни́ки*, *Божни́ца*, *Бо́жья*.

СГКН: Ба́бик, *Бесе́да*, *Бесѣдки*, *Бесѣдник*, *Бесе́дуи*, *Бесе́ды*, ◊ *Богорóдицын день*, *Богоявлѣнный*. ◊ *Богоявлѣнный образ*. ◊ *Богорóдицын день*. *Боготá*, *Божий*. ◊ *Бо́жий угол*. ◊ *Божья воля*. ◊ *Бо́жья душа*. *Божни́ца* и *божени́ца*, *Бозна́ть*, Болѣзненный, Болѣзный, Бо́лесь, Бо́лесь и Бо́лесь (бо́лесь), Бо́леток, Бо́лѣк, Бо́ль, Бо́лка, Бо́лкий и бо́лкой, Бо́лько, *Бо́лошка*, *Бо́лявий*, ◊ Большо́й праздни́к.

Сравнение вологодской монодиалектной этнозоны с полидиалектными костромскими зонами, на наш взгляд, несколько некорректно по причине несовпадения величин их территорий и разницы в количественном составе диалектных единиц, а также в определенной степени несходно из-за разных подходов к осуществлению дифференциального принципа отбора диалектизмов, который вологодские авторы соблюдают строго, а костромские понимают широко, почти приближаясь к закономерностям составления словаря полного типа (по примеру Лексического атласа русских народных говоров). Кроме того, костромичи используют не только полевые материалы, но для иллюстраций широко применяют фольклорные и книжные источники. К тому же мы исключили из рассмотрения непредметную лексику и, вследствие малочисленности состава, лексику по темам «Животный мир», «Ландшафт, погода», «Еда».

Однако полагаем, что отобранный нами материал релевантен (при всей относительности выделения тематических групп) для определения как сходных, так и отличительных черт анализируемых говоров вследствие достаточно представительного количества общих изоглоссов и тех особенностей употребления лексики вологодской и костромских зон, которая обусловлена особенностями бытия носителей говоров в области материальной и духовной культуры, т. е. этнодиалектными данными. На основании этого можно определить наиболее типичные лексические стереотипы или маркеры территорий, назовем их культурами по примеру разработок Мачея Рака, представителя этнолингвистической школы Ежи Бартминьского (см. об этом: [5; 7]). Эта лексика наиболее устойчива в пространственном и временном плане, она обозначает наиболее культурно значимые этнические явления, частотна, обладает высокими деривационными (словообразовательными) способностями, употребима в устойчивых оборотах. Что касается последних, то можно отметить их значительное количество и разнообразие как в вологодских, так и в костромских текстах. Так, Е.П. Андреева, автор-составитель раздела СВРГ на букву «Б», говорит о своеобразии региональных фразеологизмов, в том числе и за счет использования в их составе диалектных слов: «Так, слово *батог* в значении ‘палка, посох’ мотивирует значение фразеологизмов *батог свищет*, (*шумит*) (у кого) ‘о быстрой ходьбе’, *идти под батог* ‘заходить в дом, когда хозяев нет дома и дверь подперта палкой’. Последний фразеологизм отражает крестьянский обычай не запира́ть дверь: в отсутствие хозяев никто не войдет в дом» [1, с. 3].

Наше предварительное обследование (для более точного требуется использование, как это постулировал Б.А. Ларин, большей полноты материала) показало наличие в отдельных этнодиалектных вологодских и костромских зонах общих лексических стереотипов – культурем, которые устойчиво и выразительно выделяются среди словарного богатства края. Это лексика, как правило, традиционного характера, частотная, активного употребления, любой тематической характеристики, но может быть и непредметной, имеющая обширное словообразовательное гнездо и нередко являющаяся частью фразеологизмов. Нами она выделена курсивом в составе тематических групп. Так, например, лексика с корнем *бог-* все еще частотна и семантически значима, образует разветвленные словообразовательные гнезда, может быть любых стилистических характеристик, чаще положительных, и любой частеречной принадлежности. М. Рак лексемы *бог* и *богородица* называет типичными культурами в подхалинских польских говорах, но на русских территориях, хотя Богородица и чтима, ее культура, подобного польскому, нет, и поэтому она менее употребительна и не является там культуремой.

Таковы наши первые и предварительные итоги сравнительного обследования этнодиалектных зон вологодских и костромских говоров, что, несомненно, в дальнейшем, при их продолжении в разных направлениях, могут принести зримые результаты для уточнения лингвогеографических и историко-культурных характеристик изучаемых диалектных русских группировок.

Источники

СГКЗ – Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб «Книго-век», 2015. – XXXI, 512 с.

РТ – Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта. Монография / Е.П. Андреева, Е.Н. Варникова, Е.П. Глебова, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Иванова, Е.Н. Ильина, Н.В. Комлева, Т.Г. Овсянникова / науч. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 281 с.

Семантика и ареалы. VIII // Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Научно-методическое пособие. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 325–335.

СГКН – Словарь говоров Костромской низины КОСТРОМСКОЕ ПРИВОЛЖЬЕ. Словарные статьи на лите-ру «Б». (рукопись, хранится в Лаборатории лексикологии и лексикографии КГУ).

СВРГ – Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / науч. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВоГУ, 2017. – 604 с.

Литература

1. Андреева, Е. П. Фразеология режского говора в лингвокультурологическом аспекте / Е. П. Андреева // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тезисы докладов Международной конференции (Москва, 30 октября – 1 ноября 2015 г.). – Москва : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. – С. 3.

2. Ганцовская, Н. С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения / Н. С. Ганцовская // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23 [спец. вып.]. – С. 65–70.

3. Ганцовская, Н. С. Принципы, методы и источники словаря костромских говоров «Костромское Приволжье» / Н. С. Ганцовская // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы Международной конференции (Москва, 26–28 октября 2018 г.). – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. – С. 65–67.

4. Ганцовская, Н. С. Этнодиалектные маркеры говоров Костромской низменности / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова // Притяжение Севера: язык, литература, социум : материалы I Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск : Петр.ГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 200–213.

5. Рак, М. Автостереотип гурала по результатам лингвистического эксперимента / М. Рак // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край : сборник материалов и исследований международной научной конференции (Кострома, 7–9 ноября 2016 г.). – Кострома : КГУ, 2016. – С. 283–288.

6. Русская диалектология / под редакцией Р. И. Авансова и В.Г. Орловой. – Москва: Наука, 1964. – С. 228–229.

7. Rak Maciej. Kulturom podhalańskie / Rak Maciej // Z prac Wydziału Polonistyki Uniwersytetu Jagiellońskiego / «Biblioteka „LingVariów”». Т. 19. Redaktor naukowy serii Mirosław Skarżyński. – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2015.

N.S. Gantsovskaya

VOLOGDA DIALECTOLOGISTS' VALUABLE EXPERIENCE OF FIELD RESEARCH IN STUDYING KOSTROMA ETHNODIALECT ZONES

The article describes the experience of field research of Vologda dialectologists who systematically study the dialects of the Vologda region and present this experience in scientific works of different genres. «Dictionary of the Vologda Rezhsky Dialect» compiled by a group of dialectologists under the scientific supervision of L.Yu. Zorina was based on expeditions' results. The Dictionary gave a reason to compare the vocabulary of this small area with the similar lexical material of the Kostroma ethnodialect zones. Some common North Russian ethnodialect stereotypes – culturemes – were identified and the ways for further comparative analysis of the Vologda and Kostroma dialects in terms of their linguogeographic and ethnodialect features were outlined.

Vologda dialectologists, Vologda and Kostroma ethnodialect zones, culturemes.

Н.Ю. Грибовская

Тверский государственный медицинский университет

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПИЩЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВЕРСКИХ ГОВОРОВ)

Статья является попыткой реконструкции фрагмента региональной языковой картины мира, связанной с отношением человека к пище. Лексика исследуемой семантической сферы характеризует человека по таким параметрам, как способ потребления пищи, количество принимаемой пищи, вкусовые пристрастия. Семантико-мотивационный анализ показывает, что зафиксированные в языке особенности пищевого поведения человека воспринимаются как нарушение этических и социальных норм.

Диалектология, говоры, региональная языковая картина мира, образ человека в языке.

Несмотря на многочисленность исследований, посвященных образу человека в диалектной картине мира, эта тема продолжает оставаться актуальной. К диалектному слову как к источнику культурологической информации о человеке обращаются диалектологи Т.И. Вендина, Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева и др. Диалектный материал, собранный на территории Тверской области, позволит выявить народные представления о человеке, присущие региональной языковой картине мира. Некоторые качества человека (характеристика по внешности, гордости, упрямству, по отношению к собственности), запечатленные в лексике тверских говоров, уже рассматривались раньше [4; 5; 6]. В данной статье мы попытаемся реконструировать фрагмент региональной языковой картины мира, связанный с отношением человека к пище.

Материалом для анализа стала лексика тверских говоров, вошедшая в «Тематический словарь говоров Тверской области», пять выпусков которого были подготовлены и изданы с 2002 по 2006 годы, диалектная лексика, собранная в районе бассейна озера Селигер и отраженная в словаре «Селигер: Материалы по русской диалектологии», а также лексика из картотеки говоров Тверской области, хранящейся на кафедре русского языка Тверского государственного университета.

Лексико-семантическое поле «Характеристика человека по отношению к пище» в тверских говорах является достаточно объемным. 99 лексических единиц номинируют человека по таким параметрам, как способ потребления пищи, количество принимаемой пищи, вкусовые пристрастия.

При характеристике человека по способу приема пищи имеет значимость скорость ее потребления. 10 лексических единиц (все субстантивы) номинируют человека, который ест слишком медленно или слишком быстро. *Межеёдок* – ‘тот, кто медленно ест’ (ТСГТО, вып. 4, с. 71), *мямля* – ‘медленно, лениво пережевывающий пищу’ (Там же, с. 15), *рассула́й* – ‘медленно пьющий, неловкий человек’ (Там же, с. 23), *зубарь*, *зуба́стик* и *ва́рызгало/а* – ‘тот, кто скоро ест’

(КГТО), *лохте́ря* – ‘тот, кто жадно, быстро уплетает пищу’ (КГТО). Быстрый и медленный прием пищи одинаково осознаются как отклонение от нормы. Многозначные лексемы и лексемы с диффузным значением образуют зоны пересечения с микрополями, характеризующими человека по особенностям моторики (неловкого, медлительного) и отношению к труду (ленивого), свидетельствуя о смежности соответствующих понятий в народном представлении.

Также фиксируется в языке нарушение режима питания. Лексемы *кусóвник*, *кусóвница* (ТСГТО, вып. 4, с. 75) и *кусоло́вник*, *кусоло́вица* (Там же), имеющие значение ‘тот, кто ест на ходу, торопясь, когда попал’, мотивированы диалектными глаголами *кусовничать* и *кусоловничать* – ‘есть на ходу, всухомятку, не дожидаясь определенного времени’. *И за стол не сядете со всеми, все кусоловничаете. Опять кусовничаете, обеда дожидитесь!* (КГТО). В то время как в литературном языке номинации человека, нарушающего время приема пищи, отсутствуют, в тверских говорах этот участок семантической сферы оказывается проработанным, что свидетельствует о значимости соблюдения порядка в приеме пищи в региональной языковой картине мира.

При характеристике человека по вкусовым пристрастиям активной проработке подвергается сектор микрополя, репрезентирующий человека, любящего вкусно поесть. Склонность к вкусовым излишствам воспринимается диалектоносителями как нарушение нормы, получая языковую маркированность. 6 лексических единиц (все субстантивы) имеют в тверских говорах значение ‘лакомка, сластена’ – *лакомогу́з*, *слíза*, *ули́вень*, *ули́вник*, *слябу́н/слябу́нья*, *солóща*.

При характеристике человека по количеству принимаемой пищи высокой номинативной плотностью отличается сегмент микрополя, репрезентирующий человека, который много ест. В то же время обнаруживается лакуна в репрезентации человека, который ест мало. Это может свидетельствовать о том, что в сознании диалектоносителей нарушением нормы яв-

ляется лишь превышение количества потребляемой пищи. 54 лексические единицы (49 субстантивов и 5 адъективов) в тверских говорах имеют значение 'обжора' – *брюхоня, бряхоня, едун, едунья, едоха, едочка, едачка, живоглот, лакала, лакало, лопала, лопя, мамоня, мамон, мешок, мялица, мяло, навалющий, настегай, ненасыть, облоёжа, облопжа, обрюда, обрюта, объёда, оплёта, оплетуха, пендюх, пентюх, пентюшник, прибируха, прибирущий, приваленный, разора, разорва, солущий, стebuнина, трескун, убериха, убериха, уберуша, уберуха, уборчиный*.

Лексика этой группы преимущественно негативная, имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску. Исключением являются лексемы *едоха, едун, едунья, едачка, едочка* – 'тот, кто ест много и с удовольствием' (Селигер, вып. 2, с. 64). Мотивированные стилистически нейтральным глаголом *есть*, они не несут ярко выраженной экспрессии или оценки и чаще используются носителем диалекта по отношению к самому себе. *Какая я едоха, чайку попью и хорошо. Бывает наготовлю много, я-то какая едачка, вдруг кто хороший придет. Ты знаешь, какая я едунья, я плохо ем. Вот батька у меня едун был, горазд есть любил* (Там же).

Обращает внимание асимметричность в соотношении субстантивов (49) и адъективов (5) в данной группе лексем. Подавляющее преобладание субстантивов является показательным, поскольку субстантивация усиливает экспрессию при характеристике качеств человека. «Существительное ставит клеймо, “запечатлевает” человека. Это приговор. Назвать значит обозвать. Прилагательное же характеристика, и она может отрицаться» [1, с. 62].

Выражению экспрессии лексем данной семантической сферы также способствует их прозрачная внутренняя форма. Сквозным мотивом для номинаций человека, который много ест, является мотив вместилца. Данный мотив реализован с помощью соматической метафоры в номинациях, объект которых маркируется по органу пищеварительной системы человека. Различные просторечные и диалектные наименования живота (желудка) человека являются лексическими мотиваторами ряда диалектных номинаций. *Брюхоня*, а также фонетический вариант *брыхоня* от просторечного *брюхо*. *Мамон*, а также вариант *мамоня* от диалектного *мамон*, т. е. 'живот'. *Живот у нас зовется мамон, вот мамон заболел. Во мамон отрастил от хорошей жизни* (Селигер, вып. 3, с. 257). *Пентюшник, пендюх, пендюх* – от диалектного наименования живота *пентюх* (фонетический вариант *пендюх*). *Набил пендюх!* (КГТО).

Актуальным для микрополя является также мотив поглощения, воплощенный в номинациях, мотивированных различными глаголами со значением 'принимать пищу' – литературными и просторечными, диалектными. *Объёда, едун, едоха* – от общепотребительного глагола *есть*. *Лопя, лопала, трескун* от просторечных глаголов со значением 'есть' – *лопать* (МАС, т. 2, с. 200) и *трескать* (Там же, т. 4, с. 406). *Мяло, мялка, мялица, мятюля* – от диалектного глагола *мять*, т. е. 'жевать, есть'. *У меня в детстве привычка такая, сижу, все что-то жую «Что ты все*

мнешь? Погодить-то можешь? – мне мама говорила. – Мялка ты» (Селигер, вып. 3, с. 326). *Сё мятюлишь, весь хлеб смятюлил, к ужину не осталось* (СРНГ, вып. 19, с. 93). *Оплетуха, оплёта* от глагола *оплетать* – 'торопливо, много и жадно есть' (Там же, вып. 23, с. 264). *Настегай* – от глагола *настегаться* в значении 'наестся досыта жидкой пищи' (Там же, вып. 20, с. 190), *стебунина* от глагола *стебать*, т. е. 'есть что-л. жидкое, хлебать' (Там же, вып. 41, с. 105). *Убериха, приберуха, уберуша, уберуха* от глагола *убираться* в значении 'есть, съедать все без разбора, без остатка'. *Он за обе щеки убирает* (Там же, вып. 46, с. 122). *Ненасыть* – от *насытиться*, *живоглот* – от *глотать*, *лакала* и фонетический вариант *лакало* – от глагола *лакать*, т. е. 'пить, зачерпывая жидкость языком' (МАС, т. 2, с. 161).

Объект номинации в ряде случаев маркируется по внешнему виду. *Обрюда* и фонематический вариант *обрюта*, помимо значения 'обжора', в тверских говорах имеют значения 'болезненно толстый, обрюзглый' и 'человек с толстым лицом', мотивированные глаголом *обрюзгать*, (*обрюзнуть*), т. е. 'опухать, обрюзгнуть'. Этот же мотив реализован в номинации *мешок* – 'обжора' (КГТО), содержащей образную трактовку человека, поглощающего пищу в больших количествах. Основой для метафорического переноса может быть внешнее сходство (набитый мешок) и общая функция (беспорядочное потребление пищи в больших количествах, «как в мешок»). Номинации *облоёжа* и *облопжа*, мотивированные диалектным прилагательным *облый* 'круглый, толстый' (СРНГ, вып. 22, с. 114) и глаголами *есть, лопать*, маркируют человека как по внешнему виду, так и по действию.

Многозначные лексемы данного сектора лексико-семантического поля образуют зоны пересечения со смежными микрополями, отражая представление о человеке, который ест много, как о нарушителе социальных и этических норм. Так, обжора воспринимается как жадный и завистливый человек. *Облоёжа* – 'тот, кто много ест' *Ест и не наестся, и «аблаежа» говорят. Аблаежа ест много, абжора* (Селигер, вып. 4, с. 173) и 'завистливый человек' (ТСГТО, вып. 4, с. 67). В этой же зоне пересечения находится лексема *прибируха* – 'завистница' (Там же, с. 81) и 'обжора' (Там же).

Пересечение с микрополями, характеризующими человека по умственным способностям, по отношению к труду, по особенностям моторики образуют лексемы *мамоня* – 'обжора' (Там же, с. 14) и 'лентяй, разиня' (КГТО); *пендюх* – 'о человеке, склонном к обжорству' (Там же), 'о ленивом человеке' (ТСГТО, вып. 4, с. 75), 'о глупом, бестолковом, несообразительном человеке' (Там же, с. 75), 'о неуклюжем человеке' (Там же, с. 20).

Пересечение с микрополем, характеризующим человека по моральным качествам, образуют лексемы *лакала* (вариант *лакало*) – 'обжора, дармоед; неблагодарный человек' (ТСГТО, вып. 4, с. 58); *пентюшник* – 'обжора' (Там же, с. 20) и 'неблагодарный человек' (Там же, с. 75).

Таким образом, диалектная лексика исследуемой семантической сферы содержит оценочные и ценностные характеристики, а потому представляет инте-

рес с аксиологической точки зрения. «Аксиологизация отношения к еде не случайна: как известно, прием пищи в народной традиции является далеко не «физиологическим» актом, а жестко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями, нередко становясь составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов [2, с. 28].

Для диалектоносителей оказывается значимым и получает языковое воплощение слишком медленный или слишком быстрый прием пищи, несоблюдение режима питания или еда не за столом, а «на ходу», пристрастие к лакомствам, превышение количества потребляемой пищи. Эти особенности пищевого поведения человека воспринимаются как нарушение этических и социальных норм. Наибольшему осуждению подвергается человек, который много ест, что находит отражение в тщательной проработанности соответствующего участка семантической сферы и в преобладании экспрессивной лексики с негативной оценкой. В региональной языковой картине мира обнаруживается связь между обжорством и ленью, обжорством и жадностью, обжорством и глупостью, обжорством и неловкостью, обжорством и неблагодарностью. Очевидна социальная ориентированность номинаций, характеризующих человека по отношению к пище. Здесь мы видим тот самый «мерцающий свет» социальной этики, что свидетельствует о том, что при взаимодействии биологических и социальных факторов происходит их преобразование под влиянием социокультурного опыта человека [4, с. 60]. Поведение человека по отношению к основной физиологической потребности осмысливается в социальном аспекте, получая оценку общества с точки зрения соблюдения нравственных норм.

Источники

КГТО – Картотека говоров Тверской области – хранится в диалектологическом кабинете кафедры русского языка Тверского государственного университета. Тверь, ТвГУ.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы. 1999.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А.С. Герда. – Санкт-Петербург; Тверь, 2003–2017. – Вып. 1–7.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т.В. Кирилловой. – Тверь: Золотая буква, 2002–2006. – Вып. 1–5.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Вып. 1–50. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018 (издание продолжается).

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

2. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва: Индрик, 2007. – 600 с.

3. Вендина, Т. И. Антропология диалектного слова / Т. И. Вендина. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. – 684 с.

4. Грибовская, Н. Ю. Микрополе «упрямый» в диалектной языковой картине мира (на материале тверских говоров) / Н. Ю. Грибовская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2017. – Вып. 3. – С. 202–207.

5. Грибовская, Н. Ю. Тверская диалектная лексика, характеризующая гордого человека (семантический и мотивационный аспекты) / Н. Ю. Грибовская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2018. – Вып. 3. – С. 76–80.

6. Грибовская, Н. Ю. Эстетическая оценка внешности человека в диалектной картине мира (на материале тверских говоров) / Н. Ю. Грибовская // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – 2019. – Вып. 3. – С. 87–93.

N.Yu. Gribovskaya PEOPLE'S NAMES BASED ON EATING BEHAVIOUR (ON THE MATERIAL OF THE TVER DIALECTS)

The article makes an attempt to reconstruct a fragment of the regional linguistic picture of the world, which represents a person's attitude to food. The vocabulary of this semantic sphere characterizes a person according to such parameters as a method of food consumption, amount of food taken, taste preferences. Semantic and motivational analysis shows that the peculiarities of eating behavior represented in the language are perceived as a violation of ethical and social norms.

Dialectology, dialects, regional linguistic picture of the world, the image of a person in the language.

Л.Я. Костючук
Псков

**СОДРУЖЕСТВО СОВРЕМЕННОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО
В «ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»
(ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ Б.А. ЛАРИНА В РАБОТЕ ЛЕКСИКОЛОГОВ И ЛЕКСИКОГРАФОВ
НА ПРОТЯЖЕНИИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ)**

В год 60-летия Межкафедрального словарного кабинета на филологическом факультете СПбГУ, известного до сих пор среди лингвистов разных профилей и нашей страны, и прежде всего лексикографов за рубежом, подводим итоги реализации идей Б.А. Ларина, талантливого организатора науки, создавшего МСК, сплотившего коллектив своих учеников и последователей. Коллектив действует, реализуя идеи учителя и передавая опыт новым участникам. Продолжающаяся работа над новаторским «Псковским областным словарем с историческими данными» расширяет горизонты исполнителей и исследователей, приводит к содружеству ученых разных интересов. Статья освещает значимость многоаспектного подхода к изучению слов народного языка в синхронии и диахронии, с учетом возможности применения сравнительных и сопоставительных подходов. В помощь богатейшая Картоотека ПОС: диалектная – уникальных псковских говоров XIX–XXI вв. и историческая – по псковским памятникам XIII–XVIII вв. (с учетом записей псковской речи иностранцами).

Идеи Б.А. Ларина, синхрония и диахрония, псковские говоры, областной словарь с историческими данными.

В послевоенное время обострился интерес и к точным, и к гуманитарным научным проблемам, традиционным и новым. Известно понимание современной филологии как «содружества гуманитарных дисциплин». Высказано такое понимание было С.С. Аверинцевым в середине 60-х гг. [1, с. 99–101].

Задолго до этого Б.А. Ларин в середине 40-х гг. в статье «Значение работ академика Л.В. Щербы в русском языкознании» писал о вкладе ученого в многогранную науку: «Самыми актуальными Л.В. Щерба считает у нас задачи создания русских грамматики и словарей, которые отвечали бы языковой действительности, свободны бы были от всяких традиционных и формалистических предрассудков схоластической школьной грамматики» [4, с. 693]. В 1940 г. Л.В. Щерба был назначен председателем Диалектологической комиссии в Академии наук, и роль именно такого председателя была велика: он хорошо знал диалекты славянских языков, европейских, был заинтересован и в работе над атласами и словарями. «Еще в конце июля 1944 г. Л.В. Щерба во время тяжелой болезни, истощившей его жизненные силы <...> руководил работой диалектологической конференцией по севернорусским говорам в Вологде и, верный своему основному лозунгу – везде и всегда учиться и искать новых путей, – провел для собравшихся на конференции опытных русских диалектологов увлекательный семинар по фонетике» (Там же, с. 691–692). Б.А. Ларин тоже был участником этой конференции по проблемам продолжения начатых учеными до войны исследований по созданию и лексикографических трудов, в частности «Диалектологического атласа русского языка». Б.А. Ларин даже в эвакуации совершил несколько экспедиций и как руководитель,

и как собиратель по севернорусским говорам (вопреки даже своему нездоровью), составлял новые планы на мирное время. Об этом он рассказывал в письмах 1943–1944 гг. своей аспирантке С.М. Глускиной на полевую почту [10, с. 220–224]. Участники конференции 1944 г. верили, что близко окончание войны и знали, что надо продолжать начатое и, обсудив, начинать и новое в науке.

А мы помним конференцию, тоже состоявшуюся в Вологде во второй половине XX в., посвященную Вологодской конференции 1944-го года, на которой присутствовали еще некоторые участники 44-го...

В послевоенное время было много радостных, но и смутных периодов в судьбах науки. Это коснулось и Б.А. Ларина. Но он со «старой гвардией» своих учеников и уже с новыми, сплоченными в коллективной работе, выстоял. Под руководством творческого наставника ученикам удалось многое преодолеть, также и начинать или продолжать, а затем завершать. Б.А. Ларин, выстояв при разгроме со стороны центрального начальства ведшейся с довоенного времени коллективной работы над «Древнерусским словарем» на базе уже имеющейся Картоотеки ДРС и с готовыми пробными словарными статьями, продумал создание нового дома на развалинах разрушенного. И в 1960 г. ученый организовал на филфаке ЛГУ известный Межкафедральный словарный кабинет для осуществления новаторских идей, касавшихся создания разнообразных уникальных словарей. И незамедлительно пошло продолжение работ, и уже началась работа над новыми словарями.

В 1962 г., 15 января, на объединенном ученом совете филологического факультета ЛГУ при участии партактива Б.А. Ларин выступил с прекрасным док-

ладом (с показом свершенного и реально прогнозируемого) по проблеме «О филологии близкого будущего». Среди многих направлений в науке, учитывающих ценное для народа, отмечалось: «Филологи нашего времени, как медики или инженеры, служат народу, удовлетворяя его повседневные нужды и вековые запросы. Многие из них даже свою работу над памятниками давно минувших эпох смогли обратить в актуальную, острую волнующую борьбу за воскрешение будущего» [6, с. 194]. Это подчеркивает взаимодействие синхронного и диахронного подходов к изучению материала.

Справедливо утверждение на основе проверенной практики: «Симптоматично и заметно расширение в филологии круга больших проблемных работ. Все шире распространяется убеждение, что коллективные научные труды скоро станут основным видом творческих ученых» (Там же). И как образец таких перспективных по своей значимости для настоящего времени и науки проблем, которые решаются коллективами, докладчик ссылается и на уже известные лексико-картографические (атласы) и лексикографические (словари) начинания.

На рубеже 50–60-х гг. в МСК Б.А. Ларин со своими учениками принял решение создавать новаторский в мировой лексикографии «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС). Прежде всего это полный словарь: он объединяет все местные слова, употребленные в зафиксированных псковских материалах народной речи на протяжении XIX–XX (теперь и XXI) вв. и обнаруженные местные слова в произведениях богатейшей псковской письменности XIII–XVIII вв. (список источников был сразу составлен Б.А. Лариным, но по мере надобности пополняется обнаруженными позже). Итак, ПОС – одновременно региональное и историческое лексикографическое описание псковской лексики от XIII в. Такое решение было основано на уже созданной по ларинской методике основательной Картотеке ПОС.

В 1960 г. состоялась Псковская I диалектологическая конференция с участием диалектологов не только из Ленинграда и Пскова. Спланировал и возглавил ее Б.А. Ларин. Официально было утверждено сотрудничество двух коллективов. Обсудили ларинскую «Инструкцию Псковского областного словаря» и опубликовали ее [5, с. 252–271]. Работа над ПОС продолжается и в настоящее время (вышло 28 выпусков, подготовлено еще несколько, создаются очередные).

Творческий подход, завещанный руководителем, позволяет ученикам за эти десятилетия совершенствовать работу, учитывая основу замыслов учителя к каждому из словарей, основанных им: поэтому до сих пор заканчивают начатые работы, начинают спланированные, задумывают новые. И стараются видеть, выяснять необычное, то есть проводить научные исследования. На очередных традиционных Ларинских чтениях в середине января 2021 года, посвященных 60-летию Межсловарного кабинета в СПбГУ, подвелись итоги реализации идей Б.А. Ларина за 60 лет.

Покажем далее некоторые неизбежные «встречи» в словарном материале и значимость увиденного в системе многогранного народного слова прошлого и настоящего, сохраненного писцом или информантом.

Словарная статья общерусского слова **Весна́** с известным значением ‘время года между зимой и летом’ возглавляет однокоренное гнездо с 14 единицами, многие из которых многозначны (не на одной странице ПОС). В современных говорах общерусское значение обнаруживает при сохранении всей сути смысла, относящегося ко времени года, приобретает свойство собственного имени: «**Весна́**. Кличка коровы». (В кавычках иллюстрация правила оформления так называемого употребления в ПОС.)

В исторической части статьи слово многозначно, с тремя значениями: **1. Время года** <...> с большим количеством примеров. Два других значения знакомят с явлениями местного трудового быта: **2. Право сезонного лова**. **3. Арендная плата**. Обнаружены только в одном контексте статьи 43 «Псковской судной грамоты» 1462–1471 гг.: «А которой котечник заложи весну (№ 2 значение. – Л. К.), или исполовикъ у государя, ино ему заплатитъ весна (№ 3 значение. – Л. К.), как у другончатъ доставалося на том же садѣ» (ПОС, вып. 3, с. 115). Речь в данной статье грамоты о весеннем лове псковской рыбки снеток в Псковских озерах.

В этой же статье отмечается фонетический вариант в современных говорах: **вѣсна**. А в исторической части в Строевском списке Псковской III летописи тоже фонетический вариант **вешна**: «Того же лѣта еще с вешне <...> быша морози велици. Лѣт. III, л. 47, 1471 г.». Фонетические варианты, различающие план выражения лексемы указываются в конце каждой части с абзаца и пометой **Вар.** А морфологические варианты (напр., с **вешне** – окончание **-е** вместо **-ы** в род. п. ж. р. сущ. ж. р. ед. ч.) специально не указываются в словаре, их учитывает индивидуально каждый заинтересованный читатель ПОС в своих целях.

Для «Псковского областного словаря с историческими данными» ценным историческим источником явилось издание в 1966 г. серьезного исследования 35 новых псковских грамот XIV–XV вв. (НПГ), найденных автором-историком Л.М. Марасиновой в архиве среди документов XVII в., касающихся спорных земельных дел [9]. Кроме одного документа (№ 33 «Духовная Акилины, жены князя Федора» 1417–1421 гг.), остальные представлены в делах XVII в. копиями более позднего времени. Они тоже исполнены местными писцами и сохранили своеобразие древней псковской народной речи. Это купчие, рядные меновные, отдельные, ободные, духовные грамоты. Все они подробно фиксируют размеры, границы земельного владения своего хозяина XIV–XV вв., на которые по каким-то обстоятельствам стали претендовать другие, чужие, поздние хозяева, а потомки первых хозяев, дорожа истиной, просили делать копии для судебных разбирательств.

Древние документы в труде Л.М. Марасиновой отражают разноуровневые особенности древней псковской речи не очень профессиональных местных писцов. Поэтому они представляют огромную ценность для исследователей разных специальностей, поскольку подготовка грамот к публикации проведена профессионально, в лучших, классических традициях: предварительное исследование с обращением к палеографам, археологам, лингвистам, другим историкам. Исполнены справочные указатели, комментарии и т. д.

Укажем некоторые лексемы, интересующие лингвистов. Прежде всего для понимания текста, лучшего представления географического пространства на псковской территории заинтересовали названия разных ориентиров при указании границ того или иного земельного, водного участка, становившегося чьей-то собственностью на века. Точность, подробное описание деталей в границах характеризует эти деловые документы.

В «Купчей Антона с братьями на село земли у Якима», то есть на ‘земельное владение (вотчина, поместье)’ (СРЯ XI–XVII вв., вып. 24, с. 117) указываются границы приобретаемого участка земли: «А **завод** той земле изо мха с Офонасом **кромем** до Ульяниных **кроев**, какъ оне со Ульяною **кромии** да в ручей и ручьем вниз до Степанове меже, с Степаном **кромии** да Иветове **кромии** до Ермолиных **кроев**, съ Ермолою **кромии** до Офонасовых **кроев**» (№ 7, I пол. XIV в., сп. 1669 г.) (НПГ, с. 61).

Слово **завод** многозначно и в псковских современных говорах, и в общерусском языке: имеет отношение и к ситуации, связанной с земельным пространством, но в данный момент не оно заинтересовало нас, поэтому сейчас не останавливаемся на нем. А лексема **крой**, широко отмеченная в псковских грамотах XIV–XV вв., как выяснилось, не зафиксирована ни в исторических, ни в современных диалектных словарях, ни, к сожалению, даже в ПОС (по обидному недоразумению). Судя по контекстам, по содержанию, повествующему о расположении земельного участка, по словесной обрисовке его очертания, границах с соседними земельными владениями, название **крой** тематически входит в группу «граница; ограничение». Но это не сама граница, выстроенная, поставленная, как-то специально сделанная для разделения, а, скорее, условная линия, направление от одного до другого опознавательного реального знака. А знаки точно и ярко описаны, выбираются они тоже не случайно, даже с адресной отнесенностью (указание другого хозяина). Если бы составлялась карта, то чертой разной конфигурации легко было бы показать и форму, и размер, точную границу соответствующего владения.

Это важное для исследования псковское слово отмечено и в грамотах № 9, 12, 16, 26. Л.М. Марасинова в «Пояснительном словаре» так формулирует значение слова **крой**: ‘*Межевые знаки на границах двух соседних участков, межа*’, – то есть как синоним к *межа* [9, с. 183]. В подтверждение высказанных нами размышлений о лексеме **крой**, учитывая пояснение Л.М. Марасиновой, сошлемся на представление слова **межа** в современной и исторической частях словарной статьи «**Межа**» в ПОС с детализацией реалий, которые являются «разделителями» земельных пространств (ПОС, вып. 18, с. 104–107). Поэтому на время оставим формирование статьи на слово **крой**, пока обнаружено только в указанных древних псковских текстах нескольких грамот.

Обратимся к отрывку из грамоты № 9 «Меновная Олфери с Онаньей Гарьбамъ на землю у Заборовского пути» XIV–XV вв., сп. 1678 г.: «Розменишася Олфери с Онаньей Гарьбамъ землею на землю, и даша Олфери и Онаньи землю свою ниву на прислоне у

Заборовского пути, и другую ниву над Дубенкою, и третью ниву подле Заболоцкии путь **кромии** до ручья до **егли** на крои до **кроя** от **егли** ручьемъ вниз и **кромии** до Заболоцкого пути ко Ананьине земли и клинецъ ко Ананьине земли подле Ананьина поле» (НПГ, с. 52). В этой обстоятельной фразе обнаружены значимые для словаря и для исследований уникальные псковские особенности. Слово **крой** оставляем на будущее, тем более приведенный контекст позволяет рассмотреть особые намеки, которые могут быть учтены при толковании лексемы в будущей словарной статье.

В названии же межевых природных знаков встречаем очень важную для лингвистов особенность – название хвойного дерева **егль** вместо **ель**. Это давнее загадочное явление, волновавшее с XIX в. А.И. Соболевского и А.А. Шахматова, с момента, когда ученик А.И. Соболевского Л.Л. Васильев, изучая псковские памятники, первым обнаружил в Псковских летописях случай типа **всггли**, а в псковских говорах несколько случаев типа **сустрекли**. Уже в XIX в. выяснилось, что эти случаи встречены только в псковских (восточнославянских) источниках, хотя в науке известно общевосточнославянское изменение древних сочетаний ***dl**, ***tl** в ***l** [л]. И вдруг вместо ожидаемого обнаружены сочетания [гл], [кл], а не [л]. Ранняя смерть Л.Л. Васильева не позволила ему продолжить исследование. А.А. Шахматов отмечал, как много потеряла наука с безвременным уходом из жизни молодого талантливого Л.Л. Васильева. И А.И. Соболевский, и А.А. Шахматов продолжали искать объяснение обнаруженного факта. Скончался А.И. Соболевский, пытавшийся объяснить сочетания [гл], [кл] влиянием польского, западнославянского, языка. Обоснованно не соглашался с ним А.А. Шахматов. Но ранняя смерть и этого ученого не позволила ему продолжить разгадку.

А нечестье, но пополняющиеся подобные случаи встречались и нам в псковских современных и исторических источниках при работе над ПОС. (Очень давно, до Пскова, при работе с псковскими историческими памятниками нами зафиксировано в устойчивом словосочетании о военных событиях **всггли на конь на кого**, наряду с обычным **всели**. Но тогда наше внимание было занято другой проблемой.)

Отечественные исследователи благодарны Б.А. Ларину, в трудные смутные времена нашей лингвистики отстоявшему право отечественных ученых использовать в своих исследованиях такие источники, как записи русской речи иностранцами в прошлые века [8]. Яркий результат этого воистину подвига ученого – спокойное привлечение для исторической части ПОС с самом начале 70-х гг. XX в. «Русско-немецкого разговорника» Т. Фенне 1607 г., составленного немецким купцом в Пскове (ТФ). И примеры псковской речи, зафиксированные в нем, обогатили историческую часть словаря подобными загадочными случаями и в глаголах прошедшего времени типа «**мы сочклись**» ‘сочлись, сосчитались’.

В разгадке сочетаний [гл], [кл] помогло издание в 2010 г. учениками Б.А. Ларина лекций по диалектологии А.А. Шахматова [11], записанных в конце 10-х гг.

XX в. и подготовленных к публикации Б.А. Лариным еще в 1941 году. В своих лекциях А.А. Шахматов говорил и об открытии Л.Л. Васильева, и о своих соображениях: отвергая польское влияние, он допускал какое-то влияние «со стороны». Учет выводов-доказательств С.М. Глускиной известного ошеломившего открытия несвершения только в псковских говорах II палатализации заднеязычных согласных (случаи типа **кеп**, **кедить** вместо **цеп**, **цедить** и др.), в отличие от общеславянского процесса, по причине пребывания пришедших к Псковским озерам кривичей, предков псковичей, и оказавшихся в изоляции от других славян, но в тесном общении с племенами финно-угров и балтов. В случае II палатализации сказало влияние прибалтийских финнов, у которых «своим» было сочетание заднеязычных с передними гласными [2, с. 20–43]. И такое соседство при изоляции от других славян достаточно длительно было и с носителями языков типологически близких (балтских) не могло не сказаться (но позже) и на языке славян восточнославянского периода: у балтов до сих пор «своими» являются сочетания [gɫ], [kɫ]. Нам приходилось уже рассматривать подобные факты и, многое объясняя, говорить о них.

При этом важно учитывать синхронно-диахронный подход в лексикографической практике, применяя, как предполагал Б.А. Ларин, и лексико-картографические приемы. Это помогает увидеть распространенность слова на территории псковских говоров или разнообразие наименований реалии в зависимости от выбора типа карты. Этот прием для ПОС используется выборочно, но такая практика помогла некоторым словарникам в работе и над «Лексическим атласом русских народных говоров» с 1988 г. Один из примеров: удалось отстоять право оставить слово **нора** в карте «Кучка земли, нарыгая кротом» при учете не единичного использования единицы, качества обоснования информантом. И другие ларинские принципы подхода к слову и его функционированию в ситуации беседы с информантом, к качеству записи сказанного очень действенны в любом аспекте обращения к слову.

Как напутствие к выходу первого выпуска ПОС и как постоянная и верная поддержка коллективу «посовцев», составителей Псковского областного словаря с историческими данными, воспринимается написанное Б.А. Лариным 13 октября 1963 г. (незадолго до кончины) Предисловие. Приводим три фрагмента: «Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также белорусами»; «Большим преимуществом перед всеми имеющимися областными словарями русского языка (как и других славянских языков) будет наличие в нашем Словаре большого исторического материала»; «Региональный словарь на широком историческом фоне принципиально новое дело в мировом языкознании. Он явится источником разнообразных исследований исторического, сравнительного и теоретического характера» [7, с. 3].

Слова Д.С. Лихачева 1977 г. о Б.А. Ларине как человеке, ученом, педагоге, гражданине, организаторе науки проникновенны и искренни. Укажем три отрывка: «...особенность Б.А. Ларина как ученого-эрудита... — он был самым образованным лингвистом нашего времени. Так считали и лингвисты старшего поколения и его ученики»; «если <...> указать наиболее характерную черту Б.А. Ларина как ученого человека, то я бы назвал его общественный темперамент»; «В сочетании этих двух черт ученого и человека своеобразие Б.А. Ларина, самим существом своим как бы призванное к тому, чтобы приобщить темы изучения современной жизни языка к лучшим традициям русской филологии ее классического периода» [3, с. 5].

Источники

КПОС – Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными».

НПГ – Тексты актов // Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / Л.М. Марасинова. – Москва: МГУ, 1966. – С. 44–93.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–28. – Ленинград; Санкт-Петербург: ЛГУ; СПбГУ, 1967–2020.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. – Москва: Наука; ЛЕКСРУС, 1975–2019.

ТФ – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607: Copenhagen, 1970.

Литература

1. Аверинцев, С. С. Похвальное слово филологии / С. С. Аверинцев // Юность. – 1969. – № 1. – С. 99–101.

2. Глушкина, С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале заднеязычных согласных) / С. М. Глушкина // Псковские говоры. II. Памяти Б.А. Ларина. Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 г. – Псков: ПГПИ, 1968. – С. 20–43.

3. Лихачев, Д. С. О Борисе Александровиче Ларине / Д. С. Лихачев // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы) / Б. А. Ларин. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 5–10.

4. Ларин, Б. А. Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании / Б. А. Ларин // Филологическое наследие: сборник статей. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003. – С. 687–694.

5. Ларин, Б. А. Инструкция Псковского областного словаря / Б. А. Ларин // Псковские говоры. I. Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 г. – Псков: ПГПИ, 1962. – С. 252–271.

6. Ларин, Б. А. О филологии близкого будущего Научные доклады высшей школы / Б. А. Ларин. – 1963. – № 1. – С. 189–196.

7. Ларин, Б.А. Предисловие / Б. А. Ларин // Псковский областной словарь с историческими данными. – Ленинград: ЛГУ, 1967. – Вып. 1. – С. 3.

8. Ларин, Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков / Б. А. Ларин. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2002.

9. Марасинова, Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / Л. М. Марасинова. – Москва: МГУ, 1966.

10. Переписка Бориса Александровича Ларина с Софьей Менделеевой Глускиной // Псковские говоры и их носители (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). – Псков: ЛОГОС, 2017. – Ч. 2. – С. 219–292.

11. Шахматов, А. А. Русская диалектология: лекции / А. А. Шахматов; под редакцией Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». – Санкт-Петербург: Факт-русская филология и искусств СПбГУ, 2010.

L.Ya. Kostiuchuk

**COOPERATION BETWEEN THE CONTEMPORARY AND THE HISTORICAL
IN THE PSKOV REGIONAL DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA
(REALIZATION OF BORIS LARIN'S IDEAS BY LEXICOLOGISTS
AND LEXICOGRAPHERS OVER THE DECADES)**

Boris Larin's ideas and their realization are summarized in the year of the 60th anniversary of the Interdepartmental Lexicography Unit at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, which is still well known among the linguists engaged in various fields of study both in Russia and abroad. Boris Larin, a talented promoter of research, created the Interdepartmental Lexicography Unit and formed a team of students and his followers. The team implements their teacher's ideas and shares experience with its new members. The ongoing work on the innovative Pskov Regional Dictionary with Historical Data expands the horizons of the executives and researchers resulting in association of scholars from various fields. The article covers the significance of the multi-disciplinary approach to dialect words studies in terms of synchrony and diachrony taking into consideration the opportunity to use comparative and contrastive approaches. The research employs the fullest card-catalogue of the Pskov Regional Dictionary incorporating the unique Pskov dialect of the 19th – 21st centuries and Pskov monuments of the 13th – 18th centuries (including scripts of the Pskov speech by foreigners).

Boris Larin's ideas, synchrony and diachrony, the Pskov dialect, the Pskov Regional Dictionary with Historical Data.

Н.А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ ГОВОРОВ ОДНОГО РАЙОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТУЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

В статье поднимается вопрос о составлении узколокального словаря диалектной лексики. Материалами разрабатываемого словаря станут диалектные лексические единицы, бытующие на территории одного из районов, расположенного на востоке Тульской области. В статье обосновывается возможность подготовки и издания подобного словаря, предлагаются к рассмотрению образцы некоторых словарных статей. Подобный лексикографический источник позволит с большей определенностью говорить об особенностях тульских говоров.

Диалектная лексика, тульские говоры, узколокальный словарь.

Тульские говоры по сей день привлекают внимание исследователей, так как их историческая судьба весьма сложна, до сих пор нет единой точки зрения относительно формирования данных говоров. Вспомним в этой связи разные взгляды на историю их формирования, например размышления о типах вокализма после мягких согласных, высказанные в работах Р.И. Аванесова [1], Н.Б. Париковой [5] и Д.М. Савинова [9].

Очень кратко можно сказать о том, что тульские говоры относятся к южнорусскому наречию. Современное диалектное членение позволяет считать их говорами межзональными, или говорами переходного типа. Такое своеобразие Тульской группы в современном диалектном членении является показателем ее промежуточного положения между юго-восточной диалектной зоной и юго-западной диалектной зоной. Помимо этого, тульские говоры в определенной степени находятся под влиянием говоров центра. Указанное положение тульских говоров делает их характеристику достаточно сложной.

Объективные причины изучения тульских говоров сложились таким образом, что полного и системного их описания до сих пор не сделано. Хотя, безусловно, в лингвистической науке имеется целый ряд работ, в которых дается характеристика тульских говоров. В этой связи можно также указать на этапы изучения тульских говоров, на особенности описания тех или иных их сторон. Можно упоминать имена лингвистов, которые в своих основных работах описывали систему тульских говоров: Р.И. Аванесов [1], Е.Ф. Будде [2], В.Н. Сидоров [10], Н.Б. Парикова [6], И.Н. Чусова [11], М.А. Родина [7] и др. В их работах получила освещение тульская диалектная лексика, была рассмотрена система умеренного яканья, предприняты попытки проанализировать разновидности говоров внутри тульской группы, описаны некоторые частные диалектные системы (например, сел Непрядва и Апухтино).

Надо отметить, что в течение последних пятнадцати лет ведется работа, нацеленная на издание «Словаря тульских говоров» [8]. В ходе исследования был

составлен словник указанного лексикографического издания, изданы 7 выпусков «Материалов к словарю тульских говоров», подготовлена картотека словаря. В 2015 году увидел свет первый выпуск «Словаря тульских говоров» (А–Д), в 2021 году вышел второй выпуск словаря (Е–Л).

Работа, связанная с составлением словарей, представляется очень сложной и насыщенной. О трудностях при подготовке «Словаря тульских говоров» мы писали неоднократно [4]. В целом о вопросах, возникающих при разработке концепций словарей, их типах, подборе материала в отечественной лингвистике написано много. Можно перечислять как труды отдельных лингвистов, так и называть научные школы, которые весьма преуспели в региональной лексикографии. Вспомним, например, работы представителей Томской, Курской, Вологодской научных школ, опыт лексикографических исследований МГУ и мн. др. Нас интересует проблема, связанная с подготовкой словаря, который включал бы в себя лексику, бытующую в одном из районов Тульской области.

На наш взгляд, такой подход к отбору материала имеет право на существование, так как позволяет решать несколько научных задач. Отметим, что обращение к лексической системе одного района как довольно узкого локуса способно более точно представить саму систему как в плане тематических, так и в плане синтагматических отношений. В ситуации нивелирования архаических диалектных лексем сохранение представления о системной организации лексики очень важно. Отчасти словник одного из районов, расположенных на востоке области, проливает свет на влияние именно юго-восточной диалектной зоны на тульскую группу говоров в целом.

Неоднократно отмечалось, что лексическая система определяет своеобразие культуры, этнических проявлений, образа мира, который складывается в сознании людей, традиционно проживающих на той или иной территории. Рассмотрение лексической системы, имеющей узкую локализацию, способно отчасти прояснить культурное и историческое своеобразие указанной территории. Надо подчеркнуть, что для

описания лексических единиц Тульского края – это первый подобный опыт.

Цель настоящей работы – определение структурных частей и специфики «Диалектного словаря Воловского района Тульской области».

Предисловие к лексикографическому изданию включает в себя ряд положений, касающихся структуры и содержания словаря.

Необходимость подготовки и издания диалектного словаря одного конкретного района Тульской области ощущается уже давно, возникла она в связи с разработкой «Словаря тульских говоров», который включает в себя лексические единицы, распространенные на территории, административно относящейся к Тульской области. В этой связи необходимо подчеркнуть, что административные границы Тульской области не совпадают с границами Тульской группы говоров. Так, в территориальном отношении Тульская область включает в свой состав и говоры Курско-Орловской группы (Белевский, частично Суворовский, Чернский, Одоевский районы), которые расположены на юго-западе региона. В то же время нужно отметить, что в состав Тульской группы говоров входят районы, которые административно включены в состав Калужской области.

Помимо этого, важным фактом для составления словаря одного района является указание на переходный характер тульских говоров в целом. Их положение в южнорусском наречии связано с влиянием на них юго-восточной диалектной зоны и юго-западной диалектной зоны. Такое положение тульских говоров во многом обуславливает их сложную характеристику и отражение в них черт разной локализации.

Все сказанное выше делает составление словаря тульских говоров одного района весьма важным и значимым. Лексическая система узкого локуса, по нашим предположениям, в большей степени представляет собой единство, чем лексическая система более крупной территории.

Обращение к лексической системе говоров Воловского района в этом смысле довольно показательным. Воловский район расположен в юго-восточной части Тульской области, он граничит с такими районами, как Тепло-Огаревский, Богородицкий, Каменский, Куркинский и Ефремовский. Местоположение Воловского района в юго-восточной части Тульской области сближает его с говорами, относящимися к юго-восточной диалектной зоне, то есть в основном с говорами Рязанской группы. Помимо этого, укажем, что выбор Воловского района отчасти был определен тем, что он относится к аграрным районам и практически полностью лишен развитой промышленности.

Материалом для «Диалектного словаря Воловского района Тульской области» стали лексические единицы, которые были зафиксированы на территории населенных пунктов, административно входящих в Воловский район.

Базу словаря составляют только те лексические единицы, которые были получены в ходе диалектологических практик и экспедиций. Составителями словаря являются Н.А. Красовская, В.А. Волина, Л.В. Кильмамова. Именно они фиксировали лексические единицы в ходе проведения изыскательской работы на

территории населенных пунктов Воловского района, поэтому весь представленный корпус лексических единиц является результатом проведения полевой работы указанных собирателей. Часть материала, представленного в словнике словаря, может находить пересечение со «Словарем тульских говоров», однако в данном случае картотека «Словаря тульских говоров» пополнялась материалами полевых исследований указанных собирателей в населенных пунктах Воловского района. Прямым доказательством первичности собранных названными исследователями данных являются аудиозаписи, полевые блокноты собирателей и иные материальные доказательства полевой работы, хранящиеся у них.

Лексический корпус словаря собирался в следующих населенных пунктах Воловского района: д. Алексеевка, д. Пруды, с. Непрядва, д. Красный Холм, с. Никитское. Все указанные населенные пункты сосредоточены в восточной и северо-восточной частях района.

Структура словарной статьи. Словарная статья включает в себя заголовочное слово, грамматические пометы, стилистические и иные пометы, толкование, иллюстрацию (речение), указание на населенный пункт, в котором заголовочное слово было зафиксировано.

Ударение указывается выделением гласного полужирным шрифтом. Если слово имеет два варианта ударения, то в скобках размещается слово, имеющее допустимый вариант. Грамматические пометы довольно традиционны: при существительном указывается род и окончание родительного падежа, при прилагательном – окончание родительного падежа, при глаголе – вид, переходность/непереходность. При иных словах указывается их частеречная принадлежность. Помимо этого, словарная статья может включать в себя различные пометы: стилистические, семантические, лексические: *груб.*, *фолькл.*, *уменьш.-ласкат.*, *обряд.* и др.

Обязательными элементами словарной статьи являются толкование значения слова, иллюстративный материал – в нашем случае это одно или несколько зафиксированных от носителей говора речений. Отметим также, что в качестве иллюстрации может использоваться фольклорный материал: пословицы, поговорки, присказки, песни, частушки. Составители словаря максимальным образом старались сохранить фонетические и иные особенности речи информантов в представленных речениях. Завершается словарная статья указанием на населенный пункт, в котором эта лексема была зафиксирована.

Составители словаря благодарны жителям Воловского района, принимавшим участие в беседах и способствующим фиксации диалектного материала.

Хочется надеяться, что словарь станет не только частью исследовательской работы авторов, но и составляющим компонентом школьного филологического образования и будет способствовать дальнейшему формированию у учащихся любви к родной культуре, к родному краю. Материалы подобного словаря можно активно использовать на факультативных занятиях по русскому языку, а также на уроках такого нового предмета, как «Родной язык».

Приведем несколько примеров словарных статей.
БОДАСТАЯ -ой. Бодливая корова. *Идёт корова бодастая, забодает тебя.* (д. Пруды).

БАДЕРНИК -а, м. р. Частые сорняки. *Бадерник называется, всё сором зарастает.* (д. Алексеевка).

БАЛАША -и, м. р. и ж. р. Груб. Дурак, сумасшедший. *Балаша – это придурочный.* (д. Пруды).

БАМБУШКА -и, ж. р. 1. Лепёшка из картофеля. *Галушки делали у нас из картох, бамбушки еще назывались.* (д. Алексеевка). 2. Блины из пшённой каши. *И драчёны, и бамбушки еще называют.* (д. Алексеевка).

БУХМАРА -ы, ж. р. Бахрома. *Покромка была обшита кутасиками – это бухмара.* (с. Никитское). *Вот тут платок, а тут вот ниточки, бухмары нашивали.* (д. Красный Холм).

ВАТЮЛА -ы, ж.р. Самотканое шерстяное одеяло из овечьей шерсти. *Ватола – это как одею. Ее соткуть и валяли на этой терке.* (д. Красный Холм). *У меня была плохая ватола, мне мачеха отдала свою.* (д. Алексеевка). *Ватолу ткали. Она из шерстяных ниток. Это как одеяло.* (с. Никитское). *Ватолы-то тканые, они колючие, как собаки.* (д. Пруды).

Данные примеры иллюстрируют наличие всех компонентов словарной статьи, о которой было сказано выше, то есть отмечается заголовочное слово с ударением, грамматические пометы, если необходимо, то иные пометы, толкование, речение-иллюстрация, указание на населенный пункт.

Как можно заметить, в приведенных примерах словарных статей присутствуют те, которые указывают на факт полисемии, а также те, которые имеют не одну, а несколько иллюстраций. Словарные статьи локального словаря, таким образом, вполне могут отражать сложность организации диалектных лексических систем.

Следует также напомнить, что составление словаря одного района – это большой шаг в изучении и постижении истории рассматриваемой территории, в освоении культуры региона.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подготовка и составление диалектного словаря одного района Тульской области, в нашем случае Воловского, – это вполне решаемая научная задача, которая может иметь важные последствия в плане изучения лексической системы Тульской группы говоров, в частности более точного и детального освоения от-

дельных тематических групп лексики, их описания и систематизации.

Литература

1. Аванесов, Р. И. Очерки русской диалектологии / Р. И. Аванесов. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1949. – 335 с.

2. Будде, Е. Ф. О народных говорах Тульской губернии / Е. Ф. Будде. – Санкт-Петербург : Типография императорской Академии наук, 1898. – 60 с.

3. Красовская, Н. А. Возможности полевого рассмотрения диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров) / Н. А. Красовская. – Тула : Издательство ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2013. – 195 с.

4. Красовская, Н. А. Составление Словаря тульских говоров: основные проблемы / Н. А. Красовская // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия «Филология». – Вып. 1 (41). – Москва, 2015. С. 71–82.

5. Парикова, Н. Б. Происхождение и состояние умеренного яканья в тульской группе южновеликорусских говоров к середине XX : монография / Н. Б. Парикова. – Тула : Тульский полиграфист, 2008. – 201 с.

6. Парикова, Н. Б. Умеренное яканье в тульских говорах : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Парикова Н. Б. – Москва, 1960. – 15 с.

7. Родина, М. А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Родина М. А. – Москва, 2012. – 518 с.

8. Романов, Д. А. Словарь тульских говоров. Часть 2: Е–Л / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. – Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2021. – 292 с.

9. Савинов, Д. М. О причинах эволюции систем предупредного вокализма в южнорусских говорах / Д. М. Савинов // Вопросы языкознания. – 2012. – № 2. – С. 45–60.

10. Сидоров, В. Н. Об одном тульском говоре с гласной Е, не изменившейся в О / В. Н. Сидоров // Материалы и исследования по русской диалектологии / АН СССР, ИРЯ. – Москва : Ленинград : АН СССР, 1949. – Т. 2. – С. 277–289.

11. Чусова, И. Н. Лексика, связанная с обозначением особенностей, склонностей человека и действий, в которых они проявляются (На материале тульских говоров) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чусова И. Н. – Москва, 1969. – 365 с.

N.A. Krasovskaya

SPECIFIC ASPECTS OF COMPILING A DICTIONARY OF DIALECTS OF ONE REGION (ON THE MATERIAL OF THE TULA DIALECTS)

The article deals with the problem of compiling a local dictionary of dialect words. The basis of the dictionary under development will be dialect lexical units used in one of the eastern districts in Tula oblast. The author says about the possibilities of compiling and publishing such a dictionary, offers some sample dictionary entries for consideration. Thanks to such a lexicographic source it will be possible to identify characteristic features of the Tula dialects.

Dialect words, the Tula dialects, dictionary of the local dialect.

М.О. Новак

Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

О НЕКОТОРЫХ СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ В СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XI–XVII ВВ. (НОВЫЕ ДАННЫЕ)

В статье обсуждается материал новых словарных статей для 32-го выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.». В ходе рассмотрения конкретных «кейсов» с редкими леммами анализируются факторы, способствующие выявлению и уточнению сведений в различных зонах словарной статьи: зоне грамматической информации, зоне толкования, зоне примеров (иллюстраций). Установлено, что импульсами к корректировке и расширению информации могут быть данные оригиналов переводных источников, альтернативных славянских источников, а также других словарных сводов.

История русского языка, лексикография, зоны словарной статьи, славяно-греческие параллели, семантика, грамматика.

Статья представляет анализ нескольких лексикографических «кейсов», с которыми автору этих строк пришлось столкнуться в процессе корректировки словарных статей для 32-го выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII), где продолжается разработка и упорядочение алфавитного сегмента на У. Как убедительно показано в обширной статье М.И. Чернышевой, посвященной 45-летию Словаря, с течением времени неуклонно расширяется круг задач, стоящих перед составителями, возрастают требования к точности помещаемых в словарь сведений и к достоверности их научной интерпретации [10]. Наша цель – продемонстрировать, какие факторы способствуют уточнению и расширению информации в различных зонах словарной статьи и какие дополнительные исследовательские задачи возникают и решаются в ходе работы, превращая разработку каждой словарной статьи в микроисследование с элементами лингвистического детектива.

Данные оригиналов переводных источников

Самый распространенный фактор, обуславливающий необходимость уточнений, – это обращение к оригиналу переводного источника. В нашей практике это чаще всего грекоязычные тексты, хотя приходится работать также с латинскими и польскими. Поиск контекстуальных параллелей нередко ведет к корректировке уже имеющейся и введению новой информации в словарной статье – как грамматической, так и лексико-семантической.

Первоначальный вариант словарной статьи, которую мы выбрали для иллюстрации, представлял заголовочное слово УРОЖДИИ, сопровождавшееся в зонах грамматической характеристики и толкования вопросительным знаком и комментарием «по форме причастие». В зоне примеров размещена цитата, взятая из славянского перевода Огласительных поучений Кирилла Иерусалимского, по изданию Успенского списка XVI в. Великих Четых Миней: *То гдѣ едино-*

му ся кланяемъ, съставити бо тако подобаетъ и урождии онѣхъ, да пристанемъ, як<о> единому кланятися, испытаем же¹ [11, s. 895]. Очевидно, что форма *урождии* была вначале понята как местоименная форма действительного причастия прошедшего времени мужского рода от глагола *уродити*, чему поспособствовала и неочевидность синтаксических связей. Однако обращение к греческому оригиналу сразу позволило установить истинное положение вещей: *Συστήσαι γὰρ οὕτω δεῖ, κὰν τῇ μωρία ἐκείνων σπιτεριενεχθῶμεν, ὅτι ἓνα δεῖ προσκυνεῖν* [14, col. 557]. Славянскому выражению *урождии онѣхъ* соответствует словосочетание *тѣ мωρία ἐκείνων* ‘безумию тех’ (имеются в виду еретики, обличению которых отчасти посвящено шестое огласительное слово Кирилла Иерусалимского, в состав которого и входит обсуждаемый фрагмент). Таким образом, заголовочное слово можно представить как существительное *урождие*, образованное от основы *урод-* по продуктивной словообразовательной модели (с суффиксом -ѣ), со значением ‘безумие’. Также появляется необходимость дать в конце словарной статьи ссылку на синонимичное образование *урожда*.

На этом, однако, размышления над цитатой не заканчиваются: греческий контекст ставит ряд вопросов относительно синтаксических параметров славянского перевода. Во-первых, следует пояснить соотношение падежных форм в оригинале и переводе: *тѣ мωρία* (дательный падеж ед. ч.) – *урождии* (местный падеж ед. ч.). Форма *урождии* регулярно выступает и в других, в том числе более ранних, списках Огласительных поучений Кирилла (например, список XI–XII вв. ГИМ, Син. 478, л. 48 об.; список XV в. РГБ, ф. 304.1, № 124, л. 39; список XVI–XVII вв. РГБ, ф. 256, № 194, л. 200 об.). На первый взгляд, более точным следовало бы считать перевод *урождию онѣхъ*, однако употребление формы местного падежа здесь также

¹ Орфография славянских источников унифицирована в соответствии с правилами, принятыми в [8].

совершенно нормально. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть управляющий глагол. Пассивный конъюнктив аориста $\sigma\upsilon\mu\tau\epsilon\rho\iota\epsilon\nu\epsilon\chi\theta\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu$ от $\sigma\upsilon\mu\tau\epsilon\rho\iota\epsilon\rho\acute{\omega}$ 'pass. следовать, подчиняться' вполне корректно передан формой *да пристанемъ* от глагола *пристати* в значении 'присоединиться к чему-либо мнению, одобрить что-либо'. Последний способен управлять как дативом, так и местным падежом без предлога, например: *Съ [Иосиф] не бѣ присталь съвѣтъ и дѣянии ихъ <...>* (Лук. XXIII, 51) Мст. ев., 170. XI–XII вв.; *И Епифанъ... написа... занеже върова яко азъ пристахъ твою отгънанию <...>* (Пов. о ж. Епиф.) Усп. сб., 289. XII–XIII вв. [8, вып. 20, с. 33].

Еще одно уточнение, вытекающее из синтаксической связи глагола и существительного, касается знаков препинания в славянской цитате: запятая должна стоять не после формы *онѣхъ*, а после формы *подобаетъ*, чтобы не разрывать связь глагольной формы *да пристанемъ* с зависимым словосочетанием *урождии онѣхъ*. Кроме того, кажется важным привести границы славянской цитаты в соответствие с границами греческой фразы: для этого следует исключить начальную и конечную синтагмы, *то гдѣ единому ся кланяемъ* и *испытаетъ же*, поскольку они представляют собой части других предложений.

Наконец, наличие в греческом конъюнктиве указывает на условную конструкцию, которая в оригинале вводится стяженным $\kappa\acute{\alpha}\nu$ (< $\kappa\alpha\iota$ + $\epsilon\iota$ + $\acute{\alpha}\nu$) 'даже если'. Очевидно, что в славянском переводе этот момент не передан, что побуждает к введению в словарную статью зоны дополнительной информации в квадратных скобках: «[вм. **аще** и **урождию**... – $\kappa\acute{\alpha}\nu$ $\tau\eta$ $\mu\omicron\rho\iota\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\iota\upsilon\omicron\nu$ $\sigma\upsilon\mu\tau\epsilon\rho\iota\epsilon\nu\epsilon\chi\theta\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu$ 'даже если безумию их подчинимся?']».

Данные альтернативных источников

Следующий фактор, способствующий содержанию развитию словарных статей, – обращение к более широкому кругу источников. Так, например, в статье УРКАНЪ первоначально была представлена цитата из Азбуковника XVII в. («Книга глаголемая гречески алфавит», БАН, Арх. д., № 446): *Урканъ – отступникъ, еже есть Велиаръ* (л. 234). Иноязычная параллель отсутствовала, а в зоне значения находилось толкование, которое, фактически, повторяло формулировку источника: «Изменник, отступник». У нас возникли сомнения относительно правомерности такого решения, отменяющего исследовательскую дистанцию. Неславянский облик лексемы, при отсутствии какого бы то ни было эквивалента, усугублял интригу.

В древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия не раз упоминается антропоним Урканъ (*оурканъ*, варианты *ирканъ*, *арканъ*), восходящий к греческому Ὑρκανός (Hyrkanus, Гиркан) – имени первосвященника и этнарха Иудеи I века до н. э., например: *тако сътвориши оумре. написавши наследника ир(с)твию оуркана; аристоуль бѣ вниде въ ирѣскыи дѣмъ. а оурканъ вниде въ аристоульовъ дѣмъ* [2, с. 74–75]. Однако ни один контекст в данном памятнике не характеризует это историческое лицо

столь же резко отрицательно, как делает это толкование Азбуковника, приравнивая «уркана» к демону Велиалу (Велиару). Мы обратились за консультацией к знатоку старорусских азбуковников А.Н. Левичкину (Институт лингвистических исследований РАН), который любезно сообщил о существовании в Соловецком Азбуковнике Сергия Шелонина XVII века интерлинейной отсылки, в связи с лексемой *урканъ*, к «Многосложному свитку» (или «Многосложному посланию») – славянскому переводу «Послания восточных патриархов императору Феофилу» против иконоборческой ереси (см. [4]). Также А.Н. Левичкин порекомендовал статью [1] о взаимоотношениях греческого оригинала и славянского перевода послания, где приведена и лексема *урканъ*, и ее греческая параллель – гапакс $\acute{\omicron}$ $\beta\omicron\upsilon\rho\kappa\alpha\nu\acute{\omicron}\varsigma$, представляющий собой византийское заимствование из латыни (лат. *vulcanus*). Среди словарей, интегрированных в корпус Thesaurus Linguae Graecae [15], эту лексему фиксирует только Lexikon zur byzantinischen Gräzität [13]; вариант $\beta\omicron\upsilon\lambda\kappa\alpha\nu\acute{\omicron}\varsigma$ отмечен в лексиконе Лампе [12, р. 303]. Д.Е. Афиногенов приводит в сокращенном виде и те два славянских контекста, в которых фигурирует слово *урканъ* [1, с. 264].

После получения вышеупомянутых сведений было уже нетрудно отыскать один из списков «Многосложного послания», чтобы познакомиться с более широкими контекстами. Самым доступным оказался сборник Кирилло-Белозерского собрания РНБ [6] второй половины XV в. (из числа сборников Ефросина), копия которого находится в электронной коллекции Российской национальной библиотеки (см. его описание в [3]). Фрагменты, отличающие высокопоставленных иконоборцев, выглядят следующим образом (номера листов приводятся по второй пагинации, выполненной в РНБ):

Отку(ду) злое и огнедушное въздыха(ни)е кипить. отъ разумнаго уркана злаго диавола (л. 374); *душное оно зловѣрное въз(д)ыхание от разумна(го) и уркана сирь(ч) велиара* (л. 378).

Становится понятным, таким образом, появление «Велиара» в Азбуковнике: эта характеристика извлечена из контекста «Многосложного послания».

Все вышеперечисленные находки дают основания расширить зону примеров в словарной статье и дать толкование 'вулкан', поддерживаемое как семантикой иноязычного эквивалента, так и образностью славянского перевода.

Характер начального согласного в греческом $\beta\omicron\upsilon\rho\kappa\alpha\nu\acute{\omicron}\varsigma$ указывает и на немаловажную фонетическую деталь, ставя перед лексикографами новую задачу поиска лексического варианта с огласовкой *вурканъ*.

Данные других словарей

Последний «герой» нашего лингвистического расследования – глагол *уседморичати*. В статье с этим заголовочным словом не было цитаты, а в зоне значения находилось толкование «повторять в седьмой раз, уседмерять». Для поиска источников мы обратились к более ранним словарным сводам. Статью «уседморичаю ($\acute{\epsilon}\pi\tau\alpha\lambda\lambda\alpha\sigma\iota\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron$) = уседмеряю, прихожу или повторяюсь в седьмой раз (Син. на пятьдесят)»

удалось обнаружить в «Полном церковнославянском словаре» прот. Г. Дьяченко [5, с. 760]. Очевидно, что составители первоначального варианта нашей статьи руководствовались при выборе толкования формулировкой Г. Дьяченко, которая, впрочем, нуждается в корректировке, как мы увидим далее.

Наиболее ценной информацией оказывается ссылка Дьяченко на синаксарь праздника Пятидесятницы, позволяющая ввести новый источник, сборник «Синаксарь и поучения» конца XV – начала XVI вв. из собрания РГБ [7], и соответствующий контекст из него: *Уседморичаемомъ лѣтомъ сѣи бываетъ, егда и землю нестяну оставляють, и животнымъ подаютъ ослабу, и купленнымъ рабомъ отходити повелѣвають* (л. 118), с греческой параллелью *ἐπταπλασιαζόμενων ἅρ τῶν ἐτῶν* [16, р. 191]. Здесь речь идет о ветхозаветном юбилейном годе, который наступает раз в пятьдесят лет и постановления о котором восходят к книге Левит, ср. в синодальном переводе: «И насчитай себе семь субботних лет, семь раз по семи лет, чтоб было у тебя в семи субботних годах сорок девять лет <...> и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое <...>. Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните, что само вырастет на земле, и не снимайте ягод с необрезанных [лоз] ее, ибо это юбилей: священным да будет он для вас; с поля ешьте произведение ее» (Лев. 25: 8, 10–12) [9].

Таким образом, благодаря сведениям словаря Г. Дьяченко статья «уседморичати» получает цитату и греческий эквивалент (причастная форма глагола, образованного от *ἐπταπλασιος* ‘семикратный’), которые подсылают новое толкование: «умножать на семь». Цитата сопровождается дополнительной информацией в квадратных скобках: *Уседморичаемомъ лѣтомъ сѣи [ветхозаветный юбилейный год] бываетъ.*

* * *

Приведенный материал показывает, что при работе с наполнением словарных статей решающую роль может сыграть и незначительная, на первый взгляд, деталь, дающая ключ к лингвистическому «расследованию», в результате чего появляется возможность расширить зону примеров, подобрать иноязычный эквивалент и скорректировать толкование.

M.O. Novak

ON SEVERAL ENTRIES IN THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 11–17TH CENTURIES (NEW DATA)

The article discusses new dictionary entries for the 32nd edition of the «Dictionary of the Russian language of the 11–17th centuries». Considering rare lemmas, the author analyzes the factors that contribute to identifying and clarifying information in various zones of the dictionary entry: a grammatical information zone, a definition zone, and a zone of examples. It is proved that the reasons for correction and expansion of information can be data from the originals of translated sources, alternative Slavonic sources, and other lexicographical collections.

History of Russian, lexicography, zones of the dictionary entry, Slavonic–Greek parallels, semantics, grammar.

Литература

1. Афиногенов, Д. Е. «Многосложный свиток» – славянский перевод послания трех восточных патриархов императору Феофилу / Д. Е. Афиногенов // Богословские труды. – Москва, 2013. – Вып. 45. – С. 238–271.
2. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / издание подготовил А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – Т. I–II.
3. Каган, М. Д. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина / М. Д. Каган, Н. В. Поньрко, М. В. Рождественская // ТОДРЛ. – Ленинград, 1980. – Т. 35. – С. 3–300.
4. Плюханова, М. Б. «Многосложное послание/свиток» как лаборатория идей / М. Б. Плюханова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2014. – Т. 62. – С. 343–374.
5. Полный церковнославянский словарь / составитель священник Григорий Дьяченко. – Репринт. изд. – Москва : Отчий дом, 2001.
6. Многосложное послание. Сборник Ефросина Кирилло-Белозерского собрания. РНБ, Кир.-Бел., № 53/1130. 592+1 л. Втор. пол. XV в. Лл. 356–387.
7. Синаксарь и поучения. Рукоп. РГБ, ф. 304.1 (Тр.-Серг.), № 404. 131 лл., к. XV – нач. XVI в.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва, 1975–2019. – Вып. 1–31. (издание продолжается).
9. Цитата из Библии. Софт-твари: бесплатный христианский софт // JesusChrist.ru – сервер христианского общения. 1999–2021. – URL: <http://jesuschrist.ru/software/bqt5.exe> (дата обращения: 15.06.2021). – Текст : электронный.
10. Чернышева, М. И. Итоги 45-летнего издания «Словаря русского языка XI–XVII вв.» / М. И. Чернышева // Южнославянский филолог. Кн. LXXXVI, св. 1. – Београд, 2020. – С. 9–40.
11. Die Grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. 12.–25. März. Великие Минеи Четых митрополита Макария. Успенский список. 12–25 марта / Hrsg. E. Weiher и др. – Freiburg i. Br., 1998 (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Bd. XLI).
12. Lampe, G.W.H. A Patristic Greek Lexicon / G.W.H. Lampe. – Oxford, 1961–1968.
13. Lexikon zur Byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts. – Bd. 1–2. – Wien, 1994–2017.
14. Migne, J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca / J.-P. Migne. – Paris : Petit-Montrouge, 1857. – Vol. 33.
15. Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature. – URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu> (дата обращения: 12.06.2021). – Text : Electronic.
16. ΠΕΝΤΗΚΟΣΤΑΡΙΟΝ ΧΑΡΜΟΣΥΝΟΝ. – EN VENETIÆ, 1860.

О.В. Трофимова
Тюменский государственный университет

**«МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА (1848–1891 ГГ.)»
В ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

В статье представлены архивные рукописные лексические материалы, характеризующие местную речь жителей Тобольской губернии второй половины XIX в. Записи сделаны сибирскими краеведами по запросам Этнографической программы Русского географического общества. В результате сопоставления с лексикографическими источниками XIX в. обнаружено, что вводимые в научный оборот сибирские материалы частично восполняют лакуны в истории русского языка и его диалектов. Установлена относительная корреляция лексической семантики записанных в Сибири слов с различными диалектными ареалами европейской части России. Показаны различия в стилистической характеристике отдельных анализируемых слов в словарях XIX в., ставящие под сомнение статус местного (регионального) для определенной части записанных в Тобольской губернии слов.

Диалекты, история русского языка, лингвогеография, лексические диалектизмы, лексикографические источники XIX века, научный архив Русского географического общества, Сибирь.

«Землевѣденіе и языкознаніе, повидимому, двѣ науки почти несродственные; но если изучать землю вмѣстѣ съ обитателями ея, то вопросъ этотъ принимать иной видъ, и Русское Географическое Общество, по Этнографическому Отдѣленію своему, придется сродни или въ свойствѣ со Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ» [4, с. XLIX].

Введение

Местные слова, собранные по запросам Этнографической программы РГО 1848 г. и более поздних редакций [6, с. XXIII–XXVII] волонтерами-краеведами во многих уголках России, составили основу первых русских диалектных словарей. Таким образом было положено начало использованию уникального лексического материала в двух аспектах диалектологических исследований, о которых говорил позднее Р.И. Аванесов: территориальном и структурно-типологическом [7, с. 3], хотя, по словам Т.И. Вендиной, «во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX – нач. XX вв. сама идея пространства была сильно размыта» [2, с. 5], и ареальные исследования диалектной лексики актуализируются только в последнее время.

Анализ материалов, присланных из Сибири, позволил В.И. Даю раскрыть образ «сибирского наречия» в рецензии на словарь «Опытъ...» [4, с. LXXIV–LXXVI], впервые опубликованный в том же 1852 г. [3, с. 41–45], хотя его общая оценка присылаемых в РГО (в том числе «по должности») материалов, с учетом особенностей порой малоразборчивых почерков рукописей, оказалась не самой лестной: «Въ областной словарь академіи вошло все, безъ разбора, что только присылали уѣздные учителя, и съ тѣми же безобразными объясненіями. <...> И нечеткое письмо

собрателей вводило въ соблазнъ издателей, которые не подчиняли запасовъ этихъ никакому разсудительному разбору и оцѣнкѣ» [4, с. XLII].

Предпринимаемое в настоящей статье представление материалов, записанных сибирскими краеведами, в определенном смысле является, во-первых, шагом на пути требуемого «рассудительного разбора», а также оценки значимости записей, сделанных корреспондентами РГО, для воссоздания истории русского языка в общероссийском масштабе, без региональных лакун. Этот разбор «лексических диалектизмов» тем более необходим, что, по словам Т.И. Вендиной, «судьбы <их> в каждой частной диалектной системе оказываются индивидуальными» [1, с. 323]; во-вторых, основанием для рассмотрения в дальнейшем феномена языковой личности сибирских краеведов, внимательных к речи местного населения и оценивающих ее в соответствии со сформулированными в программе РГО критериями.

Цель и материал исследования

Цель статьи – представление лексического материала, записанного в середине и второй пол. XIX в. на юге Западной Сибири на территориях, в настоящее время входящих в состав Тюменской, Курганской и Свердловской областей, а также – точно – Ханты-Мансийского автономного округа, и хранящегося сегодня в архиве РГО, в проекции на лексикографические источники XIX в., подготовленные названными выше «учеными сообществами», подавшими, по выражению В.И. Даля, «другъ другу братскую руку соревнованія и помощи»: во-первых, «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторымъ отделениемъ императорской Академіи наукъ 1847 г. (далее – Сл 1847), во-вторых, «Опытъ Област-

наго Великорусского Словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ» 1852 г. (далее – Опыт 1852 или «Опыт...»), в-третьих, «Толковый словарь живаго великорускаго языка» В.И. Даля (далее – Даль). Все эти словари содержат сведения о регионах фиксации местных слов в виде соответствующих помет: максимально широкой по территориальному охвату *Обл.* в Сл 1847; дифференцированных по губерниям, с возможным указанием волости, – в Опыт 1852, напр.: Арханг. *Мез.*, Волог. *Волог.*, Оренб., Том. и др., как иногда и в словаре В.И. Даля: наречие *арх.*, *влд.*, *ряз.*, *кстр-кол.* Об употреблении того или иного слова в Тобольской губернии Опыт 1852 сообщает пометой Тобол., а словарь В.И. Даля – *тоб.*; но указание на «тобольскую прописку» может содержаться в пометах: Сибир. (Опыт 1852), *сиб.*, *Въ Сиб.*, *вост.* («восточное или владимірское, общее всему краю этому, не исключая и Сибири») [4, с. XXXVII] и *Въ Сибири* (Сл 1847 г.).

На заседании совета РГО по Отделению этнографии 10 февраля 1851 г. действительный член И.И. Срезневский внес предложение «об употреблении в дело» многочисленных материалов, поступающих из разных концов России, относящихся «к русскому народному языку и словесности». Для публикации этих материалов было решено издавать «Этнографический сборник», а из сведений, не вошедших в него, – отдельные обзоры. Издание работ первоначально было поручено действительным членам общества Н.И. Надеждину и И.И. Срезневскому, который работал над словарями и филологическими материалами. Но, по словам А.И. Васкул, подготовившей к изданию четвертый выпуск «Описания рукописей Ученого Архива Императорского русского географического общества», составленного Д.К. Зелениным [6, с. VI–XXII], «вскоре такой подход был признан непродуктивным и решено группировать полученные сведения по географическому принципу, т. е. по губерниям» (Там же, с. XI); [5, с. 120–121]. Д.К. Зеленин составил описание рукописей, присланных из 47 губерний европейской части России. Сибирские рукописи, в том числе по Тобольской губернии, остались неописанными.

Сегодня их можно найти среди документов двух разрядов, Р55 и Р61, Научного архива РГО в Санкт-Петербурге. Это рукописи восьми авторов (преимущественно священников, а также учителей и чинов-

ников) по Ишимскому округу (далее – [Х.; Иш. о., 1848]), селу Долгоярскому Тобольского уезда [Б.; с. Д., 1848], Тобольской округе [Л.; Тоб. о., 1850], городу Березову [Т.; Бер., 1854], Ялуторовскому округу [Аб.; Ял. о., 1860], Курганскому округу [Ад.; Кур. о., 1866], селу Усть-Ницынскому Тюменского округа [З.; с. У-Н., 1891], городу Туринску и одноименной округе, сер. XIX в. [К.; Тур.]. Рукописи публикуются в составе издания, посвященного описанию языка русского населения Тобольской губернии XIX в., подготовленного к печати автором статьи совместно с Н.И. Загороднюк и Е.Н. Коноваловой.

На основании авторских словарей и сведений, приведенных в других частях рукописей, авторами настоящей статьи составлен сводный словарь «Материалы к словарю русской народной речи Тобольской губернии середины XIX века», объем которого – 1150 слов, словоформ и отдельных выражений. В сводный словарь (далее – «Материалы...») вошли:

– во-первых, все слова разных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, слова категории состояния, союзы) с толкованиями из рукописей, как с грамматическими пометами, так и без них, например: *волочуга*, *кабы*, *ладо'мъ*, *морочно*, *натрыжнѣй*, *слати'тъ*;

– во-вторых, отдельные слова и словоформы, отличающиеся в произношении и, следовательно, требующие, по мнению авторов рукописей, комментария, например: *броси'тъ*, *вишь*, *рупь*, *скажи имя'*;

– в-третьих, устойчивые конструкции разной синтаксической природы, например: *ваше почтение*, *ви'тлинка нет*, *кай-кышь*, *чай кирпичный*;

– в-четвертых, отдельные имена собственные, например: *Байкаль морь*. *Озеро Иркутской Губерніи* [Б.; с. Д., 1848]; *Госпожи'нки*. *День усненія Пресвятой Богородицы* [Л.; Тоб. о., 1850]; *Обросиха*. *Жена Амвросіева* [Б.; с. Д., 1848].

Отдельные из перечисленных выше языковых единиц представлены в сводной таблице, прилагаемой к статье, в которой содержатся авторские комментарии из рукописей и толкования из указанных выше трех словарей XIX в. к 30 лексемам случайной выборки. Формат таблицы облегчает проведение сопоставительного анализа. Представим отдельные количественные данные и прокомментируем отдельные примеры из таблицы.

Таблица 1

«Материалы...»	Опыт 1852	Даль	Сл 1847
Алю'сникъ. Лъстець, лицемѣрь [К.; Тур.]	АЛЮ'СНИКЪ , а, с. м. 1) Болтунъ, разскащикъ. Том. 2) Лъстець. Тобол. 3) Попрошайка. Том. (2)	АЛЮ'СНИКЪ , м. <i>-ница</i> ж. <i>алюсь</i> м. <i>алюса</i> об. <i>сиб.</i> лясникъ, ловкий краснобай; любезникъ, волокита; угодникъ, лъстець и попрошайка, елоза.	-
Алю'сничить. Лъстить, лицемѣрить [К.; Тур.]	АЛЮ'СНИЧАТЬ , гл. ср. 1) Лъстить. Тобол. 2) Выманивать что нибудь лъстью. Тобол. (2)	<i>Алю'ситъ</i> или <i>-ся</i> , <i>алю'сничать</i> <i>сиб.</i> лъстить и угодничать, увиваться, изъ корыстныхъ видовъ (Даль, т. 1, с. 13)	-

«Материалы...»	Опыт 1852	Даль	Сл 1847
Бусь , -а, с. м. Самая мелкая мука'; мучная пыль. [Х.; Иш. о., 1848]. Мучная пыль [З.; с. У-Н., 1891]	БУСЬ , а, с. м. 1) Мелкий дождь. Иркут. Камч. Тобол. Якут. 2) мелкая мука, осаждающаяся на стѣнахъ мельницъ; мучная пыль. Иркут. Том. Якут. 3)* Пьяный человекъ. Твер. <i>Каш.</i> (18)	БУСЬ или бусенець м. <i>вгд. прм. арх. сиб.</i> чичерь <i>орл.</i> , ситникъ, морось, мжица <i>ряз.</i> , самый мелкий дождь при ненастьѣ; мокрый, ниспадающій туманъ въ безвѣтріе; самый мелкий снѣжокъ, крупа, заспа, снѣжная морось. Мучная пыль, особ. на мельницѣ, которую и называютъ иногда <i>бусихой</i> . <i>Бусь</i> , мусоръ, мелочь, остающаяся отъ разборки рудъ. <...> Бу'сий <i>сиб.</i> темно-голубосѣрый, избура-сѣрый, буродымчатый, буропепельный; о шерсти, темнобурый съ синевою, сизобурый. <...> (Даль, т. 1, с. 145)	БУСЬ , а, с. м. 1) Горн. Мелочь, отдѣляющаяся изъ подъ молотковъ при разборѣ или сортировкѣ рудъ. 2) Въ Сибири: самый мелкий дождь (1, с. 90)
Бу'сий , -ая, -ое, <i>пр. кач.</i> Дымчатый. <i>Бусая кошка</i> [Х.; Иш. о., 1848]	БУ'СЫЙ , ая, ое, <i>пр.</i> Сѣрый, дымчатый. Вят. <i>Бусая кошка</i> . Иркут. Камч. Тобол. Том. (18)		-
Бѣжать . Имѣеть иногда значеніе слова: ѣхать. <i>Въ волость ночью застѣдатель прибѣжалъ. Въ каку(ю) деревню свѣ(я)щенникъ-то побѣжал?</i> [Л.; Тоб. о., 1850]	БѢЖАТЬ , <i>гл. ср.</i> ѣхать. <i>Курьеръ бѣжитъ.</i> Тобол. (19)	БѢГАТЬ , <i>бѣгивать, бѣжать</i> <...> <i>Въ Сиб., на Дону, Уралѣ, бѣгать</i> и <i>бѣжать</i> значить также ѣхать шибко, верхомъ или упряжью. <i>Почта бѣжитъ; судъ бѣжитъ</i> <...> (Даль, т. 1, с. 150)	БѢЖАТЬ , <i>гл. ср.</i> (сов. убѣжать) 1) Усиленною ходьбою стараться достигнуть до извѣстнаго мѣста <...>. 2) Стремительно проходить. <...>. 3) Течь съ стремленіемъ. <...>. 4) * Удаляться, уклоняться. <...>. 5) (сов. убѣжать и сбѣжать) Укрываться, отлучаться своевольно отъ должности. <...>. 6) (сов. побѣжать) Линять, измѣняться <...> (1, с. 94)
Ваше Почтеніе есть родъ величанія, приписываемаго крестьянами волостному головѣ, или другимъ какимъ-либо почётнымъ безчиновнымъ лицамъ [К.; Тур.]	-	<...> <i>Ваше почтенье, смб.</i> ваша милость или ваше степенство; величанье нечиновныхъ, недворянъ, нпр. волостныхъ старшинъ ипр. <...> (Даль, т. 3, с. 371)	ПОЧТЕНІЕ , я, с. <i>ср.</i> Уваженіе, почесть. <...> (3, с. 415)
Волочуга . Малый возъ [Б.; с. Д., 1848]	ВОЛОЧУГА , и, с. <i>ж.</i> Небольшой возъ дровъ, сѣна или соломы. <...> Арханг. <i>Холмог. Шенк.</i> Волог. <i>Волог.</i> Оренб. (27)	<...> Волочу'га, волочу'жка <i>ж. стѣв. вост.</i> волокуша, остромокъ, возишка, возокъ сѣна, дровъ. <i>Арх.</i> копешка, ворохъ, кучка, сколько въ одинъ разъ можно стащить лошадыю, волокомъ. <i>Об.</i> бродяга, шатунъ, нищій отъ праздности; волочага и волокита. <...> (Даль, т. 1, с. 237)	-
Во'рга . Мелкія кочки на лугу [К.; Тур.]	ВО'РГА , и, с. <i>ж.</i> 1) Болотистая лощина, поросшая мѣлкимъ лѣсомъ. Арханг. <i>Мез.</i> 2) Топкое, болотистое мѣсто, не покрытое лѣсомъ. Тобол. (28)	ВО'РГА <i>ж.</i> зырянс. <i>арх.</i> болотистая, кустарная лощина; заливъ или проливъ въ лощинѣ; <...> <i>Сиб.</i> голое, кочковатое болото, окруженное суходоломъ. <i>Ниж.</i> сѣрникъ, накипь смолы на соснѣ, самотекомъ (Даль, т. 1, с. 242)	-
Го'лбчикъ . Надгробникъ; памятникъ [К.; Тур.]	ГО'ЛБЧИКЪ , а, с. м. Деревянный памятникъ на кладбищѣ въ видѣ домика. Оренб. Тобол. Том. (38)	ГО'ЛБЕЦЪ , <i>голбчикъ, гобець</i> м. <i>стѣв. вост.</i> и <i>сиб.</i> родъ примоста, загородки, чулана <...> <i>Го'лбець</i> говорится иногда и вмѣсто голубецъ, могильный памятникъ избушкой. <...> (Даль, т. 1, с. 366)	ГОЛБЕ'ЦЪ , бца', с. м. <i>Обл.</i> Отгородка въ избахъ при печахъ, въ которой находится сходъ въ подполье (1, с. 272)

«Материалы...»	Опыт 1852	Даль	Сл 1847
Госпожи'нки. День успенія Пресвятой Богородицы [Л.; Тоб. о., 1850]	-	<...> <i>Госпо'женка</i> ж. <i>зидн.</i> Богородица; отъ этого двухнедѣльный постъ передъ днемъ Успенія и самый день этотъ (15 авг.) называютъ: <i>госпожинъ-день</i> , или <i>госпожи'нки</i> , <i>госпо'женки</i> мн. <...> (Даль, т. 1, с. 386)	ГОСПОЖИ'НКИ , нокъ, с. м. мн. Двунедѣльный постъ предъ днемъ Успенія Богородицы; спожинки. <i>Говѣтъ въ госпожинки</i> (1, с. 284)
Де'коваться. Чудиться, представляться; потешаться. Наприм. когда челоѡкъ, купаясь въ водѣ, въ следствіе судорогъ, то вдругъ начинаеть тонуть, то выплываетъ, тогда крестьяне говорятъ, что это окаянный де'куется [Ад.; Кур. о., 1866]	ДЕ'КОВАТЬСЯ , <i>гл. об.</i> Издѣваться, насмѣхаться надъ чѣмъ нибудь. Волог. <i>Волог.</i> Вят. Перм. <i>Перм.</i> Тобол. (46)	ДЕ'КОВАТЬСЯ надъ кѣмъ, <i>нвг. влд. прм.</i> мпрс. смѣяться, шутить, насмѣхаться, подшучивать, дурачить. <i>Лгшій декуется надъ нами, сбиваетъ, заманиваетъ.</i> <...> (Даль, т. 1, с. 426)	-
Домови'на. Гробъ [Ад.; Кур. о., 1866]. Домови'шно. То же [Ад.; Кур. о., 1866]	ДОМОВИ'НА , ы, с. ж. Гробъ. Кур. <i>Судж.</i> Нижегород. <i>Семен.</i> Пенз. <i>Наровч.</i> Ряз. <i>Касим.</i> Симб. Твер. <i>Вышне-волоц.</i> (49)	<...> <i>Домови'на</i> ж. <i>домови'ще</i> ср. <i>домовье'</i> пск. гробъ, особ. одностеревый, долбленный, какой любятъ крестьяне въ <i>нвг. влд. кстр.</i> ипр. <...> <i>Домови'ще</i> , встарь, также станъ, притонъ, всякое жилие кромѣ собств. дома ипр. <...> <i>Домови'ще</i> , арх. опасный омутъ, притонъ водянаго <...> (Даль, т. 1, с. 466, 467)	ДОМОВИ'ЩЕ , а. с. <i>ср.</i> 1) <i>Стар.</i> Станъ, жилище. 2) Въ просторѣчїи: гробъ. <...> <i>Стар.</i> Земляныя укрѣпленія, или закрытыя ямы въ траншеяхъ. <...> (1, с. 349)
До'шлый , -ая, -ое, пр. Догадливый, продувный, хитрый. <i>Этого не вдругъ обмануть: онъ самъ дошлый</i> [Х.; Иш. о., 1848]. Хитрый, опытный, умный [Л.; Тоб. о., 1850]	ДО'ШЛОЙ , ая, ое, <i>пр.</i> 1) Смышленный, догадливый, искусившійся во всемъ. Арханг. <i>Арханг.</i> Волог. <i>Сольвыч.</i> Перм. Симб. Тамб. 2) Хитрый, лукавый. <...> Иркут. Камч. <...> (49–50)	ДО'ШЛЫЙ , который дошелъ или поспель. <...> о челоѡ. мастеръ своего дѣла; дока; опытный, свѣдушій, знающій, наторѣлый, бывалый, тертый, битый, смышленный, способный; пройдошливый, хитрый. <...> (Даль, т. 1, с. 488)	ДО'ШЛЫЙ , -ая, -ое, <i>пр.</i> <i>Простон.</i> Дошедшій до извѣстной степени возраста или зрѣлости. <...> (1, с. 369)
Затре'щина. Оплеуха – ударъ рукою по щекѣ [Т.; Бер., 1854]	-	<...> <i>Затре'щина</i> ж. сильный ударъ отъ руки. <...> (Даль, т. 1, с. 652)	ЗАТРЕ'ЩИНА , ы, с. <i>ж.</i> <i>Простон.</i> Сильный ударъ. <i>Дать затрещину</i> (2, с. 67)
И'верень. Маленькій осколокъ [З.; с. У-Н., 1891]	И'ВЕРЕНЬ , рня, с. м. 1) Щепка; осколокъ. Смол. 2) Мѣтка на ухѣ у домашняго скота, вырѣзанная въ видѣ заступа. Ворон. <i>Верхотш.</i> (73)	ИВЕРЕНЬ <...> м. верешокъ, щепка, ошепокъ; черепокъ, осколокъ, осколышь, отломочекъ; ускорнякъ, ускорнячекъ, выбоина или вырѣзка клиномъ, мѣтка на ухѣ скотины. <...> Плотнц. Зарубка, вырубъ бревна <...> (Даль т. 2, с. 6)	И'ВЕРЕНЬ , рня, с. м. Отщепокъ, отломокъ отъ твердаго тѣла. <i>Иверень отъ камня, отъ бомбы</i> (2, с. 99)
Изгалья'ться , -ляюся, -ляешься, <i>гл. общ.</i> Издѣваться, насмѣхаться. <i>Онъ любитъ изгалья'ться надъ другими</i> [Х.; Иш. о., 1848]	ИЗГАЛЯ'ТЬСЯ , <i>гл. об.</i> Насмѣхаться, трунить, скалозубить. <i>Полно изгальяться.</i> Арханг. <i>Арханг.</i> , <i>Холмог.</i> , <i>Шенк.</i> Тобол. (73)	ИЗГАЛЯ'ТЬСЯ или <i>изгиля'ться</i> <i>прм. арх.</i> (см. <i>га'лить</i>) насмѣхаться, трунить, зубоскалить, глумиться, подымать на смѣхъ; корчить, представлять либо передразнивать кого; ломаться, дурачиться, коверкаться, изгибаться. Кажется, это два разн. глг. <i>изгальяться</i> , насмѣхаться; а <i>изгиляться</i> , ломаться, изгибаться. <...> (Даль, т. 2, с. 17–18)	-

«Материалы...»	Опыт 1852	Даль	Сл 1847
Изье'стный. Богатый, имѣющий состояніе [Ад.; Кур. о., 1866]	ИЗЪБ'СТНЫЙ , ая, ое, пр. Богатый. Нижегород. (74)	<...> <i>Изьб'стный, изьбоду'чій человекъ</i> (ѣсть), <i>твр. пск.</i> завистливый, злой; <i>изье'стный</i> (есть) <i>ниж.</i> зажиточный, богатый. <...> (Даль, т. 2, с. 38)	-
Имать. Ловить [Б.; с. Д., 1848]. Ловить, хватать [Л.; Тоб. о., 1850]	ИМАТЬ , гл. д. Ловить. <i>Имай меня.</i> Вят. Олон. Перм. <i>Ирбит.</i> Псков. <i>Тороп. Тобол.</i> Ярослав. (74)	ИМАТЬ <...> <i>стѣв. и вост.</i> <...> брать, взять; ловить, залучать, хватать, брать; собирать, взымать <...> (Даль, т. 2, с. 42)	ИМАТИ <...> гл. д. <i>Церк. и Стар.</i> 1) Брать, ловить. <...> 2) Собирать, взимать. <...> (2, с. 130)
Квили'ть. Вводить въ слезы. [З.; с. У-Н., 1891]	КВИЛИТЬ . То же, что квели'ть. Волог. Оренб. Орл. Тамб. КВЕЛИТЬ , гл. д. О дѣтях: дразнить, доводить до слезъ. Волог. <i>Волог.</i> Оренб. Орл. Сибир. Тамб. (81)	КВЕЛИТЬ кого, <i>ярс. ниж.</i> влѣд. <i>тмб. орл. твр.</i> келить, арх. кя'лить, дразнить, сердить, доводить до слез, не давать покою, особенно дразнить ребѣнка <...> (Даль, т. 2, с. 103–104)	-
Кержакъ. Двоеданъ, старообрядецъ. Кержакъ въ букв. смыслѣ старообрядецъ, въ переносномъ нечистоплотный человекъ [З.; с. У-Н., 1891]	КЕРЖАКЪ , а', с. м. 1) Скупецъ. Волог. <i>Сольвыч.</i> 2) Старообрядецъ. Перм. Тобол. (82)	КЕРЖАКЪ м. <...> <i>сиб.</i> раскольникъ. <i>Влѣд.</i> скупецъ, скряга, жидоморъ (отъ Керженца <...>, притона раскольниковъ) <...> (Даль, т. 2, с. 105)	-
Клюка' . Кочерга [Б.; с. Д., 1848]	КЛЮКА , и', с. ж. 1) Кочерга. Вят. Иркут. Камч. Костр. <i>Кинеш. Нерех.</i> Перм. <i>Ирбит. Усол.</i> Твер. <i>Стариц. Тобол.</i> Том. 2) Палка, на которую опираются; костыль. Сибир. (84)	КЛЮКА' ж. крюкъ, крючекъ съ прямымъ загибомъ; палка этого вида, трость; костыль; <i>вост.</i> кочерга, уптрб. также на заводахъ; копань или жердь, вырубленная съ сучкомъ <...> (Даль, т. 2, с. 122)	КЛЮКА , и', с. ж. 1) Палка съ загнутымъ верхнимъ концемъ. <...>. 2) На горныхъ заводахъ: желѣзное орудіе, въ видѣ обыкновенной кочерги. 3) <i>Стар.</i> Лукавство, двоедушіе. <...> (2, с. 180)
Кондо'вый лѣсъ. Просушенный, здоровый лѣсъ. Если по одному концу бревна ударить, то на другомъ будетъ слышенъ звукъ похожій на звукъ колокола [З.; с. У-Н., 1891]	КОНДО'ВЫЙ , ая, ое, пр. 1) Отличающийся чистотою лѣсины, тонкостью болони и плотностью слоевъ самага дерева; крѣпкій, плотный, рудовый. <i>Кондовый лѣсъ.</i> Вят. Перм. <i>Ирбит.</i> 2) О людахъ: отличный. Перм. <i>Ирбит. Тобол.</i> (88)	<...> <i>Ко'ндовый арх. влѣд. вят. сиб.</i> о лѣсѣ: крѣпкій, плотный и здоровый, не трухлявый; о соснѣ: боровой, рудовый; вообще: дошлый, превосходный, первой руки. <...> (Даль, т. 2, с. 150)	КОНДОВЫЙ , ая, ое, пр. <i>Обл.</i> О деревьяхъ: отличающийся чистотою лѣсины, тонкостью болони и плотностью слоевъ. <i>Кондовое дерево</i> (2, с. 196)
Ко'ндырь , -я, с. м. Козырекъ. <i>Пришить къ шапкѣ новый ко'ндырь</i> [Х.; Иш. о., 1848]. Козырь у фуражки [Б.; с. Д., 1848]	КО'НДЫРЬ , я, с. м. Козырекъ у фуражки. Том. (88)	КО'НДЫРЬ м. стар. рукавный отворотъ или обшлагъ; <i>тмб.</i> то же, кожаная или плисовая обшивка рукава у кисти. <i>Влѣд.</i> стоячій или прямой (не косой) воротникъ мундира, рубашки; козырекъ фуражки. <i>Кондырь кур. арх.</i> козырь, козырекъ у фуражки; дѣвичья повязка изъ платка. <...> (Даль, т. 2, с. 150)	КО'НДЫРЬ , я, с. м. <i>Стар.</i> Отворотъ у рукавовъ Русскаго платья <...> (2, с. 196)
Ко'потъ , -и, с. ж. Пыль. <i>Сотри со стола ко'потъ</i> [Х.; Иш. о., 1848]. Копоть по дорогѣ. Пыль [Б.; с. Д., 1848]	КО'ПОТЬ , и, с. ж. Пыль. Вят. Иркут. Олон. Перм. <i>Ирбит.</i> Оренб. Том. (89)	<...> <i>Ко'потъ</i> ж. дымъ, осаждающийся на чемъ либо, сажа; <i>вост.</i> пыль, маркія, мелкій прахъ всякаго рода. Яма, въ которой гонятъ смолу или деготь. * <i>Арх.</i> быстрота, скорость, шибкость, прыткость въ бѣгѣ <...> (Даль, т. 2, с. 159)	КО'ПОТЬ , и, с. ж. 1) Тонкая сажа, твердо приставшая къ чему-либо. 2) Яма, въ которой гонятъ деготь и топятъ смолу (2, 204)
Кострома' , -ы, с. ж. Низкій сортъ мыла [Х.; Иш. о., 1848]	КОСТРОМА' , ы, с. ж. 1) Большая чучела изъ рогожь и соломы <...> Владим. <i>Муром.</i> 2) Худое мыло. Тобол. (91)	КОСТРОМА' ж. <i>тоб.</i> низкій сортъ мыла. <i>Влд-мур.</i> чучело изъ соломы и рогожь; <...> <i>Тул.</i> Розги, пукъ прутьевъ, ба тоги. <i>Игра:</i> <...> (Даль, т. 2, с. 176)	-

«Материалы...»	Опыт 1852	Даль	Сл 1847
Ку'корки. Корточки [З.; с. У-Н., 1891]	КУ'КОРКИ , рокъ, с. ж. мн. Плеча. <...> Арханг. <i>Шенк.</i> (96)	<...> <i>Ку'кры, ку'корки</i> ж. мн. <i>сѣв.</i> заплечье, поясница, за-бедры, крестецъ, захребетье, закукры, кокурки, кошелки, крошна или закрошни, закор-точки. <...> (Даль, т. 2, с. 214)	-
Кутья. Крупная во всё зерно ячменная крупа [Б.; с. Д., 1848]	КУТЬЯ' , и', с. ж. Толстая крупа. Тобол. (98)	КУТІЯ, кутья' ж. каша съ сытою, изюмомъ <...> (Даль, т. 2, с. 227)	КУТЬЯ' , и, с. ж. Тоже, что кутія'. КУТІЯ' , и', с. ж. Вареная пшеница или рисъ съ ме-домъ, приправленные обыкновенно изюмомъ, и приносимые въ церковь при поминаніи усопшихъ (2, с. 240)
Натрыжный. Навязчивый, напрасливый [Аб.; Ял. о., 1860]	НАТРЫ'ЖНЫЙ , ая, ое, <i>пр.</i> Безстыдный, неотвязчивый. Перм., <i>Шадр.</i> (125)	НАТРЫ'ЖНЫЙ? <i>перм.</i> на-глый, безстужий, наяливый. (Даль, т. 2, с. 488)	-
Ная'нливый. Напросливый; безстыдный [Ад.; Кур. о., 1866]	Ср.: НАЯНОВА'ТЫЙ , ая, ое, <i>пр.</i> Безстыдный, наяли-вый. Перм., <i>Шадр.</i> (126)	<...> <i>Ная'нный, ная'нливый, ная'нистый</i> , наглый, нахаль-ный, безстыжий, безотвязный или навязчивый. <...> (Даль, т. 2, с. 502)	НАЯ'НЛИВЫЙ , ая, ое, -въ, а, о, <i>пр.</i> Назойливый, нахальный. <i>Быть наяливу. Онъ человекъ наяливый</i> (2, с. 424)
Слати'ть. Врать, говорить небылицу [Л.; Тоб. о., 1850]. Приятно врать [Т.; Бер., 1854]	Ср.: СЛА'СИТЬ , <i>гл. д.</i> Вы-просить лестью. Псков. Твер. <i>Осташ.</i> (246)	<...> <i>Сласти'ть</i> <...> кому, сладить, льстить. <i>Подсластить въсточку</i> , приправить, смяг-чить, позолотить пилюли. <...> (Даль, т. 4, с. 217)	-

Основные этапы и результаты исследования

1. Обращение к словарю «Опытъ Областнаго Вѣдикорусскаго Словаря...», источниками которого стали материалы по 31 губернии (в том числе три по Тобольской губернии «отъ Директора училищъ Качурина», а именно собрания слов, «употребляемыхъ въ Тобольской губерніи», «въ Тарѣ и Тарскомъ округѣ» и «употребляемыхъ Русскими жителями Березовскаго края», кроме того, записи сибирских слов в материалах контр-адмирала Кузьмишева, члена Академии наук Малиновского и сенатора Толстого (Опыт: XI–XII)), свидетельствует, что в нем, например, зафиксировано 160 слов из 449 вошедших в «Материалы...» лексических единиц, начинающихся на первые десять букв алфавита (А–К), иначе 35,6%.

Фиксация слова в Тобольской губернии, в том числе наряду с другими губерниями России, указана в «Опыте...» всего для 19 «архивных» слов (на А–К) из 160 («тобольские+»); из них 11 представлены в таблице. Из 19 «тобольских+» слов шесть, а именно *алюсникъ, алюсничать, бѣжать, ворга, кострома, кутья*, сопровождаются указанием на Тобольскую губернию как на единственный регион употребления слова или словарного значения.

Как видим в материалах таблицы, в «Опыте...» зафиксировано 27 слов из 30 «архивных». Важно отметить, что помета Тобол. в таблице лишь однажды, для слова *алюсникъ*, «соседствует» с исключительно сибирскими (Иркут., Камч., Том., Якут.) территориальными пометами. Помета Тобол. плюс одна или несколько «европейских» помет (Арханг., Волог.,

Вят., Олон., Оренб., Орл., Перм., Псков., Тамб., Ярослав.) у слов *волочуга, ворга, дековаться, изгалъться, имать, квилить, кержакъ, кондовый*.

«Европейские» и «сибирские», включая Тобол., пометы даны в словаре для слов *бусъ, бусый, голбчик, клюка* – т. е. это слова, претендующие на статус междиалектных, но нуждающиеся в уточнении значения. Например, *бусъ*: ни в Ишимском, ни в Тюменском округах Тобольской губернии авторы архивного материала не отметили (по какой причине? Может быть, для них это было значение «не местное», а общераспространенное?) значение «мелкий дождь» (зафиксированное как «сибирское» в словаре 1847 г. и как первое – с пометами *вгд, прм, арх, сиб.* – в словаре В.И. Даля), в то время как значение «мучная пыль» (отмеченное Далем, но отсутствующее в Сл 1847) «приписано» в «Опыте...» к другим сибирским территориям (Иркут., Том., Якут.).

Для представленных в таблице примеров «тобольских» (согласно «Опыту...») слов, начинающихся на А–К, территорией употребления являются еще восемь губерний европейской части России (Владим., Ворон., Кур., Нижегород., Смол., Пенз., Ряз., Симб.), одно слово (*квелить*) и одно значение (*клюка 2*) помечены Сибир. Толкования слов могут как совпадать (*изъестный, копотъ, натрыжный*), так и различаться (*иверень 2, кукорки*).

Таким образом, на момент издания первого русского диалектного словаря территория распространения за счет Тобольской губернии могла бы быть расширена для 141 слова, или почти 88% от отмеченных и в «Материалах...», и в «Опыте...» лексических еди-

ниц. Эти данные могли бы служить не только косвенными указателями исходных регионов при уточнении путей миграции (добровольной или вынужденной) русского населения европейской части России в Сибирь, но конкретизировать места его расселения в Сибири.

2. В составе Сл. 1847 мы обнаружили 178 слов из «архивных» 449 на А–К, или 39,6%. Сопоставление их списка со списком 160 общих для «Материалов...» и «Опыта...» слов показывает их частичную общность. Так, и в «Опыте...», и в Сл. 1847 г. отмечаем указанные в сибирских рукописях как местные слова, вошедшие в Сл. 1847:

– с пометой *Обл.*: *батъ, втора, лонись*; с пометой *Въ Сибири*: *варнакъ*; с пометой *Простон.* (для всего слова или одного из его значений): *баять, богатей*. В сводную таблицу вошли три слова: *голбец* (значения в рукописи и словаре различаются: ‘надгробник, памятник’ и ‘отгородка в избе <...>’) и *кондовый* (значения близки) с пометой *Обл.*; *бусъ* (значения различаются: ‘мучная пыль’ и ‘2. Самый мелкий дождь’) с указанием *Въ Сибири*;

– без помет *Простон.*, *Обл.*, но с возможными другими пометами (*Мор.*, *Церк.*, *Стар.*, *Муз.*): *башмакъ, вервь, втапоры, втора, выть* (сущ.), *вышка, жадать*; с указанием на профессиональное употребление в одном из значений («на канатных заводах», «у охотников»): *вица, гаркать*;

– вообще без помет (слово или значение): *бъда, вица, враки, гаркать, докука, завозня, зимнякъ, зимусь*.

Обратим внимание, что значения в Сл. 1847 и «Материалах...» общих для их словарных слов могут как различаться (*башмакъ, бъда, варнакъ, выть, вышка, завозня, зимнякъ*), так и совпадать (*жадать, зимусь*).

В сводную таблицу оказались включенными всего 16 слов из 30 «архивных», при этом почти половина (семь слов: *бъжать, госпожинки, иверень, копотъ, кутья, наянливый, почтеніе*) не имеют никаких помет, т.е. представлены как общеупотребительные для русского языка первой половины XIX в. В этой ситуации особенно значимо, во-первых, дальнейшее детальное исследование фиксации этих и других слов, не имеющих помет, и их значений в других словарях. В частности, интересно, что среди шести словарных значений глагола *бъжать* в Сл. 1847 нет значения, указанного в архивной рукописи из Тобольского округа, а также зафиксированного двумя прочими словарями как местное: тобольское (Опыт 1852, с. 19) или сибирское, донское и уральское (Даль, т. 1, с. 150). Во-вторых, необходимо внимание к языковым компетенциям авторов представляемых в статье сибирских рукописей, в частности внимание к местам их рождения и уровню образования.

Как простонародные в Сл. 1847 представлены слова из таблицы *дошлый* и *затрецина* (в словаре Даля не имеющие территориальных помет); как употребляющееся в просторечии второе значение слова *домовище* (‘гроб’, то самое, которое отмечено как местное в остальных источниках статьи); как областные *голбецъ* и *кондовый*; с пометой *Въ Сибири* – только *бусъ*.

Таблица демонстрирует только отдельные примеры, нуждающиеся в продолжении и последующем

осмыслении, но косвенно иллюстрирующие выводы В.И. Даля о том, что, во-первых, «намъ еще едва ли можно отдѣлять словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»; во-вторых, что «въ Академическомъ словарѣ отмѣнены областными такія слова, которыя до нынѣ въ ходу почти повсемѣстно» [4, с. LXXXIX], иначе – выводы о близости (в диахроническом аспекте) областных и простонародных слов и о возможных трудностях их дифференциации без опоры на лингвогеографические данные.

3. В словаре В.И. Даля лексемы из «Материалов...» представлены в своем подавляющем большинстве, однако не все. Так, из первых 64 слов «Материалов...» не удалось обнаружить 12 единиц, в том числе:

А'йда. Ловко, удачно [Т.; Бер., 1854]; **Алла'кать.** Говорить, разговаривать; (происхождение этого слова должно быть татарское) [Ад.; Кур. о., 1866]; **Амфилохій.** Филопемь [Б.; с. Д., 1848]; **Ба'льки.** Пушистыя почки на вербахъ, камышъ [З.; с. У-Н., 1891]; **Бра'жиха.** Ханока', настойчивая просительница [Т.; Бер., 1854]; **Бра'ндовать.** Пренебрегать; презирать, гнушаться [Ад.; Кур. о., 1866].

Все эти слова отсутствуют и в двух других словарях, что может являться косвенным показателем их «местного» для территорий фиксации характера.

Сводная таблица свидетельствует, во-первых, что в словаре Даля зафиксированы все 30 из 30 «архивных»; во-вторых, без территориальных помет даны три слова (*дошлый, затрецина, иверень*); в-третьих, употребление в Тобольской губернии прямо или косвенно отмечено для 14 слов: *сиб.* – *алюсникъ, алюсничать, бусъ, бусый, ворга, голбецъ, кержакъ, кондовый; тоб.* – *кострома; вост.* – *волочуга, голбец, имать, клюка, копотъ; Въ Сиб.* – *бъжать*. При этом значения в словаре Даля с «архивными» значениями могут практически совпадать (*кержакъ*), абсолютно совпадать (*кострома*), а также расширяться или сужаться, например *бъжать*: ‘ехать’ в «Материалах...» и ‘ехать быстро, верхом или упряжью’ в словаре Даля.

Таким образом, стилистическая характеристика некоторых «тобольских» слов и в словаре Даля дает основания поставить под сомнение статус местного (регионального) слова (лексического диалектизма) в отношении некоторой части записанных тобольскими краеведами слов, а также задаться в будущем вопросом о факторе антропоцентризма при сборе лексикографического материала.

Выводы

Проведенное на достаточно ограниченной выборке представление тобольских лексических материалов из архива РГО, подготовленных к печати и вводимых в ближайшее время в научный оборот, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Записи слов, квалифицированных в середине и второй половине XIX в. восемью тобольскими краеведами – корреспондентами РГО – в качестве мест-

ных, присланных ими в составе авторских рукописей в столицу и отложившихся сегодня в архиве РГО, представляют из себя богатый лексический материал, позволяющий проводить в дальнейшем многообразные сопоставительные исследования, в том числе в аспекте рассмотрения языковой личности краеведа-волонтера.

2. Функционирование части зафиксированных краеведами слов на территории Тобольской губернии подтверждается записями других собирателей и лексикографическими источниками XIX в., в которых собраны результаты синхронного сбора местного лексического материала на территории Российской империи.

3. Большая часть «тобольских» слов представлена в трех словарях русского языка XIX в. без пометы о распространении их на территории Тобольской губернии, что исключает этот лексический материал в настоящее время из актуальной диалектологической повестки.

4. Внимание к лексическому значению «тобольских» слов приводит к выводу о наличии среди них лексико-семантических диалектизмов, анализ которых является одним из аспектов лингвогеографических исследований.

5. Сопоставительный анализ словарных помет в трех лексикографических источниках XIX в., в том числе с учетом готовящегося к печати сводного словаря «Материалы к словарю русской народной речи Тобольской губернии середины XIX века», свидетельствует о зыбкости границы между диалектными (местными) словами, «простонародной», просторечной и профессионально-окрашенной лексикой, демонстрируемой словарями русского языка, созданными в XIX в.

6. Дальнейшее исследование языковых единиц, вошедших в «Материалы к словарю русской народной речи Тобольской губернии середины XIX века», в проекции на исторические и современные региональные (диалектные) словари позволит уточнить пути распространения русской народной речи благодаря миграции ее носителей, активизировать лингвогеографические исследования, традиционно проводимые на материале русских говоров европейской России, в «сибирском направлении», т. е. на территориях вторичных говоров и отдельных сибирских регионов в частности.

7. Вводимые в научный оборот материалы могут быть использованы для активизации сибирской ареальной лингвистики, для картографирования сибирских регионов, и бывшей Тобольской губернии в частности, в диахроническом аспекте, на основании временной стратификации лексем.

Источники

Аб.; Ял. о., 1860 – Абрамов Н. Ялуторовский округъ Тобольской Губеріи // АРГО. Ф. Р 61. Оп. 1. Д. 23. Лл. 73–76 об.

Ад.; Кур. о., 1866 – Адрианов В. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи // АРГО. Ф. Р 61. Оп. 1. Д. 21. Лл. 7–10 об., 25.

Б.; с. Д., 1848 – Бедняков И. Свѣдѣнія въ Россійское Географическое Общество вслѣдствіе указа Тобольской

Духовной Консистоіи отъ 24го мая 1848 года за № 374 послѣдовавшаго доставляемья Тобольской Губерніи и округи села Долгоярскаго Введенской Церкви Священно и церковнослужителями // АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 30. Лл. 1–20 об.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989–1991.

З.; с. У-Н., 1891 –Зобнин Ф.К. Говорѣ жителей села Усть-Ницынскаго Тюменскаго округа // АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 37. Тетрадь 3. Л. 51 об.–75, 95, 96 об., 97.

К.; Тур. – Костя М. Особенности местного произношения в г. Туринске и округе его (Тобольской губ.) // АРГО. Ф. Р 61. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–6.

Л.; Тоб. о., 1850 – Лисицын И. О языкѣ Тобольской губерніи // АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 15. Лл. 1–12 об.

Опыт 1852 – Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря, изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ СПб.: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ, 1852. 328 с. [Электронный ресурс]. URL: Опытъ областнаго великорусскаго словаря, изданный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской академіи наук – [ред. А. Х. Востоков] - Система онлайн-просмотра (rusneb.ru) (дата обращения 28.06.2021)

Сл 1847 – Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской Академіи наук. Репр. изд.: в 2 кн. СПб.: Изд-во С.-Петербургскаго университета, 2001. Кн. I (Т. I, II). 928 с.

Т.; Бер., 1854 – Тверетинъ В. Этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ города Березова // АРГО. Ф. Р 61. Оп. 1. Д. 28. Лл. 1 об.–3.

Х.; Иш. о., 1848 – Худяков А.Г. Этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ Ишимскаго округа Тобольской Губерніи // АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 12. Лл. 1–14 об.

Литература

1. Вендина, Т. И. К проблеме интерпретации лингвистической карты / Т. И. Вендина // Славянский альманах, 2008. – Москва : Индрик, 2009. – 408 с.

2. Вендина, Т. И. Типология лексических ареалов Славии / Вендина Т. И. – Москва : Институт славяноведения РАН ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – 692 с.

3. Даль В. И. Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря, изданный II Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, изданный подъ ред. В.А. Милютина. 1852. Часть 6. Книжка 1. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1852. 604 с. – URL: RuPRLIB12047669.pdf (rgo.ru) (дата обращения: 30.06.2021). – Текст : электронный.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 1: А–З / Даль В. И. – Москва : Русский язык, 1989. – 699 с.

5. Срезневский, И. И. Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества на 1851 годъ. Часть. I. Книжка. 1. / Ред. А.А. Краевскій. СПб.: Въ типографіи Эдуарда Праца, 1851. 674 с. – URL: RuPRLIB12047666.pdf (rgo.ru) (дата обращения: 30.06.2021). – Текст : электронный.

6. Зеленин, Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорскаго Русскаго географическаго общества / Д. К. Зеленин ; подготовка текста и вступительная статья А. И. Васкул. – Санкт-Петербург : Композитор ъ Санкт-Петербург, 2019. – Вып. 4. – 512 с.

7. Пшеничникова, Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров) / Н. Н. Пшеничникова. – Москва : Азбуковник, 2008. – 220 с.

O.V. Trofimova

**«MATERIALS FOR THE DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK SPEECH
IN THE TOBOLSK PROVINCE IN THE 19TH CENTURY (1848–1891)»:
LINGUISTIC AND GEOGRAPHICAL ASPECTS**

The article presents archival handwritten lexical materials that characterize local words in the speech of residents of the Tobolsk province in the second half of the 19th century. The materials were collected by Siberian local historians in response to requests from the Ethnographic Program of the Russian Geographical Society. The comparison with lexicographic sources of the 19th century revealed that the Siberian materials introduced into scientific circulation partially fill in the gaps in the history of Russian and its dialects. The relative correlation of the lexical semantics of words used in Siberia with different dialect areas of the European part of Russia is revealed. The differences in the stylistic characteristics of the analyzed individual words in the dictionaries of the 19th century are shown; these differences call into question the status of the local (regional) word for a certain part of the words recorded in the Tobolsk province.

Dialects, history of Russian, linguogeography, lexical dialectisms, lexicographic sources of the 19th century, scientific archive of the Russian Geographical Society, Siberia.

Т.К. Ховрина

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА И ИХ СЛАВЯНО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

В статье анализируются славяно-русские соответствия иноязычных слов, приемы их толкования в ярославском экземпляре Тезауруса Герасима Влаха (четырёхязычного ново- и древнегреческо-латино-итальянского лексикона), изданного в Венеции в 1659 г., рукописный перевод которого был осуществлен в конце XVII – начале XVIII в. Исследуются описательные переводы, одной из причин которых могло быть отсутствие в языке того времени адекватного эквивалента иноязычным словам оригинала. Рассматривается освоение лексических заимствований русским языком в XVIII в., формирование научной терминологии.

Историческая лексикология и лексикография, семантика, переводные словари, словарная статья, заимствованная лексика.

Одним из неперенных источников пополнения лексического состава языка являются заимствования. Проблема лексических заимствований неизменно возникала на разных исторических этапах развития русского языка, но особенно актуальной она становится в XVIII веке – в эпоху непрекращающихся и интенсивных языковых контактов. В такой период «появление иноязычной номинативной единицы на любом участке семантического пространства служит, как правило, импульсом, вызывающим контрноминацию силами языка родного» [2, с. 5], поэтому для языковой ситуации XVIII в. особую важность приобретает вопрос о взаимоотношении иноязычных новаций с исконным словарем. При этом исследователи подчеркивают, что при диахроническом рассмотрении процесса заимствования «теоретически важным представляется определение крайних точек процесса: время заимствования и время освоения заимствованного (превращения “чужого” в “свое”» (Там же, с. 10).

Особое место в изучении заимствованной лексики XVIII в. занимают лексикографические источники этого времени. Иностранные слова в русском языке – один из постоянных и традиционных объектов лексикографирования, они широко представлены в Азбукниках XVI–XVII вв. (см.: [3]). Существенную роль в выяснении вопроса о лексической сопоставимости и эквивалентности играют, в частности, иноязычно-русские словари, созданные в XVIII в. Состав таких словарей для Петровской эпохи традиционен: в переводимой или толкуемой их части обычно представлены языки латинский, греческий, немецкий, голландский (ср. «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова (1704 г.), Русско-голландский и голландско-русский лексикон Я. Брюса (1717 г.) и появившийся несколько позднее в 1731 г. Немецко-латино-русский лексикон Э. Вейсмана), так как именно с них в большинстве своем делаются переводы в это время. Ценность словарей такого рода состоит в том, что их русская (славянская) часть «позволяет судить о системе русских соответствий словам иноязычным в понимании со-

временников» [2, с. 65]. Объектом нашего рассмотрения являются иноязычные слова и способы их передачи в переводных словарях начала XVIII века.

К числу лексикографических памятников Петровской эпохи относится и Тезаурус Герасима Влаха (четырёхязычный ново- и древнегреческо-латино-итальянский лексикон), изданный в Венеции в 1659 г. (Γερασίου ΒλάχουΘησαυρός... τετράγλωσσος). Экземпляр этого словаря, хранящийся в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника, содержит рукописный перевод всех словарных статей на книжно-славянский (поздний церковнославянский) язык конца XVII – начала XVIII в. Владельческая записка (датирована 1714 г.) свидетельствует о том, что он принадлежал видному переводчику, справщику Московского Печатного двора, носителю высокой книжной образованности конца XVII – начала XVIII в. Алексею Кирилловичу Барсову (1673–1736). Славянские соответствия вписаны в Лексикон Влаха двумя лицами, одним из авторов славянского перевода и его редактором, как показал текстологический анализ памятника, и был А.К. Барсов [5, с. 92–95].

Перевод иноязычных слов осуществлен в ярославском экземпляре словаря путем подбора к ним одного или ряда славянских соответствий, синонимичных или семантически сближенных, способных выступать в качестве их равносильной замены. Таким образом, наш источник относится к тому типу переводных (дву- и многоязычных) словарей, культивировавшихся в России XVII – первой трети XVIII в., в которых совокупность значений слова-оригинала передавалась «совокупностью переводов» [4, с. 73]. Подобным образом организованы словарные статьи в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова. Русские переводчики стремились по возможности передать славянскими средствами иноязычные слова, этим и объясняется присутствие в славянской части нескольких эквивалентов вокабулам Влаха. Е.Э. Биржакова отмечает, что характерной особенностью иноязычно-

русских словарей XVIII в. «была попытка представить в русской части весь возможный ассортимент русских соответствий и возможных способов передачи смысла слова чужого языка» [1, с. 176].

В славянском переводе Лексикона Влаха представлены не только однословные номинации, отдельные лексемы, но и описательные конструкции. Одной из причин описательного перевода могло быть отсутствие в языке того времени адекватного эквивалента иноязычным словам, называющим некоторые реалии. Нередко им становилось впоследствии заимствованное слово. Обратимся к таким словарным статьям нашего источника и рассмотрим, как шел поиск межъязыковых лексических соотношений, причем следует иметь в виду, что непосредственным объектом перевода в нем были несомненно греческие и латинские слова оригинала. Так, греч. *φουλαχτάρι*, лат. *amuletum* ‘амулет, талисман’ переведены следующим образом: *хранение, врачба от всякаго зла*. В данном случае семантика иноязычных лексем, называющих конкретный предмет, передана описательно, здесь присутствуют деривационные образования с абстрактным значением, характерные для книжно-славянских текстов. Славянизм *врачба* в значениях ‘лечение, врачевание, исцеление недугов’ и ‘лекарство’ представлен в древнеславянских памятниках письменности (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 102), в первом значении он зафиксирован, в частности, в старославянской Супрасльской рукописи XI в. (СС, с. 123). Во втором значении ‘лекарство’ эта лексема включена в «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова, ср.: *Врачба, ..medicamentum, remedium, antidotum* (ЛП, л. 61). В XVIII в. данное слово уже употребляется редко (СРЯ XVIII, вып. 4, с. 126).

Наименование *амулет* ‘предмет, носимый на теле как магическое средство против болезней, несчастий и т.п., талисман’ заимствуется (из лат. *amuletum* непосредственно и через франц. *amulette*) только в середине XVIII в., его появление документировано 1751 г. Слово зафиксировано, в частности, в «Словаре коммерческом, содержащем познание о товарах всех стран...», переведенном с французского языка в 1787 г.: *Древние вырезывали на них <камнях> амулеты, или род талисманов, и нашивали повесивши на шею... от мороваго поветрия* (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 61).

В двух словарных статьях Лексикона Влаха, следующих одна за другой, даны названия гранатового дерева и его плодов, ср.: *родіа, punicа, зернисто яблоко; рóді, maluspunicus*, итал. *romogranato*, *плод его*. В первом переводе представлена атрибутивная конструкция (ср. лат. *granatus* ‘зернистый’), а во втором дана отсылка к нему (ср. лат. *malumgranatum* ‘гранатовое яблоко, гранат’). Лексема *гранат* в начале XVIII в. еще только осваивалась русским языком. Она зафиксирована, в частности, в 1707 г. в переписке Петра I: *На дереве гранате яблоко поспело, и я, сняв, послал до вашего величества* (СРЯ XVIII, вып. 5, с. 219). Здесь, как видим, присутствует иноязычное наименование дерева, а его плод по ассоциации с другим фруктом назван яблоком без уточняющего определения. В другом источнике «Описание книги сея государства китайского или хинского» (1731 г.), где речь соответственно идет о «чужой» реалии, пред-

ставлено название самого фрукта: *Около тех городов родится всякои овиць, а наипаче лимоны и помаранцы, яблоки и гранаты* (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 122). Ср. толкование лексемы *гранат* в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: ‘*punicagranatum*, деревцо и плод южных стран’ (Сл. 1847, т. 1, с. 288). Употребление лексемы *зернистый* ‘состоящий из зерен, содержащий их (о плодах злаковых и др. растений)’ в сочетании с названием плода гранатового дерева находим в конце XVIII столетия в «Творениях» М.М. Хераскова, ср.: *Приманчивы плоды на древе сем висят, Зернистых красный вид имеющи гранат* (СРЯ XVIII, вып. 8, с. 176). По мнению этимологов, слово *гранат* ‘дерево и плод *Punicagranatum*’ заимствовано из нем. *Granat* (*apfel*), которое восходит к лат. *romumgranatum* (Фасмер, т. 1, с. 452).

В некоторых случаях русские переводчики, исходя из своих знаний о том или ином предмете, явлении и т. п., дают более развернутое толкование вокабул Влаха. Так, греч. *κατάρτι*, лат. *malus* ‘мачта’ первоначально были переведены описательно: *дерево на корабле на нем же парус ставится*. А.К. Барсов дополняет перевод словами *слемя, ядрило*, наименованиями мачты, свойственными церковнославянскому языку. Оба слова включены в Словарь 1847 г. с пометой «*церк.*» (Сл. 1847, т. 4, с. 146, 480). Кроме того, поскольку греческое слово имеет и второе значение ‘парус’, Барсов вписывает еще несколько возможных славянских соответствий: *опона, парус, ветрило, платно*. Таким образом, даже название конкретного предмета передается рядом синонимичных лексем.

В конце XVII – начале XVIII в. морской термин *мачта*, заимствованный из голландского *mast* непосредственно и через нем. *Mast*, пол. *maszt*, еще только входил в употребление, и существовали два варианта данного наименования женского рода *мачта* (*машита*) и мужского *мачт* (*машит*) (СРЯ XVIII, вып. 12, с. 98). Вариант *машита* отмечен в документах Петра I (1696 г.), ср.: *Если которой капитан какия вести услышитъ... про неприятеля... фонарь на машите да поставитъ* (СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 50). Другой вариант *мачт* представлен в материалах для истории русского флота начала XVIII в.: *У нас на едином корабли мачт неприятели ранили, токмо еще стоит, а нельзя парусов на тот мачт для погоды распуцать* (СРЯ XVIII, вып. 12, с. 98).

Материальная форма слова «в пору его вхождения в новую языковую среду» обычно многообразно варьируется, отмечают исследователи словарного состава русского языка XVIII века [2, с. 12]. Вариант мужского рода включен в «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова, ср.: *Машитъ, шогло, malus* (ЛП, л. 167). В Русско-голландском лексиконе Я. Брюса (1717 г.) даны две формы: *Машикторабелной, щегло. Mast; Машта, или щегло*; ср. в Немецко-латинорусском лексиконе Вейсманна (1731 г.): *Mastbaum, malus, машита, машитовое дерево, щогла* [2, с. 124]. Во всех приведенных словарных статьях лексиконов начала XVIII в. присутствует лексема *щегла* (*щегло*) – русское наименование мачты. Оно включено в «Словарь Академии Российской» (1806–1822 гг.) со следующим подробным описанием называемой им реалии: «*Щегла*. Высокое и толстое бревно, одним кон-

цем среди корабля стоймя укрепленное, к верхнему концу которого протянуты от носу и кормы веревки для поднимания парусов. *Иначе называется мачта*» (САР, ч. 6, с. 1390). Лексема *мачта* также присутствует в САР, но она подана как новое слово, ср. словарную статью: **Мачта**. Нем. Щегла. *Зри сие слово* (Там же, ч. 3, с. 721), т. е. здесь указан источник заимствования, но отсылка дается к слову, ранее существовавшему в русском языке.

Материалы переводной части Лексикона Влада проливают свет на формирование научной терминологии русского языка, в частности медицинских терминов. Так, греч. *πλευρίτις*, лат. *Pleuritides* переданы лексемой *бокоболение*. Данный перевод раскрывает историю становления в русском языке термина *плеврит*. Плеврит – воспаление плевры, тонкой оболочки, покрывающей легкие и выстилающей внутренние стенки грудной полости. Характерными признаками этого заболевания являются колющая боль в грудной клетке, связанная с дыханием, кашель, одышка и др. (СЭС, с. 1024). Греческое и латинское слова, называющие это заболевание, как видим, переведены в нашем источнике сложением *бокоболение*. Подобным образом толкуются названные слова и в других словарях XVII – начала XVIII в., содержащих книжно-славянскую лексику, ср. в «Лексиконе латинском» Е. Славинецкого: *pleuritis*, *бокоболие* (ЛЛ, с. 319). В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова представлены две словарные статьи: *Боковая болезнь*, *πλευρίτις*, *pleuritis* (ЛП, л. 30); а следующая за ней статья с заглавным словом *бокоболение* дана с отсылкой «тоже».

Происхождение данных композит с первым компонентом *бок-*, несомненно, связано с греч. *πλευρά*, *πλευρόν* ‘бок’. Греческое *πλευρίτις* (-ις) воспринималось переводчиками как «боль в боку» (ср. лат. *pleuritis* ‘колотё в боку’), поэтому и появились наименования *бокоболение*, *бокоболие*, *боковая болезнь*. В практике XVIII в. (в переводных источниках), как известно, были текстовые пояснения к новым или недостаточно знакомым словам. В «Книге систима или состояние мухаммеданския религии» Д. Кантемира, переведенной с латинского (1722 г.), употреблено слово *плевра*, которое снабжено комментарием, ср.: *Иные... утверждают, аки бы он <Мухаммед> чрез семь дней плеврою [болением боков] немоществовав, от той болезни... в другии седмыи день умре* (СРЯ XVIII, вып. 20, с. 17–18). В данном источнике не только впервые зафиксирован неологизм XVIII в. *плевра* ‘воспаление плевры; плеврит’ (происходит от ср.-лат. *pleura*), предшественник современного термина *плеврит*, но и дано его объяснение словосочетанием, аналогичным приведенным выше наименованиям.

Лексема *бокоболение* в СРЯ XVIII в. толкуется как ‘боль в боку’ и иллюстрируется единственным примером из исследования Ригера «О воздухе», переведенного с латинского в 1744 г.: *В бокоболении трудная одышка, и большие в грудях давит, ежели студеныя, сухие, распустившиеся ветры долго будут веять* (СРЯ XVIII, вып. 2, с. 95). Судя по названным здесь признакам болезни, речь опять идет о плеврите, хотя в СРЯ XVIII в. не уточнено название заболевания. Таким образом, сфера употребления слова *боко-*

боление и представленных выше словосочетаний ограничивается источниками переводного характера. В XVIII веке, по данным СРЯ XVIII в., лексема *бокоболение* утрачивается. Термин *плеврит* впервые был употреблен в Большой энциклопедии под ред. С.Н. Южакова (изд. 1901–1909 гг.), лексикографическую фиксацию слово получило в Словаре иностранных слов 1937 г. (БАС, т. 17, с. 51–52).

Проанализированные материалы, таким образом, показывают, что вхождение иноязычных номинаций в принимающую языковую среду представляет собой сложный процесс, неизменно сопровождающийся творчеством. В процессе переводческой деятельности могли возникать «временные» славяно-русские соответствия иноязычных слов, которые впоследствии утрачивались. Рассмотренные материалы лексикографических источников отражают этапы освоения лексических заимствований русским языком, проливают свет на формирование научной терминологии в XVIII веке.

Источники

БАС – Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 17. – Санкт-Петербург: Наука, 2011.

ЛП – Поликарпов, Ф.П. Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище / Ф.П. Поликарпов. – Москва, 1704.

ЛЛ – Славинецкий, Е. Лексикон латинский / Е. Славинецкий // Лексикон латинский Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановского. – Київ: Наукова думка, 1973.

САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – Санкт-Петербург, 1806–1822.

Сл РЯХI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. – Москва: Наука, 1975–2019 (издание продолжается).

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. – Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).

Сл. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: в 4 т. – Санкт-Петербург, 1847.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1979.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1994.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Прогресс, 1986–1987.

Литература

1. Биржакова, Е. Э. К вопросу об источниках Словаря русского языка XVIII в. / Е. Э. Биржакова // Русская лексикография XVIII века. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – С. 168–180.

2. Биржакова, Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Ленинград: Наука, 1972. – 431 с.

3. Ковтун, Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность) / Л. С. Ковтун. – Ленинград: Наука, 1989. – 296 с.

4. Кутина, Л. Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) / Л. Л. Кути-

на // Словари и словарное дело в России XVIII в. – Ленинград : Наука, 1980. – С. 70–89.

5. Ховрина, Т. К. Лексикографическая деятельность справщиков Московского печатного двора / Т. К. Ховрина // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института

лингвистических исследований РАН / ответственный редактор Н. Н. Казанский. Том 5. Часть 3. Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания). Сборник 3. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – С. 92–103.

T.K. Khovrina

**FOREIGN WORDS AND THEIR SLAVIC-RUSSIAN EQUIVALENTS
IN TRANSLATION DICTIONARIES OF THE EARLY 18TH CENTURY**

The article considers the Slavic-Russian equivalents of foreign words and the methods of their interpretation in the Yaroslavl copy of Thesaurus by Gerasim Vlach (Old and Modern Greek-Latin-Italian lexicon) published in Venice in 1659. The manuscript translation of the Thesaurus was carried out at the end of the 17th and the beginning of the 18th centuries. The article investigates descriptive translations, which were used due to the absence in the language of that time adequate equivalents of foreign words. The author examines the development of lexical borrowings into Russian in the 18th century and formation of scientific terminology.

Historical lexicology and lexicography, semantics, translation dictionaries, dictionary entry, borrowed vocabulary.

М.Г. Шарихина

Институт лингвистических исследований РАН

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ I В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА (ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)

В статье рассматриваются вопросы лексикографического описания наименований Лжедмитрия I в рамках «Словаря антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале панегирических жанров)». В панегирической поэзии большинство наименований Лжедмитрия I относится к Г. Отрепьеву, который в литературе XVIII в. устойчиво с ним отождествлялся. Результатом такого отождествления стало образование контаминированного наименования *притворный Димитрий Рострига*, которое встречается в прозе Феофана Прокоповича. Это позволяет дать в «Словаре» их общее семантическое описание. Среди наименований Г. Отрепьева встречается лексема *расстрига*, которая проявляет в поэзии Г.Р. Державина лексико-семантические и грамматические признаки имени собственного. Привлечение материала непанегирических жанров позволяет во многих случаях прояснить семантику исследуемых лексем.

Антропоним, лексикографическое описание, панегирическая поэзия, литература XVIII в., Лжедмитрий.

В отделе «Словарь языка М.В. Ломоносова» ИЛИ РАН в настоящее время ведется работа по созданию «Словаря антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале поэтических панегирических жанров)»¹. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопросов лексикографического описания наименований Лжедмитрия I, которое предполагается осуществить в рамках указанного словаря.

В панегирической поэзии этот герой русской истории упоминается редко (зафиксировано всего 4 употребления). Приведем контексты:

(1) «К претяжкому России стону / И к скорби всех ее сынов, / Дерзнул тогда коснуться трону / Убийца царский Годунов, / Потом, злодей и раб безбожный, / Низверг его **Димитрий ложный** / И начал россов угнетать. / О, страх, о, скорбь, о, тяжки раны, / Владеют россами тираны, / И им против не могут стать» (5, с. 193);

(2) «Тогда бич здешних стран, преемник **Гришки**, Смерда, / Соотчич Разина, разбойника злосерда, / Свирепый, злобный тигр, рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод, вломился Пугачов» (3, т. III, с. 320);

(3) «**Разстриги**, Кромвели, Надиры, / Вельможи злые и цари / Для хвал своих имеют лиры, / Для обожанья алтари» (3, т. I, с. 320);

(4) «На троне Филарет, в темнице, / Как праведник, всегда почтен. / В пыли **Отрепьев**, в багрянице, / Как изверг, завсегда презрен» (3, т. I, с. 534).

В приведенных цитатах Лжедмитрий I напрямую указан только в первом примере (*Димитрий ложный*), в других контекстах приводятся наименования Григория Отрепьева, дьяка Чудова монастыря, с которым традиционно отождествляют Лжедмитрия I.

В составляемом словаре описание предполагает соотнесение поэтических персонажей и их реальных прототипов. Так, в качестве заголовочной формы принимается энциклопедическая форма имени, а семантическое описание базируется на энциклопедических сведениях, которые заимствуются из авторитетных энциклопедий и словарей [9, с. 84]. Принятый принцип не позволяет объединить в одной словарной статье Лжедмитрия I и Григория Отрепьева. Действительно, номинации *Гришка*, *разстрига* и *Отрепьев* соответствуют только одному историческому лицу – Григорию Отрепьеву. В то же время наименование *Димитрий ложный* не имеет непосредственного денотата, поэтому получает лексическое описание в рамках статьи «Лжедмитрий I», который в словаре имеет опосредованную семантику – «Самозванец, выдававший себя за погибшего царевича Дмитрия с целью занять русский престол; русский царь (1605–1606)». Отсутствие прямого денотата, а также появление в период русской Смуты нескольких самозванцев, мотивирует в русской литературе XVIII в. употребление наименований *лжедмитрий*, *Псевдодимитрий*, *ложный Димитрий (Дмитрий)* во множественном числе, которые встречаются в церковной прозе, например:

(5) «Третье, что и наипаче, по прошествии оной непогоды, какая была на Москве от смятения **лжедмитриев**, и разорения Поляков, когда Бог возвел на Российское царство Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича» (8, т. VI, с. 21);

(6) «иногда же у своих **Псевдодимитриев** прибежища себе искал <корабль Отечества>» (2, с. 35).

В то же время Лжедмитрий I и Григорий Отрепьев отождествляются большинством исследователей современной историографии, а в особенности официальной историографии XVIII в. Приведем примеры:

(7) «Наконец самозванец Гришка Расстрига, назвавшись царевичем Димитрием убиенным, помощью

¹ Подробное описание проекта словаря (материала, принципов составления и других аспектов) представлено в статье Е.М. Матвеева [9].

поляков, казаков и отступивших от царя Бориса россиян приблизился к Москве» (4, с. 330);

(8) «Емельян Пугачев, скитавшийся пред сим в Польше, по примеру прежнего государственного злодея и предателя Гришки Расстриги, отважившись, даже без всякого подобия и вероятности, взять на себя имя покойного императора Петра III, тем не меньше предупредил в своем изменническом и злодейском умысле» ([Екатерина II]. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту (1773) (7).

Такое отождествление было свойственно и исторической прозе, например:

(9) «Внезапу тогда открылся вепрь дивий из дубравы, или паче злейшее ада исчадие, Гришка Отрепьев, который присвоив себе имя блаженнаго Царевича Димитрия, яко пес безстыдный дерзнул вскочить на царский престол» (8, т. III, с. 110);

(10) «не стало правилнаго наследника, zde Годуновы, zde чернец прелестник Атрепиев, zde Владислав королевич полски свататися на тебе (России – М. Ш.) начал» (1, с. 369).

Результатом устойчивого сближения Лжедмитрия I и Григория Отрепьева в русской словесности XVIII в. стало образование контаминированного наименования *притворный Димитрий Рострига*:

(11) «Много же мучительствовав (Борис Годунов – М. Ш.), но и сам войною польскою от притворнаго Димитрия Ростриги удручен. Скончася в лето 1604» (Феофан Прокопович «Родословие», в статье: [6, с. 46]).

При этом частью антропонима можно считать и устойчивый эпитет *притворный*, который вместе с именем *Димитрий* можно рассматривать в качестве лексического варианта наименования *Лжедмитрий*.

Таким образом, материал панегирической литературы позволяет уточнить соотношение наименований Лжедмитрия I и Григория Отрепьева в антропонимическом пространстве русской словесности XVIII в.

В контексте (3) из оды Г.Р. Державина «На коварство французскаго возмущения и в честь князя Пожарскаго» слово *расстрига* (вариант *разстрига*) проявляет лексико-семантические и грамматические признаки имени собственного. Во-первых, оно употреблено в ряду имен собственных, которые объединены в стихотворении общим гиперонимом *цари*. Отнесенность наименования *расстрига* к одному реальному лицу подтверждается автокомментарием Г.Р. Державина в «Объяснениях Державина на его сочинения»: «Разстриги, Кромвели, Надиры. – Гришка Отрепьев, или Разстрига, известный похититель российскаго престола» (3, т. III, с. 629). Во-вторых, употребление лексемы *расстрига* во множественном числе свидетельствует о ее апеллятивации². Подобное использование наименования *Лжедмитрий* не имело бы того же результата, так как соответствовало бы реальной исторической ситуации (появление на престоле нескольких Лжедмитриев). Итак, приобретение черт имени нарицательного становится возможным только в том случае, если лексема *расстрига* прежде являлась именем собственным.

² В создаваемом «Словаре» употребление имени собственного в значении нарицательного рассматривается в качестве тропа антономазии [9, с. 88].

Слово *расстрига* (вариант *рострига*) используется для наименования Лжедмитрия I в ораторской прозе Гавриила Бужинского (1, с. 464) и Гедеона Криновского (2, с. 35). В связи с этим заслуживает внимания и то, что в «Национальном корпусе русского языка» все употребления слова *расстрига* в литературе, созданной в период с 1700–1801 гг. (всего 5 употреблений), относятся к Г. Отрепьеву и Лжедмитрию I и в большинстве случаев являются единственным идентификатором этого исторического лица, например:

(12) «Но продолжительно бы было при каждом Государѣ продолжать сие изчисление; довольно естли вѣдаемъ, что при Царѣ Ѳеодорѣ іоанновичѣ вѣщшее число было Окольныхихъ 12; при Царѣ Борисѣ Годуновѣ 17; при **Разстригѣ** 18; при Царѣ Васильѣ Ивановичѣ Шуйскомѣ 18 же» (Ф.И. Миллер «Известие о дворянах российских»; (7));

(13) «Во мне зрится непространное и нехорошее здание стариннаго дворца за золотой решеткой; там царь Иоанн Васильевич жил; там видно то окошко, коим от грозящего ему наказания **расстрига** спастись хотел» (М.М. Щербатов «Прошение Москвы о забвении ея»; (7)).

Показательно, что лексема *расстрига* является основным наименованием Г. Отрепьева и в языке М.В. Ломоносова, где в 6 случаях используется существительное *расстрига* (в одном из них в составе сложного наименования *самозванец Гришка Расстрига*), в 2 случаях – прилагательное *расстригин*, например:

(14) «Федор Борисович Годунов по смерти отца своего наречен на царство от всех чинов московскаго народа, который ему и учинил присягу. Однако в войске большая часть бояр взволновались и предались **Расстриге** почти со всеми полками. **Расстрига** приказал в Москве искоренить Годуновых, и посланные царя Федора умертвили и с матерью, а сестру отдали **Расстриге**, которую он обругав постриг, и, в Москву пришед, женился на польке» (4, с. 330–331);

(15) «Погибель **Расстригина**. Перед Грановитою палатою поверженнаго **Расстригу** и многими ранами уязвленнаго и окровавленнаго за ногу веревкою тянут» (Там же, с. 371).

Изолированное употребление лексемы *Расстрига* для наименования и Г. Отрепьева, и Лжедмитрия I в исторических сочинениях М.В. Ломоносова, одного из важнейших писателей XVIII в., свидетельствует о том, что в русской словесности рассматриваемого периода эти герои русской истории устойчиво отождествлялись.

* * *

Материал панегирической поэзии XVIII в. отражает взгляд официальной историографии, согласно которому под именем Лжедмитрия I скрывался монах Григорий Отрепьев. Взаимодействие наименований обоих героев в русской словесности было столь тесным, что сформировало в ономастическом поле полностью совпадающие по своему денотату наименования. Это позволяет дать в «Словаре антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале поэтических панегирических жанров)» их общее семантическое описание. Рассмотренный в статье материал пред-

ставляет определенный интерес не только с точки зрения семантики онимов, но и метода исследования их функционирования в панегирической поэзии. Принимая во внимание то, что большой пласт антропонимической лексики обычно исключался из словарного описания текстов XVIII века, а также тот факт, что «именно в это время в России идет интенсивное формирование ономастического поля как особой лингвистической и историко-культурной категории и складывается культурно-исторический антропонимический тезаурус европеизированной культуры» [9, с. 74], составители словаря решили включить в описание не только материал собственно панегирической поэзии, но и материал других жанров. Такое решение обусловлено необходимостью продемонстрировать «фон» и, как в рассмотренном в настоящей статье случае, объяснить семантическое описание лексем.

Источники

1. Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Издал по рукописи Московской Духовной Академии Евгений Петухов. – Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1901.
2. Гедеон (Криновский), еп. Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе сказываемых придворным проповедником, бывшим потом епископом Псковским и

Святейшего правительствующего Синода членом Гедеоном. Ч. 1–6. – Москва : Синод. тип., 1855. – Ч. 6. – 232 с.

3. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. 1–9. – Санкт-Петербург, 1864–1883.

4. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Т. 6. – Москва; Ленинград, 1952.

5. Майков, В. И. Избранные произведения / В. И. Майков. – Москва; Ленинград, 1966 (Серия «Библиотека поэта»).

6. Моисеева, Г. Н. Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича / Г. Н. Моисеева // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник. 1978. – Ленинград, 1979. – С. 37–48.

7. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Текст: электронный.

8. Платон (Левшин), митр. Поучительные слова при высочайшем дворе ея императорского величества благочестивейших великих государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, и в других местах с 1763 года по 1778 год / митр. Платон (Левшин). – В 20 т. – Москва: [Сенат. тип.], 1779–1806.

Литература

9. Матвеев, Е. М. О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / Е. М. Матвеев // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 3. 2017–2019 годы. – Санкт-Петербург, 2020. С. 71–117.

M.G. Sharikhina

NAMES OF FALSE DMITRY I IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY (SPECIFICITIES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION)

The article examines the issues of the lexicographic description of the names of False Dmitry I in the «Dictionary of Anthroponyms in Russian Poetry of the 18th century (based on panegyric genres)». In panegyric poetry, most of the anthroponyms refer to G. Otrepiev, who was steadily identified with False Dmitry I in the literature of the 18th century. The result of this identification was the formation of the contaminated name *prityvorny (false) Dimitry Rostriga*, which is found in the prose of Feofan Prokopovich. It makes it possible to give a general semantic description of False Dmitry I and G. Otrepiev in the Dictionary. Among the names of G. Otrepiev there is a lexeme *Rasstriga (Defrocked)*, which acquires lexical-semantic and grammatical features of a proper name in the poetry by G.R. Derzhavin. The use of the material from non-panegyric genres allows in many cases to clarify the semantics of the lexemes under study.

Anthroponym, lexicographic description, panegyric poetry, literature of the 18th century, False Dmitry.

В.К. Щербин

*Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Белоруссии*

«СТРАНА БОНДАЛЕТИЯ»: В.Д. БОНДАЛЕТОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛЕКТОЛОГИИ

В статье излагается краткая история формирования такого междисциплинарного научного направления, как социолектология. Детально анализируются многочисленные и разнообразные вклады В.Д. Бондалетова в развитие российской социолектологии и социолектографии. Обосновывается вывод об основополагающей роли В.Д. Бондалетова в создании теоретико-методологических основ для формирования позитивной программы развития современной российской социолектологии.

Научное наследие В.Д. Бондалетова, социальный диалект, социолект, социолектология, социолектография, социолингвистика, социология языка.

Среди лингвистов, социологов, философов, представителей других гуманитарных и социальных наук в странах СНГ и дальнего зарубежья заслуженной популярностью пользуются многочисленные (свыше 700 названий!) научные и учебно-методические публикации доктора филологических наук, профессора Пензенского государственного университета Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), посвященные проблемам истории русского языка и его социальных диалектов, русской ономастики, жаргонологии и жаргонографии, теории языка и многих других лингвистических дисциплин и областей языковых знаний. Еще большей привязанностью к трудам и делам этого выдающегося российского лингвиста отличаются те отечественные и зарубежные языковеды, которые знакомы с ним лично и которые, как говорится, на себе ощутили обаяние творческой харизмы этого Великого (в прямом и переносном смыслах!) Ученого и Человека.

Довелось персонально оценить масштаб творческой личности В.Д. Бондалетова и автору данной статьи, когда по счастливому стечению обстоятельств в мае 1990 года на одном из заседаний Международной научной конференции «Славяне: единство и многообразие», проходившей в г. Минске в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры, я оказался на соседнем с Василием Даниловичем стуле и благодаря этому лично познакомился с ним, подарил ему коллективную монографию «Общество – язык – политика» (Минск: Вышэйшая школа, 1988) с моим разделом на тему «Язык и политика» (с. 164–221), получил от него в подарок учебное пособие «Социальная лингвистика» (Москва: Просвещение, 1987), а также обменялся с ним восхищенными оценками содержания только что прослушанного нами пленарного доклада академика О.Н. Трубачева на тему «В поисках единства. III: “А кто там идет?”» (взгляд на этногенез белорусов)¹. В дальнейшем, как это

водится у филологов, обмен мыслями и книжными новинками по интересующей В.Д. Бондалетова и меня научной проблеме (Язык и общество) продолжался еще много лет в почтовом формате.

Поэтому поистине печальной новостью для меня стало знакомство с подготовленной О.В. Никитиным статьей-некрологом «Памяти профессора Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018)» [17]. Тогда же зародилось у меня и желание написать о роли В.Д. Бондалетова в формировании отечественной социолектологии. Данное желание особенно укрепилось после знакомства с книгой «Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета» [26], электронный вариант которой мне любезно предоставил ее ответственный редактор проф. МГОУ О.В. Никитин.

Указанная книга является поистине знакомым явлением не только потому, что в ней опубликованы теплые воспоминания пензенских коллег В.Д. Бондалетова и лично знакомых с ним российских и зарубежных лингвистов о различных сторонах многогранной научной и учебно-методической деятельности патриарха Пензенского государственного университета, в котором В.Д. Бондалетов проработал 66 лет. На мой взгляд, в материалах этой книги (и это ее главная «изюминка») просматриваются концептуальные основы нового междисциплинарного направления (социолектологии), формирующегося на стыке таких научных дисциплин, как аргология, дискурсология, жаргонология, криптология (наука о тайных языках), семиотика, социальная диалектология, социология и философия языка. Именно развитие социолектологии стало, по мнению многих исследователей, главным делом жизни В.Д. Бондалетова. См., к примеру, следующее высказывание Л.А. Климовой на эту тему: «Рассмотрение компьютерного языка,

¹ Тезисы указанного доклада О.Н. Трубачева были опубликованы в сборнике тезисов и сообщений научной конференции «Славяне: адзінства і мнагастайнасць» (Минск, 1990. С. 91–93), а полный

текст доклада вошел позднее в книгу О.Н. Трубачева «В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси» (Москва: Наука, 1997. С. 78–129).

компьютерной лексики... вписывалось в основное направление исследований Василием Даниловичем профессионально-производственных подсистем, социолоктов» [12, с. 84].

Еще более развернуто приоритет В.Д. Бондалетова в изучении социолоктов русского языка раскрывает проф. О.В. Никитин, который отмечает главную заслугу В.Д. Бондалетова: он первым из российских лингвистов осознал, «сколько еще пряталось неизвестного в тайниках русского языка! За стройными рядами концепций, объемными томами грамматических сочинений, шумными съездами и конференциями скрывались на просторах нашей древней земли едва переступившие через все революции и потрясения то ли чудесные слова, то ли какие-то отреченные фразы, сказанные мельком, будто таясь огласки. Их «владельцы» охраняли свой мир, не допускали в него чужих людей, приглядываясь к ним с прищуром, и редко отворяли двери своего удивительного словесного терема, в котором происходило особенное действие, недоступное обычному человеку. Это была другая страна... Тогда все жили открытиями в космической науке будущего, ждали их и не помышляли о том, что здесь, в *Бондалетии*, разгораются очаги иного мира» [18, с. 4].

Тот факт, что социолекты (и в их числе тайные и условные языки) сегодня существуют и развиваются не только в русском, но и вообще в любом живом национальном языке, ни у кого не вызывает сомнений. В частности, британский лингвист М.А.К. Халлидей называл такие языковые формы иною, «тайного», мира «анти-языками», описывая их следующим образом: «Анти-языки используют ту же грамматику и слова, что и основное речевое сообщество, но используют их таким отличающимся образом, что они могут быть понятны только инсайдерам» [29, с. 570–584].

Более конкретное понятийное содержание, по свидетельству Х. Вальтера, В.М. Мокиенко и О.И. Фоняковой, вкладывал в метафору «страна Бондалетия» (т. е. место в России, где изучаются тайные языки и иные социолекты) академик АН СССР В.М. Жирмунский, автор одной из первых отечественных книг по социальной диалектологии «Национальный язык и социальные диалекты» (1936): «Многие годы Василий Данилович руководил кафедрой русского языка в Пензенском государственном педагогическом университете имени В.Г. Белинского – в своей «*Бондалетии*» (как когда-то остроумно окрестил окружение будущего профессора акад. В.М. Жирмунский), которая имеет обширную территорию, где живут и работают его ученики и сотрудники, а также бесчисленные носители тайных (а благодаря ему уже ставших и явными) народных аргов» [7, с. 40].

Однако страна – это не только территория и проживающие на ней люди, это еще и законы этой страны, системы путей сообщения и иных коммуникаций в ней, и многое другое (этические нормы бытия и проч.). Василий Данилович знал об этих требованиях не понаслышке и строил свою «Бондалетию» в полном соответствии с регулятивами, содержащимися в программном стихотворении российского историка науки Я.Г. Рокитянского «Угол бытия»:

Не нужно ссориться ни с кем,
Живи, твори, не знай сомнений,
Пусть будет меньше мёртвых схем,
И больше мыслей и стремлений.
Свой угол бытия найди,
И в этом микрогосударстве
Наметь законы и пути
И растворишься в его пространстве [23].

Для начала, чтобы упорядочить состав и структуру своего «микрогосударства», В.Д. Бондалетов защитил докторскую диссертацию на тему «Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев» (1966), в которой дал подробную классификацию социальных диалектов русского языка: «В зависимости от природы, назначения, языковых признаков и условий функционирования различаются: 1) собственно профессиональные «языки» (лексические системы), напр., рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, а также представителей других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, напр., учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных, коллективов; 3) условно-профессиональные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 4) условные языки (арго, жаргоны) деклассированных» [4, с. 9–10].

Насколько удачной и обоснованной была классификация социальных диалектов, представленная в докторской диссертации В.Д. Бондалетова, можно судить по тому факту, что даже спустя два десятилетия она сохранилась без изменений в подготовленном В.Д. Бондалетовым учебном пособии «Типология и генезис русских аргов» (1987), в котором выделены следующие типы социальных диалектов:

«1) собственно профессиональные диалекты («подъязыки», лексические системы), например речь охотников, рыболовов, ткачей и т.д.;

2) групповые, или корпоративные, жаргоны (особенности речи учащихся, студентов, спортсменов, солдат, матросов и других, преимущественно молодежных, коллективов);

3) условные, или тайные, языки (арго) ремесленников-отходников и торговцев, а также близких к ним социально-профессиональных групп;

4) воровской жаргон («блатная музыка») – речь деклассированных» [5, с. 4–5].

Отдают должное новизне созданной В.Д. Бондалетовым типологии социальных диалектов русского языка и авторы книги «Страна Бондалетия». В частности, профессор МГОУ Л.П. Рупосова пишет об этом следующее: «В.Д. Бондалетов “ворвался” в отечественную и мировую лингвистику со своей, в те времена “неудобной”, темой – социально-профессиональные языки на территории Европейской части СССР. Подобные образования со времен В.И. Даля не замечались, можно сказать, даже игнорировались и не изучались. Но после выступления Василия Даниловича в Москве <...> и выхода его работ стало очевидным, что традиционная картина социального членения русского языка нуждается в серьезной коррекции» [24, с. 128].

Публикации и устные выступления В.Д. Бондалетова о социально-профессиональных языках (социолектах) стали мощным стимулом к уточнению традиционной картины социального членения русского языка для очень многих отечественных гуманитариев, причем не только филологов. К примеру, российский философ Г.М. Кириллов, защитивший докторскую диссертацию на тему «Сущность и экзистенциальные основания медиационного диалога» (Казань, 2018), пишет о влиянии личного общения с В.Д. Бондалетовым на выбор им темы своего диссертационного исследования следующее: «Многое из того, что он рассказывал мне о языке, я понял. Но главное дело его жизни – арго – навсегда останется тайной, ждущей дальнейшего изучения и открытий. Не беда, что сами офени ушли в историю. Их язык (а вернее, языки), благодаря труду, упорству и смелости ученых, уцелел и ждет дальнейшего исследования. Василий Данилович был «поверенным» тайн этих непростых людей, носителем их знания, если хотите, последним из могикан. Уникальный феномен арго, видимо, находится на грани естественного и искусственного языков» [11, с. 66].

На наш взгляд, в указанной статье Г.М. Кириллов весьма уместно рассуждает о диалектике естественного и искусственного в языке и острой необходимости изучения искусственных языков и их наречий: «Спору нет, нынешняя эпоха, по праву носящая название информационной эры, представляет широкий спектр возможностей для коммуникации. Но одновременно язык, как живое существо и человеческое творение, претерпевает неслыханную нагрузку и напряжение. О диалектике естественного и искусственного в языке я и попытался в меру своих сил написать... В процессе работы выяснилось, что искусственные языки весьма многочисленны, существуют столько же, сколько существует человеческая культура, и на место уже исчезнувших приходят все новые “рукотворные” языки. Примета нашего времени – языки Интернет-сообществ, тесно связанные с техносредой и содержащие специфическую наукообразную лексику: язык так называемых кашенитов, язык фидонет-сообществ, “олбанское” наречие. Эти языки, хотя они и недолговечны, способны развиваться, они совсем не похожи на мертворожденные гомункулысы первых искусственных языков, вроде волапока и универсаллота. Как быть с ними? Искоренять? Ведь они могут, как все искусственное, повредить живому языку. Поощрять? Ведь это своеобразное проявление свободы мысли, помогающее самовыразиться молодежи. Во всяком случае, надо их изучать. Думаю, что к такому решению я пришел благодаря общению с Василием Даниловичем» (Там же, с. 64).

О необходимости дальнейшей детализации намеченной работами В.Д. Бондалетова картины социального членения русского языка пишет и доктор филологических наук М.Н. Приемьшева, защитившая диссертацию на тему «Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект» (Санкт-Петербург, 2009), материалом для которой «послужили около 350 этнографических, публицистических, ведомственных и собственно лексикографических источников по тайным и условным языкам,

созданных и опубликованных в 1780–1910-е годы на территории Российской империи (включая территории современных Украины, Белоруссии, отчасти Польши). Анализ конкретного материала 48 условных языков торговцев, ремесленников и нищих осуществлялся на базе 77 словарей (более 11500 лексических единиц); раннего воровского арго петербургских воров – на материале 5 словарей (более 600 лексических единиц)» [20, с. 4]. Иными словами, само многообразие источников изучаемого социального материала вынуждало М.Н. Приемьшеву принять такое методологическое решение: «...поскольку изучались широко и письменные источники, пришлось формально расширить и объект исследования: включить и воровское арго, и символические лексические системы религиозно-мистических групп» [21, с. 118].

Можно приводить и другие примеры расширения границ социолектологии за счет а) компьютерных жаргонов геймеров, программистов, хакеров и других групп пользователей ЭВМ; б) различных типов дискурсов (медийных, образовательных, политических, социологических, экономических и др.). См., к примеру, определение потребительского дискурса в статье Ю.М. Фаткабаровой: «Потребительский дискурс – сложная коммуникативная система, организованная лингвистическими и экстраязыковыми элементами, обуславливающими ожидания, установки и поведение многочисленных субъектов взаимодействия: производителей, продавцов, рекламистов, потребителей, юристов, финансовых консультантов и других участников дискурсивных полей, на которые распадается сфера потребления. <...> Потребление стало одной из сфер формирования “объединительного” языка (в терминологии В.Д. Бондалетова), который можно добавить как самостоятельную категорию к выделенным В.Д. Бондалетовым формам существования языка. Механизм функционирования подобного массового языка позволяет отнести его к глобальному арго: язык не имеет фонетической или грамматической системы, возникает стихийно и ясен группе лиц, разделяющих при проявлении в потребительском дискурсе ценности потребления» [28, с. 234].

По вполне понятным причинам подобные расширения парадигмальных границ социолектологии не могли не породить новых классификационных проблем. В частности, формальная «привязка» социолекта просто к той или иной социальной группе, без предварительного определения социального статуса такой группы и отнесения ее социолекта к высокому или низкому регистру таких социолектов (как это делают, к примеру, при определении понятия *социолект* В.И. Беликов и Л.П. Крысин: «Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.п.» [3, с. 47]), практически уравнивает все социолекты между собой и автоматически придает каждому из них статус профессионального языка либо специального подязыка общелитературного языка.

В качестве примера такого «уравнивания в правах» разнотипных социолектов, весьма отличающихся по своему социальному статусу и лингвистическому регистру, можно привести утверждение Е.Г. Лукаша-

нец о том, что «преступная деятельность – это тоже вид профессиональной деятельности. Кроме того, профессиональный (или, скорее, полупрофессиональный) характер аргота отражается в большом количестве арготизмов, обозначающих приемы, средства, ситуации совершения преступлений, причем эти арготизмы не имеют синонимов в литературном языке» [14, с. 20]. С такой статусной квалификацией воровского аргота принципиально не согласна руководитель группы терминологии и ономастики Института языкознания РАН А.В. Суперанская, которая считает, что «определение воровской речи как профессиональной едва ли правомерно, а признание воровства профессией сомнительно» [27, с. 8].

В свою очередь, попытки со стороны отдельных криминологов «профессионализировать» воровское арготическое и преступные занятия его носителей получили в статье академика Д.С. Лихачева следующую оценку: «В настоящее время нет ни только какой-либо прочной теории аргота, но и ни одного достаточно последовательного и непротиворечивого взгляда, если, впрочем, не считать концепций, созданных этнографами и криминологами, которые, однако, совсем не могут удовлетворить нас с лингвистической стороны» [13, с. 60].

Не остался в стороне от жарких дискуссий о социальном и лингвистическом статусе воровского аргота и В.Д. Бондалетов, который оценивал состояние таких дискуссий следующим образом: «О социальной, лингвистической (словообразование, этимология), психологической, правовой сторонах воровского жаргона и его носителей существует обширная специальная литература, однако социолингвистическая интерпретация этого типа социолекта пока страдает разнобразием» [6, с. 74].

Между тем академик В.М. Жирмунский еще в 1936 г. показал, что от подобного разноречия при интерпретации разнотипных социальных диалектов (социолектов) можно избавиться путем построения их иерархии: «Социальные диалекты, возникающие в результате классовой дифференциации общества, отнюдь не равноправны, и их взаимоотношение не ограничивается механическим сосуществованием: они связаны между собой сложным взаимодействием, иерархическим соподчинением и борьбой, обусловленной общим направлением социального развития данной эпохи и страны» [10, с. 15–16].

Еще более комплексный, междисциплинарный подход к интерпретации воровского аргота предложил академик Д.С. Лихачев: «Мы считаем, что всякое исследование аргота должно строиться с учетом трех моментов: арготическое как факта языка, арготическое как факта мышления и арготическое как факта социально-экономической обусловленности. Только при этих методологических предпосылках можно будет рассчитывать построить теорию аргота, стоящую на уровне достижений современной лингвистики» [13, с. 64].

Если не учитывать отмеченные выше методологические предпосылки и статусные отличия социолектов между собой и от общенационального литературного языка, то мы неминуемо приходим к «уравниванию в правах» разнотипных социолектов, ведущему к разобщению общества, о котором писал

российский этнограф С.А. Арутюнов: «Разобщение общества находит свое выражение, в частности, в появлении различных субкультур со своей идеологией, своими формами внешнего выражения (например, в костюме, в формах поведения), со своими религиозными особенностями и специфическими жаргонами и сленгами. Конечно, появление субкультур не может сопоставляться с наличием субэтнических делений или внутриэтнической дифференциации, но показателем тенденций, препятствующих этнической консолидации, оно, по-видимому, может считаться» [2, с. 43].

В свою очередь, включение в состав социолектов всех без разбора существующих типов дискурса чревато излишними осложнениями картины социального членения русского языка по причинам, указанным в учебном пособии Н.Б. Вахтина и Е.В. Головкин: «Новые дискурсы возникают, а старые исчезают непрерывно. Появление компьютеров породило программистский дискурс, дискурс Интернета и т. д. Дискурс «стиляг» появился в конце 1950-х и исчез к середине 1960-х годов. С падением советской власти в России исчезли дискурсы фарцовщиков, комсомольских работников, замполитов в армии и т. д. <...> Все существующие дискурсы так или иначе взаимосвязаны. Исчезновение старых или появление новых отражается на всех существующих дискурсах. <...> Все дискурсы достаточно сложны, но они совсем не обязательно должны представлять собой нечто величественное и масштабное. Старушки, сидящие на скамейке у подъездов, образуют дискурс точно так же, как и депутаты Думы. <...> Дискурсы могут быть гибридами других дискурсов. <...> Число дискурсов бесконечно. <...> Дискурсы никогда не имеют четких границ. Их границы постоянно изменяются в процессе взаимодействия с другими дискурсами, они никогда не бывают застывшими. Поскольку меняются границы, то меняется и содержание самих дискурсов» [8, с. 266–267].

Показательно, что с аналогичными проблемами (существованием исключительного многообразия искусственных языков и социолектов, острой необходимостью в систематизации и иерархизации этого необъятного социолектного материала и т.п.) сталкиваются социолингвисты и в других странах. В частности, что касается количества существующих в современном мире различных социальных групп, отличающихся между собой в числе прочего своими искусственными языками и социолектами, то, по данным социологов, численность таких групп исчисляется миллиардами единиц: «Социальные группы – это среда, в которой возникают и развиваются коллективные процессы. Совокупная численность человеческих групп на земле превышает численность населения в 1,5–2 раза <...> и доходит до 8–10 млрд. И все это возможно благодаря тому, что один индивид может состоять в 5–6 группах» [25, с. 806]. Именно эту необъятную совокупность социальных групп и их социолектов имел в виду В.Д. Бондалетов, когда в беседе с философом Г.М. Кирилловым говорил о том, что «у языка бесчисленное количество аспектов, функций и парадигм... Далеко не все они изучены до конца, а некоторые вообще по-настоящему не изучались» (См.: [11, с. 64]).

Чтобы упорядочить и систематизировать эту необъятную совокупность существующих в разных языках разнотипных социолектов, зарубежные и отечественные социолингвисты разработали длинный ряд отличающихся между собой по содержанию и форме метапонятий, посредством которых описываются и классифицируются такие социолекты. Назовем в алфавитном порядке, в качестве примеров, некоторые из таких метапонятий: *акролект, антиязык, арго, базилект, гендерлект, геолект, графолект, диалект, дискурс, евролект, жаргон, злоречие, идиолект, интердиалект, интержаргон, искусственный язык, койне, компьютерный социолект, корпоративный жаргон, креолизованный язык, криптолект, лект, лингва франка, мезолект, нациолект, новояз, пиджин, плановый язык, просторечие, профессиональный язык, региолект, сленг, смешанный язык, социальный диалект, социокод, социолект, стандартный язык, стиль, тайноречие, тайный язык, функциональный стиль, условный язык, этнолект, язык для специальных целей, языковой субстандарт* и др.

К сожалению, перечисленные выше ключевые социолингвистические метапонятия редко используются в отечественных работах по социолектологии, в которых преобладают описания многочисленных достижений и количественные данные о том, сколько условных языков и иных социолектов изучено, сколько арготических словарей разных типов издано и т. д. (Кстати, и в области социолектографии В.Д. Бондалетов является бесспорным лидером: им «опубликовано более 20 словарей русских арго» [18, с. 12]). Между тем, как справедливо заметил российский экономист и социолог В.В. Радаев, для любой области исследований «позитивная программа должна строиться не на перечне свершений и взятых количественных рубежей. Она должна начинаться с идентификации *ключевых проблем* и разворачиваться в напряженном поле этих проблем. При этом под “проблемой” я понимаю не просто какие-то общие или частные недостатки, а существенные нестыковки, расхождения в позициях, болезненные разрывы в понимании, которые мешают нам жить и которые приходится преодолевать. А позитивная программа, соответственно, представляет не свод готовых рецептов немедленного и гарантированного излечения от всех болезней, а *совокупность векторов, своего рода ориентиров, показывающих, в каком направлении целесообразно продвигаться, чтобы преодолеть эти разрывы*» [22, с. 25].

Если попытаться сформировать такую позитивную программу для российской социолектологии, то к числу ее ключевых проблем, требующих своего неотложного рассмотрения, на наш взгляд, необходимо будет отнести следующие императивы:

1) острую необходимость реализации междисциплинарного подхода к изучению любого социолекта. При таком междисциплинарном подходе в полной мере учитываются данные лингвистики, психологии, семиотики, социологии, этнологии и других гуманитарных и социальных наук. О необходимости междисциплинарного подхода к изучению социолектов писал не только академик Д.С. Лихачев, рассматривая, например, арго как факт языка, мышления и социально-экономической обусловленности. Но, по

справедливому замечанию М.Н. Приемышевой, «как когда-то легендарный академик А.А. Шахматов размышлял о связи этнологии, политики, языка и национальных особенностей славянских народов и смотрел в этом вопросе далеко вперед, так и наш Василий Данилович буквально прозревал историю – видел и прошлое, и настоящее и даже заглядывал в будущее» [21, с. 123]. В свою очередь, проф. О.В. Никитин отмечал тот факт, что многие наблюдения В.Д. Бондалетова над социолектным материалом не являются сугубо лингвистическими, а имеют глубокий социальный и философский подтекст [16, с. 24–37];

2) непрозрачность и закрытость для внешнего наблюдения социальных структур, использующих свои особые социолекты, с необходимостью предполагает принципиальную включенность наблюдателя в эти структуры и знание им знаков и символов, посредством которых выражается жизненный опыт представителей этих социальных структур. Белорусский социолог В.Л. Абушенко пишет по этому поводу следующее: «...жизненный мир и все, что с ним связано: опыт, а также идеалы и ценности, – ускользает от теоретического схватывания. Ускользает потому, что этот мир жизненного опыта непрозрачен и закрыт для внешнего наблюдателя, для наблюдения с позиции трансцендентального субъекта. Чтобы с ним работать, нужно быть принципиально включенным в эти структуры, понимать их изнутри как активный участник или включенный наблюдатель. <...> Кроме того, закрытость этих структур объясняется еще и тем, что они всегда опосредованы, мы не можем выйти на них напрямую, мы никогда, как бы мы ни осуществляли разные редукции, не прорвемся к ним. Почему? Непрозрачность, неумовимость и закрытость этих структур жизненного опыта связана с тем, что они всегда опосредованы с помощью знаков и символов» [1, с. 397]. Следовательно, неотъемлемыми чертами любого социолектологического исследования должно стать использование методов не только лингвистики, но и социологии, социальной семиотики, когнитивной психологии и др.;

3) необходимость учета при выстраивании отношений между перечисленными выше субстандартными языковыми образованиями (арго, базилект, идиолект, социолект и др.) и общелитературным языком следующих факторов: а) категорий общего, особенного и отдельного. По мнению Т.И. Ерофеевой, «термин “социолект” вписывается в триаду “диалект” (общность территорий), “социолект” (общность страты), “идиолект” (общность языковых актов, дискурса). В философских категориях общего, особенного и отдельного язык есть общее, социолект – особенное, идиолект – отдельное» [9, с. 311]; б) иерархии интересов социальных групп и сообществ, использующих эти субстандартные языковые образования: «наверху интересы всего общества, ниже – коллективные интересы различных общественных групп, в самом низу – частный интерес индивида» [19, с. 215]. Выполнить данное императивное требование в социолектологическом исследовании будет совсем не просто, поскольку оно противоречит положениям доминирующей в большинстве стран мира современной либеральной идеологии, которую А.С. Понарин понимает

как «процедуру разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния. Эту одноклеточность представляет либеральный индивид, порвавший все социальные связи и обязательства и выступающий в качестве носителя единственного интереса – своего частнособственнического» [19, с. 189].

Подсказку относительно того, как можно противостоять реализации этой либеральной идеологии в сфере бытования русского языка, нам оставил В.Д. Бондалетов. По свидетельству Л.П. Рупосовой, «он всегда поддерживал тех, кто занимается изучением живой лингвистики. А в его понимании это история письменной культуры, народных традиций и названий, диалектов и всего, что связано с историей науки, стиля образцовых писателей и т. д. Исследование этих опорных проблем, по мнению В.Д. Бондалетова, поможет сохранить в языке облик Отечества с его многоликой географией наречий и социолектов» [24, с. 127];

4) системная потребность во взаимосвязанном с социолектологией развитии социолектографии (теории и практики составления разнотипных словарей социолектов), которая создает фактологическую основу для социолектологических исследований. По мнению В.М. Мокиенко, «научное исследование социолектов во многом начиналось именно с их фиксации и лексикографического описания» [15, с. 76]. И это опережающее развитие социолектографии (по сравнению с социолектологией) должно быть продолжено.

Выводы

Проведенный анализ многочисленных и разнообразных вкладов профессора В.Д. Бондалетова в развитие российской социолектологии и социолектографии позволяет нам сделать следующие выводы:

1) В.Д. Бондалетов фактически выступил первопроходцем в сфере изучения социолектов русского языка, защитив в 1966 году докторскую диссертацию на тему «Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев» и опубликовав целый ряд теоретических (монографии, учебные пособия, научные статьи) и практических (словари по отдельным условным и тайным языкам) работ по проблемам современной социолектологии;

2) созданная В.Д. Бондалетовым в 1966 году классификация социолектов русского языка, усовершенствованная им в 1980-е годы, до сих пор остается наиболее точной и детализированной их типологией и фактически имеет статус классической;

3) на наш взгляд, именно многочисленные и полиаспектные социолингвистические исследования В.Д. Бондалетова заложили теоретико-методологические основы для формирования позитивной программы развития современной российской социолектологии;

4) многократно цитируемая нами книга «Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета» (Пенза, 2019), на наш взгляд, предоставляет в распоряжение своих читателей полиаспектное описа-

ние истории формирования, новейших достижений и существующих проблем российской социолектологии, а значит, вполне может рассматриваться в качестве по-настоящему академического введения в эту непростою область современной социолингвистики.

Литература

1. Абушенко, В. Л. Современная социология: проблемы, рамки, основания / В. Л. Абушенко. – Минск : Экономпресс, 2016. – 502 с.
2. Арутюнов, С. А. Этнические процессы и язык / С. А. Арутюнов // Расы и народы: Ежегодник. – 1985. – № 15. – Москва : Наука, 1986. – С. 30–56.
3. Беликов, В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : РГГУ, 2001. – 439 с.
4. Бондалетов, В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. Д. Бондалетов. – Ленинград : ЛГУ, 1966. – 28 с.
5. Бондалетов, В. Д. Типология и генезис русских арго: учебное пособие к спецкурсу / В. Д. Бондалетов. – Рязань : РГПИ имени С. А. Есенина, 1987. – 82 с.
6. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика : учебное пособие для студентов педагогических институтов / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1987. – 160 с.
7. Вальтер, Х. Памяти Василия Даниловича Бондалетова / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, О. И. Фоякова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 36–40.
8. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка : учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
9. Ерофеева, Т. И. Идиолект и социолект как объект изучения социальной дифференциации языка / Т. И. Ерофеева // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов Международной конференции (Москва, 23–25 октября 2001 г.). – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 310–311.
10. Жирмунский, В. Национальный язык и социальные диалекты / В. Жирмунский. – Ленинград : Художественная литература, 1936. – 299 с.
11. Кириллов, Г. М. Диалог должен продолжаться / Г. М. Кириллов // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 57–67.
12. Климова, Л. А. С благодарностью... / Л. А. Климова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 82–88.
13. Лихачев, Д. С. Психология арго / Д. С. Лихачев // Россия – Восток – Запад : Сборник статей / ответственный редактор Н. И. Толстой. – Москва : Наследие, 1998. – С. 60–84.
14. Лукашанец, Е. Г. Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания / Е. Г. Лукашанец. – Минск : МГЛУ, 2007. – 300 с.

15. Мокиенко, В. М. Социолекты в зеркале лексикографии / В. М. Мокиенко // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2. – С. 76–93.
16. Никитин, О. В. Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических микросистем проф. В.Д. Бондалетова) / О. В. Никитин // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 19–20 мая 1998 г.). – Смоленск, 1998. – Ч. 2. – С. 24–37.
17. Никитин, О. В. Памяти профессора Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018) / О. В. Никитин // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4. – С. 108–112.
18. Никитин, О. В. Профессор тайноречия / О. В. Никитин // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 3–15.
19. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 352 с.
20. Приемышева, М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект : автореферат диссертации доктора филологических наук / Приемышева М. Н. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2009. – 42 с.
21. Приемышева, М. Н. Одна маленькая история о «тайных языках»... / М. Н. Приемышева // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – С. 117–125.
22. Радаев, В. В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? / В. В. Радаев // Социс. – 2008. – № 7. – С. 24–33.
23. Рокитянский, Я. Г. Восемь ступенек: стихотворные миниатюры / Я. Г. Рокитянский. – Москва : Academia, 2005. – 216 с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/record/01002672683>. – Текст: электронный.
24. Рупосова, Л. П. Человек-открытие (детали к портрету В.Д. Бондалетова) / Л. П. Рупосова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – С. 126–130.
25. Социальные группы // Культура и культурология: Словарь / составитель и редактор А. И. Кравченко. – Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 806.
26. Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – 264 с.
27. Суперанская, А. В. Русский язык начала XXI века / А. В. Суперанская // Журналистика и культура русской речи. – 2007. – № 3. – С. 4–17.
28. Фаткабарова, Ю. М. ««Пришивая ярлык, не уколись», или особенности перевода языка потребительского дискурса с английского на русский» / Ю. М. Фаткабарова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 233–240.
29. Halliday, M. A. K. Anti-Languages / M. A. K. Halliday // *American Anthropologist*. – 1976. – Vol. 78, № 3. – P. 570–584.

V.K. Shcherbin

V.D. BONDALETOV'S ROLE IN RUSSIAN SOCIOLECTOLOGY DEVELOPMENT

The article considers a brief history of the formation of such an interdisciplinary scientific branch as sociolectology. The author gives a detailed analysis of the numerous and diverse contributions of V.D. Bondaletov to the development of Russian sociolectology and sociolectography. The article emphasizes the key role of V.D. Bondaletov in creation of theoretic-methodological fundamentals to form a positive development program for contemporary Russian sociolectology.

Scientific heritage of V.D. Bondaletov, social dialect, sociolect, sociolectology, sociolectography, sociolinguistics, sociology of language.

ПАМЯТИ УЧЁНЫХ

УДК 001:821.161.1(470.12)

Е.П. Андреева

Вологодский государственный университет

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Ю.И. ЧАЙКИНОЙ

Статья посвящена памяти доктора филологических наук, профессора Ю.И. Чайкиной. Известный ученый, исследователь языка Русского Севера Ю.И. Чайкина была безгранично предана науке, родному языку, широко известны ее труды в области исторической и региональной лексикологии, лексикографии, лингвистического источниковедения, истории специальной лексики и ономастики, лингвогеографии.

Историческая лексикология и лексикография, ономастика, социальная история Северной Руси.

Специфической чертой современной лингвистики является коллективный характер научной деятельности, консолидация труда исследователей для достижения поставленной цели. Однако любое научное направление в нашей памяти связано с именем конкретного ученого.

Ю.И. Чайкина – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В ее характере удивительным образом соединялись два качества: постоянный поиск своего пути в исследовании языковых фактов и умение создавать круг единомышленников. Главная тема трудов Ю.И. Чайкиной – лексика Русского Севера в ее историческом и современном состоянии. Собранный бесценный фактический материал, комплексный подход к его изучению, воспитание своих учеников со студенческой скамьи до защиты диссертации, умение увлечь решением сложных задач позволили ей создать свою научную школу, представленную целым рядом исследователей – докторов и кандидатов филологических наук.

Только на первый взгляд судьба профессора Ю.И. Чайкиной была к ней благосклонна: любимая

работа, авторитет среди коллег, широкий круг учеников, высокая оценка специалистами ее трудов. На самом деле жизнь ученого можно назвать подвижнической.

Отец Иван Иванович Чайкин – сельский священник, участник Первой мировой войны. После революции его приход был закрыт, положение семьи бывшего священника оказалось опасным, пришлось вначале переезжать в Череповец, затем с восьмимесячной дочерью Юлией в родное село Дмитриевское, где Иван Иванович недолгое время работал лесником. Бывший «служитель культа», по мнению новой власти, представлял опасность, скитания семьи продолжились.

Когда началась Великая Отечественная война, родители отправили Юлию к дальним родственникам в Череповецкий район, там она блестяще заканчивает сельскую школу и поступает в Череповецкий учительский институт. В 1943 году девушка возвращается в г. Калинин, где находится семья, успешно завершает обучение в педагогическом институте. Ее научным наставником становится С.А. Копорский, известный диалектолог, историк русского языка, исследователь языка художественной литературы, его имя Юлия Ивановна вспоминала всегда с благодарностью. Возможно, нечто в судьбе и характере Учителя напоминало Ю.И. Чайкиной ее родителей: он родился в семье священника, окончил духовную семинарию. По словам О.В. Никитина, важными качествами ученого являлись «духовная целостность и преемственность научных традиций, память к ушедшим, глубокая вера и преданность той земле, на которой суждено было родиться и умереть» [4]. Эти качества были присущи и его талантливой ученице.

После окончания вуза Ю.И. Чайкина остается в ассистентуре при кафедре русского языка Калининского института, затем работает в Таганрогском пединституте, где защищает кандидатскую диссертацию «Специальная лексика в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка». Но в мыслях молодой исследователь все чаще обращается к Русскому Северу, малая родина не отпускала Ю.И. Чайкину. Как отмечала Юлия Ива-

новна, самые главные ее работы были написаны здесь, на Вологодской земле. В 1965 г. она возвращается в Череповец, защищает докторскую диссертацию «Лексика Белозерья в историческом аспекте». С 1976 г. Ю.И. Чайкина работает в Вологодском пединституте, заведует кафедрой русского языка. Во многом благодаря ее усилиям была создана аспирантура, усилились научные связи кафедры с академическими и педагогическими институтами, университетами страны. По инициативе профессора Чайкиной и под ее руководством в 1980-е гг. организуются межвузовские конференции, собиравшие до 150 участников со всей России. Когда образуется Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций при филологическом факультете института, открывается аспирантура, она становится заместителем председателя совета, руководителем аспирантского объединения кафедры.

Верным помощником Ю.И. Чайкиной была ее мать, Мария Михайловна, которая прекрасно знала жизнь русской северной деревни. Юлия Ивановна унаследовала от нее любовь к русскому языку, к яркой, образной народной речи, многие диалектные слова были записаны ею от матери. В основе научных статей Ю.И. Чайкиной, посвященных эмоционально-оценочной лексике в череповецких говорах, лежит авторская картотека экспрессивов, пополнявшаяся на протяжении многих лет. Свой вклад в ее создание внесла и Мария Михайловна, которая вспоминала родные с детства слова, давала точное описание их семантики. По-матерински заботливо она относилась к аспирантам профессора Чайкиной, опекала их.

Такие качества, как трудолюбие, ответственность, скромность были сформированы у Юлии Ивановны в семье. В жизни ученого всегда самое важное место занимала работа, этого же требовала Ю.И. Чайкина от своих учеников. Творческое мышление, целеустремленность, неугасаемый интерес ко всему новому, вечный поиск, высокая требовательность к себе и окружающим, пожалуй, главные черты ее характера. Широко научных интересов своего Учителя отмечал профессор С.Н. Смольников – «историческая и диалектная лексикология и лексикография, лингвистическое источниковедение, история специальной лексики и ономастики, вопросы ареальной лингвистики, а также проблемы этногенеза, социальной истории и истории культуры Северной Руси, отраженные в слове» [5, с. 6]. Благодаря кропотливой работе в центральных и региональных архивах в научный оборот Ю.И. Чайкиной был введен огромный фактический материал из рукописных источников деловой письменности Русского Севера: монастырских приходо-расходных, писцовых и переписных, таможенных и торговых книг, описей имущества, вкладных, кормовых, издержечных книг феодальных хозяйств, различного рода руководств по практической деятельности, наставлений, порядных, ремесленных, мастерских книг. В работах ученого описаны такие пласты старорусской лексики, как сельскохозяйственная и географическая лексика, названия лиц, производственно-техническая и административная терминология, метрология. В результате были показаны основные тенденции развития специальной лексики: устранение синкретизма, диффузности лексического

значения, появление однозначных терминов, усиление общерусской нормы и, как следствие, – архаизация и выпадение узколокальных терминов. Глубокое знание материала позволило Ю.И. Чайкиной говорить о формировании в старорусском языке особого ремесленно-промышленного стиля, описать его специфические черты.

Особое место среди трудов Ю.И. Чайкиной занимают работы, посвященные истории антропонимии и топонимии. Широка их проблематика: влияние разных письменных центров на развитие севернорусской антропонимической системы, семантика некалендарных личных имен, методика реконструкции нарицательной лексики на базе ономастического материала, именованья женщин в древнерусский и старорусский периоды, развитие локальных топонимических систем, география словообразовательных топонимических моделей Русского Севера, пути формирования микротопонимии в донациональный период. Описанный ономастический материал послужил основой и для изучения фундаментальной проблемы диалектного членения старорусского языка. Свой вклад в развитие отечественной ономастики внесли в дальнейшем ученики Ю.И. Чайкиной: д-р филол. наук, проф. С.Н. Смольников, д-р филол. наук, проф. И.А. Кюршунова, канд. филол. наук Е.Н. Варникова, канд. филол. наук Е.Н. Иванова, канд. филол. наук Н.В. Комлева, канд. филол. наук Н.В. Лебедева, канд. филол. наук Л.Н. Монзикова.

Не менее значимыми являются труды профессора Чайкиной в области лексикографии. Ее имя мы находим в справочном выпуске «История картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв.: авторский состав и источники». Прекрасное знание севернорусских памятников деловой письменности, лексикографических источников, глубокий интерес к историческим словарям обусловили участие Ю.И. Чайкиной в этом грандиозном лексикографическом проекте, «сокровищнице по истории русского языка и культуры»: более 750 карточек, написанных ее рукой, хранятся в КДРС [3, с. 236]. Ю.И. Чайкина приняла участие и в создании «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», являясь членом редакционной коллегии, автором словарных статей.

Широко известны ее ономастические словари нового типа: «Географические названия Вологодской области», «История вологодских фамилий». Но, наверное, самым любимым детищем стал «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.», работа над которым началась в 1992 г. Под руководством Ю.И. Чайкиной над созданием Картотеки СПЛ трудился большой коллектив: преподаватели Вологодского педуниверситета (Е.П. Андреева, А.А. Баландина, Л.А. Берсенева (Цыцылкина), М.В. Богданова, С.Б. Виноградова, Л.Ю. Зорина, Л.М. Кознева, Н.В. Комлева, О.И. Новоселова, И.Н. Попова, С.Н. Смольников), Архангельского Поморского университета (Т.В. Винниченко, С.В. Репневская, Т.М. Юдина) и Коми пединститута (О.В. Борисова, Н.А. Ставшина). Работа над «Словарем промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» способствовала разрешению ряда теоретических проблем общего языкознания и исторической лексикологии русского языка и, в частности, – проблемы старорусского термина, стилисти-

ческой дифференциации русского языка XV–XVII вв., наконец, вопроса о специфике словаря специальной лексики русского языка донационального периода.

Проблемы ареальной лингвистики также привлекали внимание ученого. В работе Ю.И. Чайкиной «Вопросы истории лексики Белозерья» (1975 г.) впервые в русской диалектологии было проведено картографирование лексического материала XIV–XVI вв., что позволило сделать аргументированные выводы об эволюции элементов лексико-семантической системы говоров Белозерья, показать сужение или расширение ареалов описываемых лексем, реконструировать давно исчезнувшие ареалы. Еще до того, как началось активное сотрудничество ИЛИ РАН с различными вузами страны по Программе ЛАРНГ, Ю.И. Чайкина организовала на кафедре работу по сбору диалектного материала для лингвистического картографирования, около 300 экземпляров составленной при ее участии «Анкеты» было разослано учителям русского языка, студентам-заочникам и краеведам в разные районы Вологодской области. Реализация составленной Программы могла бы решить определенные вопросы как региональной лексикологии русского языка, так и заселения Вологодского края. По словам Л.Ю. Зориной, были собраны вполне добротные материалы, к сожалению, проект не был доведен до конца по ряду причин [2, с. 149].

Значителен вклад Ю.И. Чайкиной в подготовку научных кадров. Плодотворно работают в области лингвистики, в педагогической сфере многочисленные ученики Юлии Ивановны, ученики ее учеников. Об особом даре профессора Чайкиной доступно и увлекательно говорить о сложных вещах свидетелст-

вуют лекции, которые помнят ее бывшие студенты, книги, написанные для учителей и школьников.

В памяти коллег, соратников, учеников остается яркий образ ученого-лингвиста, посвятившего свою жизнь изучению истории русского языка. Самоотверженное служение науке, любовь к русскому слову определили жизненный путь Ю.И. Чайкиной.

Литература

1. Библиография основных научных трудов Ю. И. Чайкиной // Вопросы ономастики. – 2016. – Т. 13, № 1. – С. 262–272.
2. Зорина, Л. Ю. К лингвогеографическому изучению лексики вологодских говоров / Л. Ю. Зорина // Вопросы региональной лексикологии и ономастики : межвузовский сборник статей, посвященный семидесятилетию профессора Ю. И. Чайкиной / Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда, 1995. – С. 149–152.
3. История картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Авторский состав и источники / РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; [автор-составитель Л. Ю. Астахина]. – Москва : Наука, 2001 – Ч. 1. – 256 с.
4. Никитин, О. В. Профессор МГУ С. А. Копорский в кругу языковедов / О. В. Никитин. – URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/40245.php> (дата обращения: 30.10.2019). – Текст : электронный.
5. Смольников, С. Н. Свет путеводной звезды / С. Н. Смольников // Чайкина, Ю. И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье) / ответственный редактор Е. П. Андреева. – Вологда : Русь, 2005. – С. 5–14.
6. Судаков, Г. В. На службе русскому слову / Г. В. Судаков, Е. П. Андреева // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный семидесятилетию профессора Ю. И. Чайкиной. – Вологда : Русь, 1995. – С. 5–9.

E.P. Andreeva

DEVOTION TO SCIENCE: THE LIFE PATH OF Yu.I. CHAIKINA

The article is dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor Yu.I. Chaikina. A well-known scientist, researcher of the language of the Russian North, Yu.I. Chaikina was infinitely devoted to science, to her native language. Her works in the field of historical and regional lexicology, lexicography, linguistic source studies, the history of special vocabulary and onomastics, linguogeography are widely known.

Historical lexicology and lexicography, onomastics, social history of Northern Russia.

Л.Ю. Зорина

Вологодский государственный университет

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...»

В статье в лаконичной форме описывается жизненный и творческий путь видного диалектолога Татьяны Георгиевны Паникаровской. Выпускница Московского института имени В.П. Потемкина, она по распределению оказалась в Вологодском государственном педагогическом институте и проработала в нем вплоть до выхода на заслуженный отдых. Совмещая педагогическую деятельность с исследовательской работой, Т.Г. Паникаровская стала инициатором и ведущим специалистом по изучению вологодских диалектов. С течением времени все более очевидным становится ее большой вклад в становление и развитие вологодской школы диалектологии. Ее перу принадлежат многочисленные статьи по фонетико-морфологическим и лексическим особенностям говоров. Самым значительным трудом Т.Г. Паникаровской стал инициированный ею «Словарь вологодских говоров», изданный в виде 12 отдельных выпусков и включающий в себя более 26 тысяч словарных статей. Благодаря деятельности Т.Г. Паникаровской, работа по изучению диалектной лексики вологодских говоров остается актуальной вплоть до настоящего времени.

Т.Г. Паникаровская – видный диалектолог, исследователь вологодских говоров.

Татьяна Георгиевна Паникаровская – личность для Вологды весьма значительная. Видный диалектолог второй половины XX века, доцент Вологодского государственного педагогического института, общественный деятель Вологодчины, просветитель, пропагандист, для многих вологжан – друг, наставник, советчик. Память об этом человеке жива в сердцах многих ее коллег, учеников и последователей.

Родилась Татьяна Георгиевна Паникаровская 25 декабря 1926 года в городе Тобольске. Ее отец был преподавателем русского языка и литературы в школе так называемой 2-й ступени, мать была фармацевтом. В 1929 году у Татьяны Георгиевны родился брат, впоследствии – дипломированный инженер железнодорожного транспорта.

В 1944 году Татьяна Георгиевна поступила на подготовительный факультет Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина.

В 1945 году – на первый курс факультета русского языка и литературы этого института. В 1949 году с отличием окончила институт и была рекомендована в аспирантуру. В том же году начала свою трудовую деятельность учителем русского языка и литературы в школе № 278 Щербаковского района города Москвы.

С октября 1952 года, уже закончив аспирантуру по специальности «История русского языка и диалектология», Т.Г. Паникаровская продолжала работать над завершением диссертации на тему «Говор деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области (сравнительно с описанием, сделанным в 1903 году Н.Н. Дурново)». Тема исследования предполагала, что будут выявлены изменения, происшедшие в говоре за 50 лет. Научным руководителем по диссертации был доктор филологических наук, профессор П.Я. Черных. Впоследствии с ним и его супругой Татьяна Георгиевна сохраняла дружеские отношения в течение длительного времени. Диссертация со скорректированным названием «К истории подмосковных говоров (фонетико-морфологическое исследование говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области)» была защищена 8 июня 1959 года в Московском педагогическом институте им. В.П. Потемкина.

По окончании аспирантуры Татьяна Георгиевна была направлена в Вологодский государственный педагогический институт, где уже работал ее муж. Супруг Татьяны Георгиевны Паникаровской, Вячеслав Александрович Шитов, участник Великой Отечественной войны, также выпускник московской аспирантуры, проработал в Вологодском государственном педагогическом институте в должности доцента 38 лет, из них 18 лет заведовал кафедрой русского языка. Татьяна Георгиевна проработала в

должности доцента вплоть до выхода на пенсию в 1996 году.

Впоследствии дважды (в 1979 и 1983 годах) Т.Г. Паникаровская проходила курсы повышения квалификации на кафедре общего языкознания Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, где кафедрой в те годы заведовали сначала А.Н. Стеценко, а затем И.Г. Добродомов.

В Вологодском государственном педагогическом институте Татьяна Георгиевна Паникаровская выполняла большую учебно-воспитательную, научную и общественную работу. За время работы Т.Г. Паникаровская показала себя подготовленным и умелым преподавателем, строгим и вдумчивым научным работником, внимательным и требовательным воспитателем студентов, активным участником общественной жизни историко-филологического факультета. Т.Г. Паникаровская награждена значками «Отличник народного просвещения» РСФСР и СССР, юбилейной медалью «За доблестный труд», медалью «Ветеран труда», многочисленными почетными грамотами.

В течение длительного времени Т.Г. Паникаровская была единственным преподавателем цикла историко-лингвистических дисциплин в Вологодском государственном педагогическом институте. Она преподавала старославянский язык, историческую грамматику, русскую диалектологию. Беспрерывно осуществляла руководство большим студенческим диалектологическим кружком. Коллектив преподавателей, служащих и студентов высоко ценил и глубоко уважал Т.Г. Паникаровскую как хорошего, принципиального, требовательного члена коллектива.

Ведя научную работу в области русской диалектологии, Т.Г. Паникаровская являлась участником всесоюзных и республиканских научных конференций в Архангельске, Даугавпилсе, Москве, Петербурге, Череповце, Ужгороде и других городах. Ее статьи и исследования опубликованы в изданиях Архангельска, Вологды, Воронежа, Днепрпетровска, Калинина (Твери), Ленинграда, Москвы, Перми, Ужгорода, Челябинска, Череповца, Черновцов и других городов.

В числе публикаций Т.Г. Паникаровской заметны работы по фонетико-морфологическому описанию подмосковных и вологодских диалектов [14; 15; 16 и др.]. Небезынтересны сравнительные исследования диалектов, например вологодских и тверских говоров [8; 22]. Как преподавателя истории русского языка Т.Г. Паникаровскую чрезвычайно интересовали архаические формы в русских народных говорах [4], лексика общеславянского и старорусского происхождения в вологодских говорах [21].

Заметными стали осуществленные Т.Г. Паникаровской описания динамики русских народных говоров на протяжении 50-ти лет (от записей Н.Н. Дурново до 50-х годов XX века) [12; 13; 20], а также изменений, происшедших в диалектах под влиянием русского литературного языка [11].

Т.Г. Паникаровскую интересовали и многие конкретные темы: лексика одежды [9], лексика строительства [10], названия реалий крестьянского быта, в частности – частей русской печи [17] и др. Разносторонне ею была описана глагольная лексика вологодских говоров [7 и др.], лексика в языке литературных про-

изведений [5; 6; 11; 23]. Татьяной Георгиевной создано также множество работ по методике преподавания вузовских дисциплин [18; 19 и др.].

Под руководством Т.Г. Паникаровской был опубликован целый ряд студенческих исследовательских трудов. 32 работы студентов, занимавшихся в диалектологическом кружке, увидели свет в различных российских изданиях.

Написанные Т.Г. Паникаровской исследовательские статьи характеризуются обилием фактов, точностью их описания и обобщения, строгостью лингвистической методикой и метода. По прошествии многих лет можно с уверенностью сказать, что основные выводы и наблюдения Т.Г. Паникаровской актуальны и в настоящее время: статьи ее, ставшие лучшими описаниями особенностей вологодских говоров, цитируются и переиздаются [14; 15], указанные ею направления исследования получают дальнейшее развитие [1; 25 и мн. др.].

Главным трудом Т.Г. Паникаровской стал Словарь вологодских говоров [2; 24], инициатором создания которого и редактором на протяжении большей части своей жизни она являлась. Словарь состоит из 12 выпусков общим объемом около 180 печатных листов, включает в себя более 26 тысяч словарных статей. Словарь получил высокую оценку специалистов [3]. Т.Г. Паникаровская и члены возглавляемого ею авторского коллектива этого Словаря стали лауреатами Государственной премии Вологодской области по науке и технике за 1998 год (диплом № 1).

Издание Словаря вологодских говоров послужило толчком для активизации лексикографической работы в регионе. На принципах этого словаря строятся и другие, уже современные проекты [1; 3 и др.]. В Вологодской области развилось мощное движение любителей и собирателей диалектных слов [2 и мн. др.].

Многим коллегам посчастливилось быть принятыми в доме супругов Т.Г. Паникаровской и В.А. Шитова. В их квартире хранилась огромная библиотека лингвистической литературы – от словарей языка эсперанто до последних выпусков Словаря русских народных говоров. Этим богатством педагоги щедро делились со своими учениками: многие книги и словари, отсутствующие в Областной научной библиотеке, становились доступными для коллег и любознательных студентов и аспирантов.

Несмотря на большую занятость учебной и научной работой, Т.Г. Паникаровская и ее супруг В.А. Шитов вели интересную, богатую впечатлениями жизнь. Они были завзятыми театрами, посещали многие премьеры вологодских театров, в течение ряда десятилетий выписывали и с интересом читали журнал «Театр». Сопровождая своих студентов на конференции в Ленинград, Т.Г. Паникаровская непременно водила их на концерты мастеров искусств в Ленинградскую государственную филармонию. Впрочем, в Вологодской филармонии их с В.А. Шитовым тоже хорошо знали как любителей и знатоков классической музыки.

В своей жизни супруги не замыкались в пределах Вологды. Так, Т.Г. Паникаровская совершила путешествия в доступные в ее время Польшу, Чехословакию и Румынию. Нередко она шутила, что их с В.А. Шитовым денежки «плавают по морям и океа-

нам»: по Днепру они совершили несколько круизов, путешествовали по рекам Сибири и по Северному морскому пути.

Прошло уже полтора десятилетия, как нет с нами Т.Г. Паникаровской. Но в сердцах и умах ее сподвижников сохраняется память об этом деятеле российской науки и о деле, которому была посвящена ее жизнь. С течением времени все более очевидным становится большой вклад Т.Г. Паникаровской в становление и развитие вологодской школы диалектологии. Благодаря деятельности Т.Г. Паникаровской диалектная лексика вологодских говоров теперь воспринимается как неисчерпаемый источник сведений о быте, нравах, традициях, ценностях северян.

Источники

1. Вологодское словечко: Школьный словарь диалектных слов / ответственный редактор Л. Ю. Зорина. – Изд. 1. – Вологда : ВГПУ, 2010. – Изд. 2, исправл. и доп. – Вологда : ВГПУ, 2011.
2. Словарь вологодских говоров / Вып. 1–6 / под редакцией Т. Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под редакцией Л. Ю. Зориной. – Вологда : ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.
3. Словарь вологодского режского говора (по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области) / научный редактор Л. Ю. Зорина. Вологда : ВоГУ : Эпатаж, 2017. – 604 с.

Литература

1. Зорина, Л. Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: Методические материалы и научно-популярные очерки / Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПУ, 2008.
2. Зорина, Л. Ю. Диалектное слово в Интернете / Л. Ю. Зорина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – С. 326–341.
3. Мокиенко, В. М. Словарь вологодских говоров, Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Республики Мордовии), Словарь смоленских говоров / В. М. Мокиенко [Рецензия] // Вопросы языкознания. – 2009. – № 1. – С. 147–153.
4. Паникаровская, Т. Г. Архаические формы в вологодских народных говорах / Т. Г. Паникаровская // ЛГПИ им. А. И. Герцена. Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов. – Череповец, 1970. – С. 56–60.
5. Паникаровская, Т. Г. Диалектизмы в повести Василия Белова «Привычное дело» / Т. Г. Паникаровская // ЛГПИ им. А. И. Герцена. Ученые записки. Том 471. Вопросы теории английского и русского языков. – Ленинград, 1970. – С. 111–124.
6. Паникаровская, Т. Г. Диалектизмы в художественной ткани литературных произведений / Т. Г. Паникаровская // Литературный язык и народная речь. – Пермь, 1991. – С. 75–82.
7. Паникаровская, Т. Г. Диалектная глагольная лексика одного из говоров Вологодской группы севернорусского наречия / Т. Г. Паникаровская // Вологодский педагогический институт // Вопросы теории английского и русского языков. – Вологда, 1973. – С. 85–96.
8. Паникаровская, Т. Г. Из наблюдений над лексикой вологодских и калининских говоров / Т. Г. Паникаровская // Среднерусские говоры и памятники письменности. Сборник научных трудов Калининского государственного университета. – Калинин, 1989. – С. 17–22.

9. Паникаровская, Т. Г. Из наблюдений над лексикой одежды в вологодских говорах в связи с «Вопросником ОЛА» / Т. Г. Паникаровская // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Ужгород, 25–28 сентября 1973 года). – Москва, 1973. – С. 249–251.

10. Паникаровская, Т. Г. Из наблюдений над лексикой строительства в вологодских говорах в связи с «Вопросником ОЛА» / Т. Г. Паникаровская // Комиссия общеславянского лингвистического атласа при Советском комитете славистов. Институт русского языка АН СССР. Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР. ЛГУ. ЛГПИ. Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Ленинград, 26–30 сентября 1972 г.). Тезисы докладов. – Москва, 1972. – С. 118–120.

11. Паникаровская, Т. Г. Из наблюдений над процессами изменения русских народных говоров под воздействием литературного языка / Т. Г. Паникаровская // Вологодский педагогический институт и Череповецкий педагогический институт. Материалы межвузовской конференции по итогам научной работы за 1964 год. Тезисы докладов. Русский, английский, немецкий языки и методика их преподавания. – Вологда, 1965. – С. 27–30.

12. Паникаровская, Т. Г. Изменения в звуковой и морфологической системах говора деревни Парфенки за время Советской власти (по следам Н.Н. Дурново) / Т. Г. Паникаровская // АН ССР. Институт русского языка. Тезисы докладов на X диалектологическом совещании (11–14 мая 1965 г.). – Москва, 1965. – С. 24–26.

13. Паникаровская, Т. Г. Изменения в области фонетики в говоре деревни Парфенки Московской области в советский период / Т. Г. Паникаровская // Вопросы теории и методики русского языка. Ученые записки. – Вологда, 1967. – Т. 33, вып. 2. – С. 139–155.

14. Паникаровская, Т. Г. К изучению говоров Кубенско-озерского района Вологодской области / Т. Г. Паникаровская // Ученые записки ВГПИ. Том XVIII: Филологический. – Вологда, 1956. – С. 375–393.

15. Паникаровская, Т. Г. К изучению местных говоров Сокольского района Вологодской области / Т. Г. Паникаровская // Вологодский педагогический институт. Ученые записки. Том XXVI: Языковедческий. – Вологда, 1961. – С. 45–75.

16. Паникаровская, Т. Г. Морфологическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области / Т. Г. Паникаровская // Ученые записки ВГПИ. Том XXII: Филологический. – Вологда, 1958. – С. 411–439.

17. Паникаровская, Т. Г. Названия реалий крестьянского быта в вологодских говорах: русская печь и ее части / Т. Г. Паникаровская // Эволюция лексической системы севернорусских говоров : сборник статей / ответственный редактор Ю. И. Чайкина. – Вологда, 1984. – С. 20–25.

18. Паникаровская, Т. Г. Научная работа студентов по диалектологии как средство подготовки будущего учителя к работе в диалектных условиях / Т. Г. Паникаровская // Лингвистическое краеведение. – Пермь, 1991. – С. 12–15.

19. Паникаровская, Т. Г. О диалектологической работе на кафедре русского языка / Т. Г. Паникаровская // Ученые записки ВГПИ. – Том XXII. – Вологда, 1958. – С. 535–538.

20. Паникаровская, Т. Г. О некоторых возможных направлениях изучения языковой эволюции / Т. Г. Паникаровская // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции. – Москва, 1991. – С. 17–20.

21. Паникаровская, Т. Г. Отражение древнерусской и старорусской лексики в «Словаре вологодских говоров» / Т. Г. Паникаровская // История русского слова: проблемы номинации и семантики / ответственный редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда, 1991. – С. 72–80.

22. Паникаровская, Т. Г. Севернорусская лексика в среднерусских говорах / Т. Г. Паникаровская // Вопросы изучения среднерусских говоров. – Тверь, 1992. – С. 74–81.

23. Паникаровская, Т. Г. Так тосковали руки... / Т. Г. Паникаровская // Русская речь. – 1972. – № 6. – С. 42–48.

24. Словарь и ... вся жизнь (к 80-летию Т. Г. Паникаровской) / составитель Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПУ : Русь, 2006. – 32 с.

25. Шаброва, Е. Н. Структура непрямых глаголов в вологодских говорах : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шаброва Елена Николаевна. – Вологда, 1997. – 300 с.

L.Yu. Zorina

«THE GREAT IS SEEN AT A DISTANCE ...»

The article concisely describes the life and creative path of the prominent dialectologist Tatyana Georgievna Panikarovskaya. A graduate of the V.P. Potemkin Moscow Institute, she ended up at Vologda State Pedagogical Institute and worked there until she retired. Combining pedagogical activity and research work, T.G. Panikarovskaya became the initiator and leading specialist in the study of the Vologda dialects. Over time, her great contribution to the formation and development of the Vologda School of Dialectology became more and more obvious. She wrote numerous articles on phonetic-morphological and lexical features of dialects. The most significant work of T.G. Panikarovskaya was the «Dictionary of Vologda dialects» initiated by her, published in 12 separate issues and including more than 26,000 entries. Thanks to the activity of T.G. Panikarovskaya, the study of the dialect vocabulary of the Vologda dialects remains relevant up to the present time.

T.G. Panikarovskaya, the prominent dialectologist, researcher of the Vologda dialects.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 02(470)

Т.Н. Новых, И.Е. Колесова

*Вологодская областная универсальная научная библиотека
им. И.В. Бабушкина*

VIII УНИВЕРСИТЕТ МОЛОДОГО БИБЛИОТЕКАРЯ «СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОТЕКА: КУРС НА ЧИТАТЕЛЯ»

В статье дается обзор прошедшего в Вологде мероприятия VIII Университет молодого библиотекаря «Современная библиотека: курс на читателя», основной целью которого стал обмен опытом работы сотрудников библиотек России.

Чтение, библиотечное дело, новые информационные технологии, мастер-классы.

Уже в восьмой раз в Вологде собрал слушателей VIII Университет молодого библиотекаря «Современная библиотека: курс на читателя», который в этом году проходил 15–18 июня. Мероприятие, направленное на развитие библиотечного дела и обмен опытом и профессиональными находками между библиотекарями из различных регионов России, было организовано сотрудниками библиотечно-информационного юношеского центра им. В.Ф. Тендрякова Вологодской областной универсальной научной библиотеки при поддержке Департамента культуры и туризма Вологодской области, молодежной секции Российской библиотечной ассоциации, Российской государственной библиотеки для молодежи (Москва), при информационной поддержке журнала «Молодые в библиотечном деле».

На форум съехались более 40 специалистов из Вологды, Череповца, Вологодского, Бабушкинского, Тотемского, Великоустюгского, Вожегодского районов Вологодской области, а также из Архангельской, Кировской, Новгородской, Тверской, Ростовской, Тульской, Мурманской областей, Республики Коми.

Главная цель Университета – не научить основным навыкам библиотечной работы, а аккумулировать все самые передовые методики, созданные для работы с молодежью в стране и за ее пределами, и продемонстрировать их молодым коллегам. В этом году организаторам удалось соединить две, казалось бы, далекие друг от друга темы: Год науки и технологий в Российской Федерации и 85-летие со дня рождения поэта Николая Михайловича Рубцова и разработать насыщенную и интересную программу.

В этом году вопреки обычному порядку открытие Университета молодого библиотекаря началось не с приветственных речей, а с тренинга «Давайте познакомимся», проведенного руководителем тренингового центра «Экология разума» Наталией Царевой. Далее прозвучали музыкальные композиции на стихи Николая Рубцова в исполнении солисток Клуба авторской песни «Откровение» Ларисы Ковалевой и Ольги Тушиной, онлайн-приветствие Марины Павловны Заха-

ренко, председателя Молодежной секции Российской библиотечной ассоциации и приветствие-доклад директора Вологодской областной библиотеки Татьяны Николаевны Буханцевой, которая представила работу библиотеки как одного из передовых учреждений культуры области.

Завершился первый день работы Университета экскурсиями по библиотеке и по Вологде в целом и интеллектуальной игрой «Брейнфест», которые впечатлили участников и нашли отражение в их постах в соцсетях.

Второй день был наполнен выступлениями и мастер-классами специалистов, приехавших в Вологду со всей России. Виктория Засыпкина, заведующий отделом по молодежным проектам ГБУК г. Москвы «ЦБС ЗАО», с любовью рассказала о своей работе, в которую входят и игротка с блогером, и вселенная возможностей, и литературные путешествия, и театр теней, и еще многое-многое другое. Наталья Татаринцева, заведующий отделом по связям с общественностью и рекламе ГБУК АО «Астраханская библиотека для молодежи им. Б. Шаховского», прочитала лекцию о роли пиара в библиотеке и рассказала, как правильно позиционировать библиотеку в СМИ, а также провела цикл мастер-классов о работе в сервисе Canva для создания креативных видео в библиотеке.

Сергей Зубков, библиотекарь отдела автоматизации из Национальной библиотеки Ямало-Ненецкого автономного округа, принял участие в Университете молодого библиотекаря уже третий раз. В 2018 году был просто участником, в 2020 году выступал онлайн с мастер-классами по созданию сайта на тильде и чат-бота. На основе опыта прошлого года был сделан вывод, что подавляющее большинство современных библиотекарей не готовы к такой информации, хотя она была преподнесена в максимально доступной форме. В этом году Сергей предложил лекцию «Технологические тренды и варианты их применения в библиотеке» и одноименный проектный офис. Были придуманы и защищены проекты «Детки-предки:

пойми ребенка за два клика», «Дзен карьериста», «Дети мало читают», «Детокс».

Обзор и мастер-класс «От познания мира к его совершенствованию: современный подросток в мире науки и передовых технологий» провела Татьяна Николаевна Ерофеева, заместитель директора по методической работе АО «Издательство “Детская литература”», г. Москва. Татьяна Николаевна разделила зал на три части, каждой из которых было предложено на флипчартах написать произведения, которые можно порекомендовать школьникам 5–6-х классов («Еще читают»), 7–8-х классов («Другие интересы») и 9–11-х классов («Уже читают»), исходя из возрастных характеристик и следуя методике по предложенной схеме: что самое интересное в произведении, интересуется ли сам автор, его мысли и отношение к героям и событиям, эмоциональное воспитание, важна ли эстетическая форма произведения, уровень переосмысления и последствия. Участниками были названы произведения как писателей-классиков, так и наших современников, что, безусловно, показало, что на Университет собрались читающие люди, которые могут заинтересовать подростков и молодежь книгой и чтением.

Следует отметить и выступления сотрудников Вологодской областной универсальной научной библиотеки. Ольга Александровна Халявина на туториале «Создание викторин на платформе *quiz*» раскрыла секреты проведения состязаний «на удаленке» в рамках Международного проекта «Страницы большой жизни», организаторами которого являются Юношеский центр им. В.Ф. Тендрякова Вологодской областной библиотеки, Центр молодежного чтения Липецкой областной универсальной научной библиотеки и Луганская молодежная библиотека. Людмила Евгеньевна Сергеева-Христова ярко представила еще один интернет-проект «Классно о классном». В его рамках она еженедельно выходит в прямой эфир на платформе *Zoom* и рассказывает зрителям о писателях и поэтах, деятелях науки и техники, меценатах... Героями ее сюжетов уже стали Василий Белов, Владимир Гиляровский, Валерий Воскобойников, Владимир Тендряков и многие другие. Рассказ ведущего опирается на необычные факты из жизни и творчества, например, на одной из встреч был представлен Владимир Маяковский как турист, слушатели узнали о том, какие сувениры и подарки привозил поэт из

своих многочисленных поездок. Проект вызвал активный отклик: читатели разного возраста спрашивают в библиотеке произведения упомянутых в нем авторов, сотрудники районных библиотек используют предложенные центром методики продвижения чтения среди местного населения. На электронную почту участников по их просьбе высылаются материалы встреч и презентации. Мария Алексеевна Новых, самый молодой библиотекарь Университета, провела мастер-класс «Фишки современного оратора», где слушатели ответили на вопросы «Почему стоит приехать в Вологду?» и «Почему Университет молодого библиотекаря самый лучший». Презентацию молодежной Всероссийской форумной компании провела Екатерина Андреевна Козицына, специалист по работе с молодежью АУ ВО «Областной центр молодежных и гражданских инициатив “Содружество”».

Третий день был полностью посвящен выездной программе: путешествию в Дом-музей великого поэта Николая Рубцова, который находится в селе Никольское Вологодской области. Село Никольское в годы Николая Рубцова было многолюдным, а сейчас в нем около 300 жилых дворов, детский сад, школа, Дом культуры. Здесь сохраняется особый уклад жизни – общинный, доверительный, честный, добрый, здоровый, свободный, гармоничный. Это село воспитало поэта Николая Рубцова. Его память чтят в Никольском – здесь работает Дом-музей Николая Рубцова с интереснейшей экспозицией. Галина Алексеевна Мартюкова рассказала участникам Университета о жизни поэта в детдомовский период, о его трагической судьбе. Книги, парта, горница, строчки на стенах... – все это гармонично вплетено в единую композицию, которая впечатляет, вдохновляет на прочтение стихов Рубцова, которые никого никогда не оставят равнодушными.

В последнее время организаторы отошли от традиционных анкет по итогам мероприятия. Все события мероприятия слушатели активно освещали в социальных сетях в рамках конкурса хэштегов *#курс_на_читателя*, именно эти посты стали индикатором мнения о событии.

Надеемся, что в следующем году Университет молодого библиотекаря вновь примет активных библиотекарей со всей России и станет важной вехой в развитии библиотечного дела.

T.N. Novykh, I.Ye. Kolesova

THE VIIITH UNIVERSITY OF THE YOUNG LIBRARIAN «MODERN LIBRARY: FOCUS ON THE READER»

The article provides an overview of the event The VIIITH University of the Young Librarian «Modern Library: Focus on the reader» held in Vologda. Its main purpose was to exchange experience among Russian library staff.

Reading, library science, new information technologies, workshops.

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ГОСТЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.
О КНИГЕ М.С. ЧЕРКАСОВОЙ «КУПЕЦ Г.М. ФЕТИЕВ: ИССЛЕДОВАНИЯ И АРХИВ /
М.С. ЧЕРКАСОВА; ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ,
СЕВЕРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН.
ВОЛОГДА: ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА, 2020. 256 с.»**

В статье анализируется книга профессора М.С. Черкасовой по истории российского купечества на примере судьбы известного вологодского гостя второй половины XVII в. Г.М. Фетиева. Отмечено, что наряду со скрупулезным анализом исторического контекста автором предпринята плодотворная попытка реконструкции архива купца Г.М. Фетиева.

Исторические источники, предпринимательство, купечество, духовное завещание, археографический анализ.

В книге известного исследователя российского Средневековья и раннего Нового времени д-ра ист. наук, профессора М.С. Черкасовой рассмотрена биография и торгово-предпринимательская деятельность богатейшего вологодского купца второй половины XVII в. Гаврилы Мартыновича Фетиева.

Монография подготовлена в соответствии с планами научной и исследовательской деятельности Северного отделения Археографической комиссии РАН и издана при финансовой поддержке РФФИ.

Изложение построено на анализе широчайшего круга источников, значительная часть которых извлечена автором из архивных фондов Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Вологодской области, Отдела рукописей Российской государственной и национальной библиотеки и вводится в научный оборот впервые. Говоря об источниках, следует в первую очередь подчеркнуть огромный пласт «фетиевской» информации, извлеченной автором из огромного фонда – «Коллекция столбцов» в Государственном архиве Вологодской области, описание которого, длившегося несколько десятилетий, завершилось совсем недавно.

Еще один комплекс источников, с которым пришлось иметь дело автору, – это крепостные акты, включающие в себя сделки на дворы, лавки, амбары, квасницы и др., Г.М. Фетиева 1656–1683 гг.

Значительную помощь автору в характеристике личности и торгово-предпринимательской деятельности Г.М. Фетиева оказали материалы приходо-расходных и переписных книг Спасо-Прилуцкого монастыря и Вологодского архиерейского дома.

Определенную роль в реконструкции социального облика вологодского гостя сыграли для М.С. Черкасовой сфрагистические и эпиграфические источники.

Книга М.С. Черкасовой представляет две самоценные части. Первая, исследовательская, являет весьма удачную попытку реконструкции и изучения биографии Г.М. Фетиева, его происхождения, начала

предпринимательской деятельности, изменения социального статуса, его отношений с посадским миром, Спасо-Прилуцким монастырем и архиерейским домом, исполнения казенных служб, деловых связей с иностранными купцами, бытового уклада, материального положения и уровня благополучия, стиля жизни в целом – «такой бытовой уклад, все эти зеркала и стулья, шпаги и сабли, “карлы” в доме и многочисленная дворня, серебряные подсвечники и удобные экипажи, заморские попугаи и “конарейки”, немецкие лошади и индийские утки, яблоневый сад и прочее сближает городскую усадьбу неграмотного Фетиева с дворянским укладом жизни в столице, причем не столько XVII, сколько XVIII в.» (с. 54).

Вторая часть исследования представляет собой опыт реконструкции архива Г.М. Фетиева, который, по замыслу автора, в самом широком смысле может быть рассмотрен как часть большого хронологического перечня/списка источников, имеющих отношение к биографии и предпринимательской деятельности купца (с. 82).

По большому счету, книга М.С. Черкасовой дополняет публикации архивных комплексов известных торговых людей и предпринимателей России – именитых людей Строгановых, купцов Калмыковых, новгородского гостя Гаврилова, московских гостей Панкратьевых.

Общее количество включенных в список источников составляет свыше 100 документов, которые охватывают период жизни и предпринимательской деятельности Г.М. Фетиева с 1652 по 1687 гг. Источники архива весьма разнообразны и представляют собой челобитные, таможенные отписи, купчие, памяти, поступные и заемные записи, росписи товаров, выписки из приказных дел и царских указов, разыскные дела, указные грамоты Вологодских архиепископов Маркела и Симона, Холмогорского и Важского архиепископа Афанасия и патриарха Иоакима. Одна-

ко главным документом фетиевского архива является его знаменитое духовное завещание 1683 г.

Духовная Г.М. Фетиева неоднократно публиковалась в XIX в. Впервые была издана П.В. Свиньиным в 1829 г. Известны публикации Н.П. Дубровина 1843 г. и Н.И. Суворова 1873 г.

М.С. Черкасова предприняла попытку переиздать ее, предварительно выверив по трем известным спискам: список XVII в., хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки; список XVII в., хранящийся в архиве Петербургского института истории РАН и более поздний список завещания, находящийся в Отделе фондов Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Работу М.С. Черкасовой следует рассматривать в одном ряду с работами Н.А. Баклановой, М.Б. Булгакова, А.А. Введенского, Н.Б. Голиковой, Б.Н. Моро-

зова, Л.А. Тимошиной, посвященных изучению и публикации архивов привилегированного купечества и торгового сословия России.

Следует подчеркнуть высокий уровень археографического анализа и высочайшую научную составляющую публикуемых М.С. Черкасовой документов.

Наряду с этим необходимо отметить высокий уровень редакционной подготовки книги и ее типографского исполнения, умелый подбор иллюстративного материала, осуществленные издательством «Древности Севера». Следует отметить, что в 2021 г. книга М.С. Черкасовой стала лауреатом X-го областного конкурса «Вологодская книга года – 2020» в номинации «Лучшее научное издание».

В итоге историческая наука пополнилась весьма ценной исследовательской и источниковедческой публикацией, которая послужит фундаментальной основой для изучения темы в дальнейшем.

V.A. Sablin

**SOCIAL PORTRAIT OF THE RUSSIAN MERCHANT IN THE SECOND HALF
OF THE 17TH CENTURY. BOOK REVIEW:
CHERKASOVA, M.S. «MERCHANT G.M. FETIEV: RESEARCH AND ARCHIVE».
VOLOGDA, ANTIQUITIES OF THE NORTH, 2020. 256 p.**

The article analyzes the book of Professor M.S. Cherkasova on the history of Russian merchants on the example of the fate of a famous Vologda guest of the second half of the 17th century. G.M. Fetiev. It is noted that along with a scrupulous analysis of the historical context, the author made a fruitful attempt to reconstruct the archive of the merchant G.M. Fetiev.

Historical sources, entrepreneurship, merchants, spiritual testament, archaeographic analysis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аласов Имамаддин Фарман оглы

преподаватель кафедры социальной политики факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)
alakov_imam@mail.ru

Андреева Елена Павловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
er-andreeva@bk.ru

Баранов Сергей Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sb.corde@mail.ru

Бахвалова Татьяна Васильевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева (Орел, Россия)
btv-orel@yandex.ru

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)
n.bogdanova@spbu.ru

Булавина Мария Олеговна

аспирант кафедры русской филологии Ивановского государственного университета (Иваново, Россия)
bulavmaria@yandex.ru

Галкина Наталия Павловна

кандидат филологических наук, профессор Военной академии радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (Кострома, Россия)
gnprav@mail.ru

Ганцовская Нина Семеновна

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета (Кострома, Россия)
gantsovsky_n@mail.ru

Грибовская Наталья Юрьевна

кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка Тверского государственного медицинского университета (Тверь, Россия)
grinatal74@mail.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
dimonitm@vogu35.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Есипов Валерий Васильевич

кандидат культурологии, независимый исследователь, писатель, журналист (Вологда, Россия)
valery.esipov@gmail.com

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lyudmila.zorina@gmail.com

Колесова Ирина Евгеньевна

кандидат филологических наук, научный секретарь Областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина (Вологда, Россия)
mika-vologda@mail.ru

Костючук Лариса Яковлевна

доктор филологических наук, профессор (Псков, Россия)
anh57@yandex.ru

Красовская Нелли Александровна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия)
nelli.krasovskaya@yandex.ru

Кушнерева Ксения Владимировна

магистрант кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
k.v.kushnerova@yandex.ru

Некрашевич Филипп Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Минск, Беларусь)
davou@mail.ru

Новак Мария Олеговна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (Москва, Россия)
mariaonovak@gmail.com

Новых Татьяна Николаевна

заведующий Библиотечно-информационным юношеским центром им. В.Ф. Тендрякова Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина (Вологда, Россия)
tendryakovka@yandex.ru

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Трофимова Ольга Викторовна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)
otrofim@rambler.ru

Тумаков Денис Васильевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета (Ярославль, Россия)
denistumakov@yandex.ru

Ховрина Татьяна Константиновна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
tatyana.hovrina@mail.ru

Шарихина Миляуша Габдрауфовна

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела «Словарь языка М.В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
justmilya@yandex.ru

Щербин Вячеслав Константинович

кандидат филологических наук, заведующий сектором исследований макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Белоруссии (Минск, Беларусь)
shcherbin5353@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alasov Imamaddin Farman ogly

Lecturer of the Department of Social Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia)
alasov_imam@mail.ru

Andreeva Elena Pavlovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
ep-andreeva@bk.ru

Baranov Sergey Yurievich

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University (Vologda, Russia)
sb.corde@mail.ru

Bakhvalova Tatiana Vasilyevna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia)
btv-orel@yandex.ru

Beznin Mikhail Alekseevich

Doctor of History, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Bogdanova-Beglarian Natalia Victorovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
n.bogdanova@spbu.ru

Bulavina Maria Olegovna

Degree Seeking Applicant, Postgraduate Student of the Department of Russian Philology, Ivanovo State University (Ivanovo, Russia)
bulavmaria@yandex.ru

Galkina Natalia Pavlovna

Candidate of Philology, Professor, Nuclear Biological Chemical Defense Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S.K. Timoshenko (Kostroma, Russia)
gnpav@mail.ru

Gantsovskaya Nina Semyonovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology, Kostroma State University (Kostroma, Russia)
gantsovsky_n@mail.ru

Gribovskaya Natalya Yurievna

Candidate of Philology, Assistant Lecturer of the Department of Russian, Tver State Medical University (Tver, Russia)
grinatal74@mail.ru

Dimoni Tatiana Mikhailovna

Doctor of History, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
dimonitm@vogu35.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Esipov Valery Vasilievich

Candidate of Cultural Studies, Independent Researcher, Writer, Journalist (Vologda, Russia)
valery.esipov@gmail.com

Zorina Lyudmila Yurievna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
lyudmila.zorina@gmail.com

Kolesova Irina Yevgenievna

Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Universal Scientific Library named after I.V. Babushkin (Vologda, Russia)
mika-vologda@mail.ru

Kostiuchuk Larisa Yakovlevna

PhD., Professor (Pskov, Russia)
anh57@yandex.ru

Krasovskaya Nelli Alexandrovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy (Tula, Russia)
nelli.krasovskaya@yandex.ru

Kushnereva Kseniya Vladimirovna

Postgraduate Student of the Department of Russian History, Vologda state University (Vologda, Russia)
k.v.kushnereva@yandex.ru

Nekrashevich Philip Anatolievich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and Ideological Work, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
davou@mail.ru

Novak Maria Olegovna

Doctor of Philology, Leading Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
mariaonovak@gmail.com

Novykh Tatiana Nikolaevna

Head of the Library and Information Youth Center named after V.F. Tendryakov of Vologda Regional Universal Scientific Library named after I.V. Babushkin (Vologda, Russia)
tendryakovka@yandex.ru

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russia)
Stoletova-A-S@yandex.ru

Trofimova Olga Viktorovna

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and General Linguistics, Tyumen State University (Tyumen, Russia)
otrofim@rambler.ru

Tumakov Denis Vasilyevich

Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russia)
denistumakov@yandex.ru

Khovrina Tatiana Konstantinovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
tatyana.hovrina@mail.ru

Sharikhina Milyausha Gabdraufovna

Candidate of Philology, Researcher of the Sector «Dictionary of M.V. Lomonosov's language», Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)
justmilya@yandex.ru

Shcherbin Vyacheslav Konstantinovich

Candidate of Philology, Head of the Sector of Macroeconomic Risks Research, Center for Systems Analysis and Strategic Studies, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus)
shcherbin5353@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 3 (22) / 2021

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 12.11.2021 г. Выпуск в свет 29.11.2021 г. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 15,5. Усл. печ. л. 16,25. Тираж 55 экз. Заказ № . Цена свободная

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: typograf35@mail.ru